

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Опубликовано: Региональный Центр ООН по Превентивной Дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА)

Проспект Арчабиль, 43

744036, Ашхабад

Туркменистан

<http://unrcca.unmissions.org/>

© РЦПДЦА 2016 г.

Все права защищены. Содержание этой публикации можно без ограничений использовать и воспроизводить в образовательных или других некоммерческих целях при обязательном упоминании РЦПДЦА в качестве источника.

Подготовлено: Армандр Пуполс (РЦПДЦА) и Бахар Амангельдыева (РЦПДЦА)

Перевод с английского: компания «Интердиалект +» (Москва)

Оформление: Александр Атаев

Отпечатано в г. Алматы: "OO Libris"

Тираж: 500

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

9-10 декабря 2015 года
Бишкек, Кыргызская Республика

ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Публикация представляет собой заключительный отчет, а также сборник презентаций и других соответствующих материалов по итогам международного семинара «Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии». Представленные выступления и презентации, собранные в настоящей публикации, затрагивают широкий спектр вопросов, связанных с анализом внешних факторов, влияющих на безопасность и развитие в Центральной Азии. Ожидается, что данная публикация будет представлять интерес для дипломатов, государственных органов, академических кругов и представителей экспертного сообщества.

Мнения, выраженные в данной публикации, принадлежат авторам и не обязательно отражают точку зрения ООН или РЦПДЦА.

Выступления и иные материалы приводятся в том виде, в котором они были получены; были исправлены только типографские опечатки, фактические и терминологические ошибки.

Разрешается частичное воспроизведение содержимого только при условии указания должным образом ссылки на источник. Ссылку на данную публикацию можно указывать следующим образом:

РЦПДЦА. *Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии.* РЦПДЦА: Алматы, 2016.

Приветствуются все комментарии и предложения относительно содержания будущих изданий, которые можно направить на следующий электронный адрес unrcca-dpa@un.org.

Публикация доступна в электронном виде по адресу: unrcca.unmissions.org/Default.aspx?tabid=9323&-language=en-US.

Копию данной публикации можно также получить по следующему адресу:

РЦПДЦА

2

Проспект Арчабиль, 43

744036, Ашхабад, Туркменистан

Тел: +99312 481612/13; Факс: +99312 481607

Электронный адрес: unrcca-dpa@un.org

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Настоящая публикация была подготовлена господином Армандсом Пуполсом, Советником по политическим вопросам Регионального Центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) и госпожой Бахар Амангельдыевой, Координатором по связям с общественностью (РЦПДЦА) при содействии господина Александра Толстухина, Советника по политическим вопросам (РЦПДЦА).

Региональный Центр ООН хотел бы выразить свою искреннюю благодарность Правительству Кыргызской Республики и, в частности, Министерству иностранных дел Кыргызской Республики за согласие на проведение на своей территории международного семинара «Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии».

РЦПДЦА также благодарит господина Лилиана Дария (Министерство иностранных дел Молдовы) за подготовку заключительного отчета по итогам семинара.

Центр хотел бы особенно отметить поддержку и содействие господина Брайана Пожуна, Советника по политическим вопросам департамента по политическим вопросам Секретариата ООН, а также г-жи Моники Каландия, Младшего советника по политическим вопросам департамента по политическим вопросам (Секретариат ООН), г-жи Бахыт Абдильдиной, Представителя РЦПДЦА в Казахстане, г-на Мирлана Мамырова, Представителя РЦПДЦА в Кыргызской Республике, г-жи Саноат Джумаевой, Представителя в РЦПДЦА в Таджикистане, и г-на Нодира Худайберганова, Представителя РЦПДЦА в Узбекистане, в процессе подготовки данной публикации.

Кроме того, признательность выражается всем участникам семинара за ценные замечания и информацию, представленную в ходе мероприятия, а также за полезные материалы, включенные в данную публикацию.

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения	6
Предисловие	9
Введение	11
Г-н Нурлан Айтмурзаев, Ректор дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева «Мягкая сила» как один из факторов обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии в условиях глобализации	16
Г-н Кайхан Барзегар, Директор института стратегических исследований для Ближнего Востока Исламской Республики Иран Возникновение Исламского государства и региональная нестабильность	22
Г-н Фархад Мамедов, Директор центра стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики Расширение деятельности террористической организации «Исламское государство» и других экстремистских организаций как угроза стабильности в Центральной Азии.....	25
Г-жа Шарбану Таджбахш, Профессор Парижского института политических наук Проблема сотрудничества в целях предотвращения радикализации в Хорасане	35
Г-н Гусейн Гусейнов, Заместитель начальника департамента по анализу и стратегическим исследованиям Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики Угрозы международного терроризма региону Каспийского моря и меры, необходимые для победы над ним	45
Г-н Вячеслав Мусихин, Советник секретариата организации договора о коллективной безопасности Тезисы (выступление на семинаре РЦПДЦА)	50
Г-н Мухит-Ардагер Сыдыкназаров, Директор института современных исследований ЕНУ им. Л. Гумилева Республики Казахстан События в Украине и их влияние на регион Центральной Азии	60
Г-н Артем Данков, Кандидат исторических наук, Доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета Российской Федерации Центральная Азия в 2030 году: демографические вызовы и стратегии государств-партнеров	87
Г-жа Хань Лу, Старший научный сотрудник института Евразии Китайской академии международных проблем Китай играет важную роль в стабилизации ЦАР	108

<i>Г-н Джеймс Крейтон, Заслуженный член Американского института "Восток-Запад"</i>	
Институт "Восток-Запад" вновь на связи с Афганистаном:	
размышления о региональном экономическом потенциале Афганистана	112
<i>Г-н Али Ресул Усул, Председатель центра стратегических исследований</i>	
<i>Министерства иностранных дел Турецкой Республики</i>	
Тюркский совет как позитивная организация в центре Евразии.....	118
<i>Г-н Аскар Еркинов, Эксперт исполнительного комитета региональной антитеррористической</i>	
<i>структуре Шанхайской организации сотрудничества</i>	
Выступление на семинаре «Влияние внешних факторов на безопасность	
и развитие в Центральной Азии»	122
<i>Г-н Алмаз Имангазиев, Заместитель директора департамента интеграционных объединений</i>	
<i>Министерства иностранных дел Кыргызской Республики</i>	
Справка на тему «Роль региональных организаций в контексте влияния	
внешних факторов на регион Центральной Азии»	127
<i>Г-н Артем Азнаурян, Советник по политическим вопросам организации по безопасности</i>	
<i>и сотрудничеству в Европе, Центра в Бишкеке</i>	
Роль региональных организаций в контексте внешних факторов, влияющих на	
Центральную Азию	130
<i>Г-жа Жанаргуль Кусмангалиева, Директор института Евразийской интеграции Республики Казахстан</i>	
Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии	
в контексте роста влияния внешних факторов	136
<i>Г-н Сайфулло Сафаров, Первый заместитель директора центра стратегических исследований</i>	
<i>при Президенте Республики Таджикистан</i>	
Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии	
в контексте роста влияния внешних факторов.	165
<i>Г-жа Марта Брил Олкотт, Лектор - Профессор государственного университета Мичигана,</i>	
<i>Эмерит - Профессор Колгейтского университета Соединенных Штатов Америки</i>	
Политика США в Центральной Азии: обзор	170
<i>Г-н Абдул Ахад Мохаммади, Ведущий научный сотрудник, Начальник отдела по изучению</i>	
<i>проблем мира института стратегических исследований Исламской Республики Афганистан</i>	
Перспектива ИГИЛ в Афганистане и возможные последствия	
для Центральной Азии	175
<i>Г-н Лилиан Дарии, Генеральный директор департамента многостороннего сотрудничества</i>	
<i>Министерства иностранных дел и Европейской интеграции Республики Молдова</i>	
Заключительный отчет.....	185
Приложение 1. Программа семинара.....	200

СОКРАЩЕНИЯ

АИСИ	Афганский институт стратегических исследований
АНСБ	Афганские национальные силы безопасности
БНЭ	Борьба с насилиственным экстремизмом
ВВП	Валовой внутренний продукт
ВД	«Венский документ»
ДТ	Движение «Талибан»
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский Союз
ИГ	Исламское Государство
ИГИЛ	Исламское государство Ирака и Леванта
ИГИС	Исламское государство Ирака и Сирии
ИДУ	Исламское движение Узбекистана
ИК	Имарат Кавказ
ИРА	Исламская Республика Афганистан
ИСИБВ	Институт стратегических исследований для Ближнего Востока в Тегеране
КАСА	Проект передачи и торговли электроэнергией «Центральная Азия – Южная Азия»
КНР	Китайская Народная Республика

КСБР ЦАР	Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона
КСОР	Коллективные силы оперативного реагирования
МИД	Министерство иностранных дел
МССБ	Международные силы содействия безопасности
МУД	Меры по укреплению доверия
МУДБ	Меры по укреплению доверия и безопасности
НАТО	Организация Североатлантического договора, Североатлантический Альянс
НПО	Неправительственная организация
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ	Организация договора о коллективной безопасности
ООН	Организация Объединенных Наций
“ОПОП”	Программа “Один пояс, один путь”
ПП	Постсоветское пространство
РАТС	Региональная антитеррористическая структура
РАТС ШОС	Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества
РГА	Рабочая группа по Афганистану
РЦПДЦА	Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии

СВМДА	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
СВПД	Совместный всеобъемлющий план действий
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СНГ	Содружество Независимых Государств
ССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединенные Штаты Америки
ТАПИ	Газопровод ТАПИ (Туркменистан – Афганистан- Пакистан- Индия)
ТВ	Телевидение
ТИ	Международная организация «Трансперенси Интернешнл»
ТюркПа	Парламентская ассамблея тюркоязычных стран
ТЮРКСОЙ	Международная организация тюркской культуры
ЦА	Центральная Азия
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮСАИД	Агентство США по международному развитию
PRIOR	Международный институт по изучению проблем мира в Осло
PhD	Доктор философии
SIGAR	Специальный генеральный инспектор по восстановлению Афганистана
UK	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Региональный Центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) провел международный семинар на тему «Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии». Семинар состоялся в отеле «Плаза» в г. Бишкек, Кыргызская Республика, 9-10 декабря 2015 года. В семинаре приняли участие представители институтов стратегических исследований и иных государственных учреждений стран Центральной Азии и соседних стран, таких как Россия, Иран, Азербайджан и Турция, а также ряд международных исследовательских институтов и представители посольств в Бишкеке. Соответствующие региональные организации, такие как ОБСЕ, ШОС, ОДКБ и ОИК также приняли участие в работе семинара. Помимо РЦПДЦА, ООН была представлена МОНСА, структурой ООН-Женщины, ПРООН и УВКБ, а также местные и международные эксперты.

Мероприятие было организовано в рамках стратегического диалога Регионального Центра с исследовательскими институтами, который проводится с 2009 года. Целью данных мероприятий является анализ событий, связанных с безопасностью, и выработка рекомендаций для принятия превентивных мер совместно с институтами стратегических исследований, другими государственными учреждениями, международными и региональными организациями, научными кругами и экспертами. Стратегический диалог также направлен на поиск путей повышения взаимодействия между странами в целях борьбы с угрозами и вызовами в регионе, а также для выявления возможной роли различных участников в данном процессе.

Двухдневный семинар открылся выступлениями организаторов с подробным введением в семинар. После этого был сделан научный обзор текущего состояния внешних угроз и вызовов в регионе. Влияние внешних факторов на безопасность было рассмотрено с политической, социально-экономической и демографической точек зрения.

После обеда в первый день семинара международные и региональные эксперты представили информацию о расширении деятельности «Исламского государства» и

других экстремистских организаций и их влиянии на стабильность в Центральной Азии. После этого состоялись обсуждения, и был организован прием.

Второй день семинара был посвящен обсуждению влияния событий на Украине и Ближнем Востоке на регион Центральной Азии, а также стратегий ключевых государств-партнеров. В ходе заключительных сессий прошло обсуждение информации о региональном сотрудничестве и роли региональных организаций в данном процессе, а также были рассмотрены перспективы развития сотрудничества и передовой опыт государств Центральной Азии.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие событий в Афганистане в период после 2014 года, по-прежнему, вызывает серьезную обеспокоенность у стран Центральной Азии, которые выражают опасения в связи с возможным распространением нестабильности через границу. Существует потенциальная угроза действий террористического и экстремистского характера, что связано с ослаблением контроля над афганской территорией после сокращения Международных Сил Содействия Афганистану. Кроме того, распространению организованной преступности в регионе могут способствовать незаконный оборот и контрабанда наркотиков. Рост и расширение влияния «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и других экстремистских группировок на Ближнем Востоке и в Северной Африке имеет последствия для Центральной Азии. Ряд выходцев из Центральной Азии стали боевиками ИГИЛ. Имеются опасения, что после возвращения домой они могут использовать свой боевой опыт для ведения подрывной деятельности. Развитие ситуации в Украине также негативным образом отразилось на Центрально-Азиатском регионе. В то же время есть и положительные факторы, такие как активизация сотрудничества между некоторыми государствами Центральной Азии в связи с расширением Евразийского Экономического Союза, сотрудничество с новыми партнерами – государствами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и арабскими монархиями – и укрепление уже налаженного сотрудничества с Соединенными Штатами, КНР и Россией.

Принимая во внимание усиление внешних факторов, оказывающих влияние на ситуацию в Центральной Азии, РЦПДЦА решил сосредоточить свое внимание на этих факторах в ходе семинара в рамках стратегического диалога, состоявшегося в декабре 2015 года. Семинар имел целью проведение анализа событий в сфере безопасности, и также выработку рекомендаций относительно превентивных мер. Перед семинаром также стояла задача поиска путей укрепления взаимодействия между странами с целью устранения внешних угроз и вызовов в регионе, а также с целью определения потенциальной позитивной роли международных партнеров.

Участники рассмотрели историю возникновения и развития «Исламского государства» и других экстремистских группировок, угрожающих стабильности в Центральной Азии. Они обменились мнениями относительно внутренних и внешних факторов, влияющих на региональное сотрудничество, в том числе относительно воздействия событий в Украине на Центрально-Азиатский регион. Основными вопросами, которые были охарактеризованы участниками как требующие более активного и систематического регионального сотрудничества, стали борьба с терроризмом и экстремизмом и межрегиональное экономическое развитие. Кроме того, была подчеркнута важность социальных и культурных связей в рамках региональных контактов, а также значение молодежного фактора.

Эксперты сошлись во мнении, что укрепление государственного управления в Центральной Азии и информационное противодействие радикализму и джихадизму очень важны. Улучшение экономической ситуации в регионе было определено в качестве мощного фактора удержания граждан в стране и недопущения их превращения в иностранных боевиков. Кроме того, была подчеркнута важность сплочения общества и ведения внутрирелигиозного диалога в рамках ислама. Рекомендации включали разработку всеобъемлющих стратегий по борьбе с терроризмом с мощным механизмом

реализации. В связи с открытием новых фронтов в соседнем Афганистане, возможное проникновение ИГИЛ в Центрально-Азиатский регион было признано фактором, вызывающим обеспокоенность. Помимо этого, разрыв между политикой и действиями был признан в качестве главного фактора, препятствующего региональному сотрудничеству в борьбе против угрозы ИГИЛ.

Была подчеркнута роль международных и региональных организаций, в частности ООН, в устраниении общерегиональных угроз. Большинство выступавших особо отметили полезность таких платформ, объединяющих широкий спектр государственных учреждений, региональных организаций и независимых экспертов с целью поиска общего знаменателя для различных стратегий. Было высказано мнение о том, что эти обсуждения должны быть продолжены либо в нынешнем формате стратегического диалога, либо на более постоянной основе.

Заключительный доклад с выводами и рекомендациями был включен в настоящую публикацию с целью ознакомления широкой аудитории, в том числе лиц, участвующих в разработке стратегии в соответствующих государственных структурах в регионе.

Россия

Казахстан

Каспийское
море

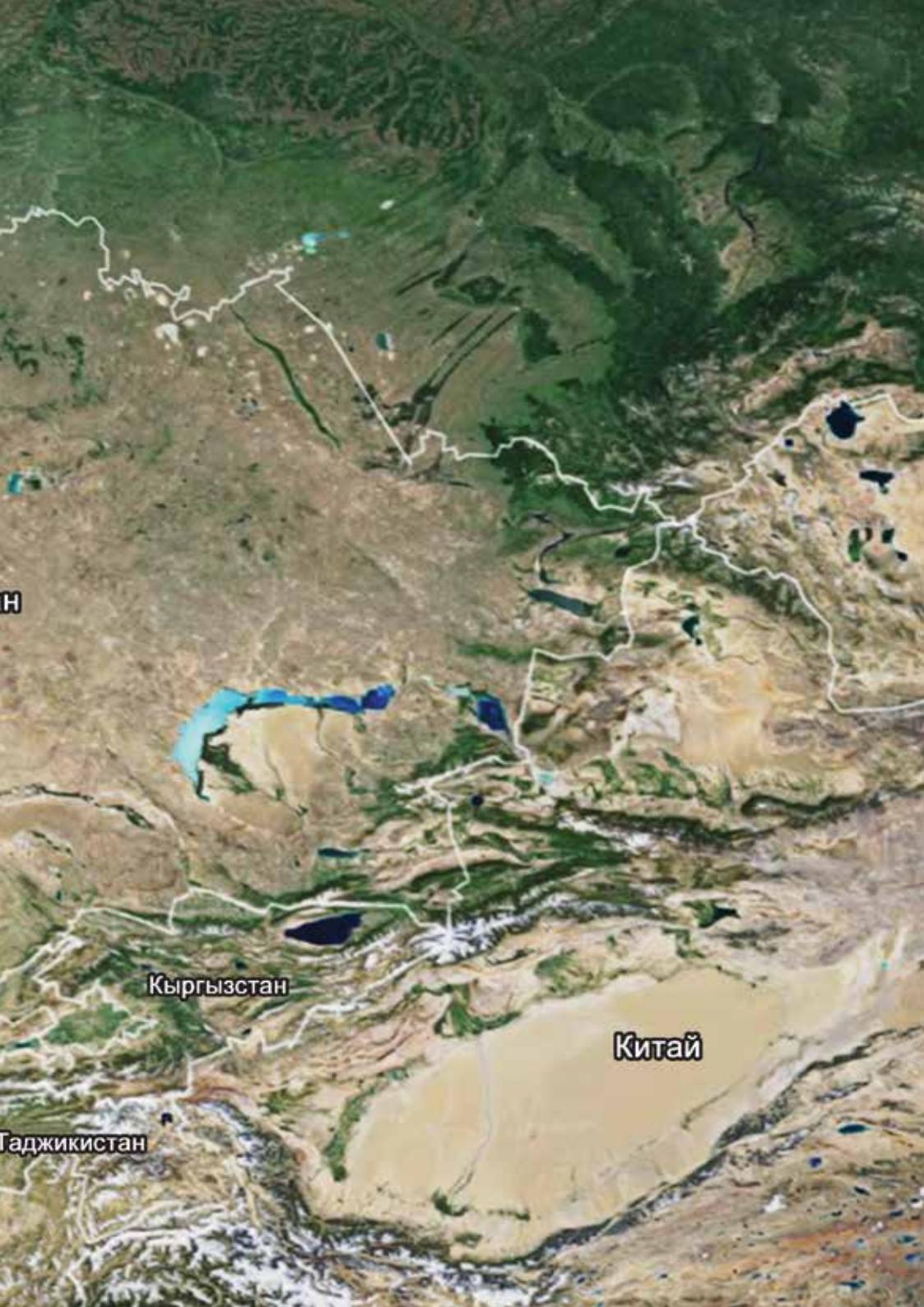
Азербайджан

Узбекистан

Туркменистан

Иран

Афганистан

Кыргызстан

Китай

Таджикистан

«Мягкая сила» как один из факторов обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии в условиях глобализации

Нурлан АЙТМУРЗАЕВ

Кандидат технических наук, Доцент

Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики

Ректор дипломатической академии Министерства иностранных дел

Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева

В условиях глобализации большинство региональных и локальных проблем приобретают общемировой характер. Зачастую их решение становится невозможным усилиями только одной страны. И одним из таковых проблем является проблема безопасности и его составляющих. Безопасность и его составляющие сегодня испытывают серьёзную трансформацию, связанные с существенным нарастанием факторов неопределенности и нестабильности не только в определенных регионах, но и в мире в целом. Неопределенности и нестабильности отношений, системы, балансов сил привели к возникновению глобальных вызовов и угроз, в частности: терроризм, сепаратизм и экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, незаконный оборот наркотиков, трансграничная организованная преступность. Эти угрозы и вызовы приобрели трансграничный характер и требуют повышенного внимания со стороны мирового сообщества. Остаются неурегулированными многие региональные и локальные конфликты.

Все страны мира, независимо от их географического расположения, все больше сталкиваются со схожими вызовами безопасности. Наш регион в этом Межгосударственных конфликтов в регионе Центральной Азии нет, но конфликтогенность межгосударственных противоречий сохраняется.

16

Претерпевают серьезные изменения баланс сил как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах планеты, соответственно, возрастает роль механизмов обеспечения глобальной и региональной безопасности, вынуждая государства

все активнее применять политику «мягкой силы», технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, а также средства в формате информационно-психологических средств убеждения, как мировоззренческие установки, идеи. Последствиями этих применений, можно отнести активизации религиозных экстремистов и террористов в странах Центральной Азии. К примеру, в Кыргызстане в июле этого года ликвидирована террористическая группа из четырех человек, аффилированная с ИГ, намеревавшаяся осуществить в Бишкеке террористический акт во время “Айт намаза” на центральной площади, к счастью, благодаря превентивной спецоперации обошлось без жертв среди мирных жителей. В октябре этого года группа особо опасных преступников из 9 человек, приговоренных к пожизненному лишению свободы, совершила побег из мест лишения свободы, убив 4 сотрудников уголовно-исполнительной системы. 7 из них принадлежали к экстремистской организации «Жайшуль Магди», один из задержанных экстремистов хранил флаг ИГ, а другой поддерживал связь с гражданами Кыргызстана, воюющими в Сирии на стороне ИГ.

Для стран Центральной Азии конфликт, основанный на религиозном факторе, является весьма реальным – и доступным – проявлением мощной идеологии, определяющей смысл их жизни. Это особенно актуально для маргинальных мигрантов-работников из Центральной Азии, ставших целевой аудиторией для вербовщиков.

Наряду с этим, можем предположить, что мы знаем не все причины, которые вдохновляют молодых людей вступать в ряды таких террористических организаций, т.к. при одинаковых экономических, социальных и прочих условиях, люди ведут себя не одинаково. Мы становимся свидетелями того как в той или иной стране граждане вступают в члены террористических организаций типа ИГ. И это происходит не только в странах «лояльных» к исламу, но и в европейских странах далеких от религиозного фанатизма. Проблема оставалась бы как тема свободы веры человека, если бы не их нарастающее число членов ИГ, которое может увеличиваться, а количество террористических организаций не росло по численности и географии.

На сегодня общее число иностранных боевиков, задействованных в сирийско-иракском конфликте, уже превысило 20,700 человек. Из Кыргызстана их число уже доходит до 500 человек.

Вышеприведенные примеры заставили кыргызское общество по новому взглянуть на угрозы терроризма и религиозного экстремизма, как вполне осозаемые и экспортируемые из регионов боевых действий – Сирии и Афганистана.

В Военной доктрине Кыргызской Республики, утвержденной Президентом нашей страны в 2013 г. отмечено, что развитие событий в различных регионах, особенно на Ближнем Востоке и в Афганистане, характеризуется непредсказуемостью как их масштабов, так и возможных последствий. Сохраняются угрозы международного терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центрально-Азиатском регионе, формирования которых способны оперативно адаптироваться к условиям противодействия и применять новую тактику и технику ведения подрывной деятельности.

Эти прогнозы и выводы, содержащиеся в Военной доктрине Кыргызской Республики, во многом обусловлены произошедшими шестнадцать лет назад т.н. Баткенскими событиями – вторжением бандформирований радикальной части исламских экстремистов на территорию Баткенского района Ошской области Кыргызской Республики и проведения спецоперации по блокированию, локализации, ликвидации и вытеснения бандформирований Вооруженными Силами, воинскими формированиями и правоохранительными органами Кыргызстана.

Мы являемся свидетелями, того факта, что процесс глобализации - это бесконечная модернизация. Ее темп особенно возрос в последние 30 лет в конце XIX - начале XX в., благодаря интеллектуальному климату глобализирующего мира. Под влиянием новых **открытий**, связанных с развитием высоких технологий, особенностями культуры, языка, религии и стали формироваться новые балансы сил, политические системы, императивы как «мягкая сила», “жесткая сила”, “умная сила”.

В связи с глобализацией вызовов и угроз значимым стала политика “мягкой силы”. Императиву «мягкой силы» составляют традиционные, исторически сложившиеся ценности, идеи, взгляды, а также убеждения. Эти ценности на системном уровне рассматриваются, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а другой - как ее регуляторы. Поэтому, устоявшиеся ценности всегда пользуются как идеей для убеждения с целью изменения взглядов и политических устоев общества.

При использовании «мягкой силы» все должно развиваться «постепенно», что означает отсутствие качественной грани, количественной определенности, всякой дискретности в действиях, перерывов в преемственности ценностей.

При этом, благодаря ресурсам «мягкой силы», институты рынка, торговли, банковского дела, маркетинга и другие целенаправленно ведут такую работу, чтобы сформировалась убеждение в том, что именно образ жизни страны, представляющей интересы другой страны, носят «правильный», «нормальный», «прогрессивный», «цивилизованный» характер тем самым мотивируя общество частично менять смыслы своих традиций, обычаяев. Вместо них выделять его обще приемлемые черты, такие как, например, экономические системы, язык, коммуникация, системы брака, этничность.

Так, в последнее время наметилась тенденция самоидентификации тюркских народов, поиск языковых корней, заключение браков на религиозной основе. В данном случае не учитываются историко-культурные особенности развития народа, случайности, оказывающие заметное влияние или воздействия на развитие самого общества. Ведь жизнь народа, социальный порядок, его учреждения, верования и искусства это есть видимые продукты принципа преемственности.

В этом аспекте «мягкая сила» рассматривается как многолинейный и разноплановый процесс, детерминирующими элементами данного процесса выступают образ жизни, поведение субъектов общества. Происходит симбиоз случайно измененного убеждения и закономерностей развития общества. С изменением убеждений возникают потребности, способствующие формированию общих целей, стихийно появляются социальные нормы и правила поведения. Происходит практическое применение, принятие этих норм и правил. Начинается дисфункция социального института - падение его престижа и авторитета в обществе в результате неэффективного его функционирования, плохого удовлетворения социальных потребностей.

Убеждение мотивирует объединению различных идей, включенных в смысловое действие. При этом субъекты «мягкой силы», активно реагируя на внешние изменения, учитывают степень и уровень распространенности убеждений. В связи с этим в содержательном аспекте «мягкой силы», как правило, выделяют:

- социальную структуру;
- общую совокупность социальных обычаяев;

- специфические образы мыслей и чувств, общности различных культур, которые предопределяют возможности стереотипов поведения и общий стиль реагирования, а впоследствии - о необходимости делать ли некоторые поправки.

Важную роль в описании «мягкой силы» играет понятие «модель». Модель (образец) может быть определена как относительно закрепленный способ активности идей, целей. Модель может быть универсальной, специальной, предназначеннной для определенной категории людей. В отличие от моделей цивилизационного развития общества, культуры, у «мягкой силы» модель отличается реальной воплощаемостью, так как применяются методы убеждения, вследствии чего человек может изменить свои взгляды, мнения, установки. Необходимо отметить, что наименее исследованным представляется именно понятие модели «мягкой силы».

В краткой форме можно выделить три основные характеристики моделей «мягкой силы»:

- универсальность;
- опосредованность;
- целеполагающий характер убеждений.

В определении модели «мягкая сила» немаловажным фактором являются особенности исторического развития той или иной этнокультурной общности, заимствование умений, верований, ритуалов в результате культурных контактов.

В современном мире, в условиях глобализации доминирующей регулятивной силой модели «мягкая сила» выступает как кодифицированное право (сознание), нормы которого могут корректироваться и изменяться в соответствии с установленной процедурой. Более того, система кодифицированных правил может быть подвергнута серьезным изменениям вследствие фундаментальных социальных трансформаций. В этих условиях модели «мягкой силы» в традиционных обществах (или в границах действия той или иной традиционной культуры) регулирующей силой убеждения выступает именно традиция, т. е. совокупность норм и правил определенной этнокультурной общности, сложившейся в предшествующее время и считающейся незыблемой, почти не допускающей никаких изменений. В этом случае модели «мягкой силы» должны содержать элементы незыблемой традиции, ибо только в этом случае данная модель может иметь позитивный аспект.

В кодифицированном формате также выступают способы согласования конфликтов, проблем, возникающих в обществе, и соответственно, поведения. Немаловажным является то обстоятельство, что даже в странах с развитой системой всех форм общественной жизни такой вид обсуждения конфликта сторонами исходя из принципа «прямого действия» через ресурсы «мягкой силы» не дает позитивного результата. Например, принцип «прямого действия», реализуемый в рамках той или иной общности людей через особый кодекс поведения, визуально можно назвать одной из форм проявления «мягкой силы» институтами семьи, экономики. Таким образом, незыблемые модели «мягкой силы» в целом взаимодействуют, взаимопроникая друг в друга. Та или иная модель «мягкой силы» привязана историческим традициям, сложившимся в той или иной общности или стране, тесно переплетаясь с психологией людей, будучи встроенной в этнопсихологические стереотипы поведения личности.

«Мягкая сила» должна быть *конструктивной*, то есть предлагается тот или иной путь убеждения, начиная от зачаточной формы, вплоть до явно выраженной.

Убеждения существуют тогда, когда известны способы их построения.

В конструктивизме явно выражен отход от упрощенности. Поэтому методы убеждения реализуются и описываются культурным языком, а это язык традиции и обычая, нормы и принципы взаимоотношений. Все страны Центральной Азии заинтересованы также в сохранении внутренней стабильности, как у себя, так и у своих соседей. Представляется целесообразным остановиться подробнее на угрозе расплазания религиозного экстремизма и терроризма в регионе в контексте ухудшения ситуации в Центральной Азии и ее влиянии на состояние безопасности в Кыргызстане.

При этом необходимо отметить важность способа формирования общественного сознания посредством «мягкой силы» сегодня, от этого зависит состояние безопасности не только нашей страны, но и региона в целом. И мы должны приложить все усилия чтобы ресурсы «мягкой силы» как СМИ, культура, традиции, религиозные взгляды, оказали позитивное содействие обществу в непростом выборе того социального порядка, которая соответствует нашей культуре, ценностям, традициям, которые всегда приоритетным была проблема безопасности не только у нашей страны, но и соседствующих стран.

Возникновение Исламского государства и региональная нестабильность

Кайхан БАРЗЕГАР

Директор

Иранского института стратегических исследований для Ближнего Востока

ИГ в Леванте

Возникновение так называемого Исламского государства (ИГ) на Ближнем Востоке и особенно в регионе Леванта свидетельствует о значительной взаимосвязи между распространением региональных кризисов и проявлением джихадистского радикализма. Наиболее важным уроком, который можно извлечь из действий ИГ в регионе Леванта, является его попытка увязать внутригосударственную сектантскую политику с межгосударственным геополитическим соперничеством в регионе. Расползание этой ситуации может поставить под угрозу стабильность и безопасность в более широком регионе – в Северной Африке, Леванте и Центральной Азии.

В качестве третьего поколения «Аль-Каиды» (первое – бен Ладен в Афганистане, второе – аз-Заркави в Ираке), ИГ появилось и расширилось в результате нынешнего политического кризиса в Сирии после распространения «арабской весны» на Ирак, вследствие чего, усилилось сектантское противостояние между шиитами и суннитами. Эта ситуация положила начало новому раунду геополитического соперничества между региональными и трансрегиональными субъектами, такими как Иран, Саудовская Аравия и Турция, с одной стороны, и Америка и Россия – с другой, за заполнение вакуума власти посредством замены своих излюбленных режимов и региональной политики с целью соблюдения национальных интересов и интересов безопасности.

Геополитика ИГ

История возникновения ИГ в регионе Леванта свидетельствует о том, как процесс создания, комплектования и поддержания существования террористической организации связан с ростом политики самоутверждения и геополитического соперничества государств в том или ином конкретном регионе. В настоящее время ИГ продолжает свои действия в трех отдельных регионах с различными идеологическими и геополитическими характеристиками: в Леванте, Северной Африке и Йемене и Центральной Азии. ИГ утверждает, что его основной целью является создание надгосударственного исламского халифата. Однако региональные социокультурные характеристики, политические реалии и реалии безопасности мешают террористической организации в достижении данной цели. Например, геополитическая обстановка в регионе Северной Африки, Сахеля и Африки к югу от Сахары, отношения между Египтом и Ливией, или южнее, в Судане или с учетом всех культурных связей между этим регионом и Европой и т. д., тем или иным образом вынуждает ИГ прибегать к иным действиям и стратегиям, чем в зоне Леванта или Центральной Азии. Помимо региона Леванта, который уже упомянут выше, действия ИГ в Центральной Азии в значительной степени связаны с этнической геополитикой исламских движений в Таджикистане, Афганистане и Южной Азии, проблемой «Талибана» и в целом происхождением джихадистских движений в регионе.

Борьба с ИГ

Хотя достижение победы над ИГ и обеспечение безопасности и стабильности является общим запросом на региональном и международном уровнях, геополитическое соперничество между региональными и транснациональными субъектами стало причиной того, что в борьбе с ИГ они проводят свою собственную политику сдерживания. В настоящее время существуют три коалиции в этой связи. Во-первых, возглавляемая Америкой коалиция, в которую входят несколько консервативных арабских государств, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и т. д., наряду с некоторыми европейскими странами, включая Францию и Соединенное Королевство. Во-вторых, иранско-российская коалиция, в которую входят правительства Ирака и Сирии. И в-третьих, так называемая исламская коалиция, созданная по инициативе Саудовской Аравии, в которую входят некоторые исламские страны. Эта ситуация не приносит результатов в плане сдерживания ИГ, но в то же время она положила начало новому раунду сектантской политики в регионе,

стала стимулом для террористической группировки к набору новых сил и продолжению своих действий.

В таких обстоятельствах для достижения победы над ИГ требуется региональное/трансрегиональное сотрудничество при ведущей роли Организации Объединенных Наций с тем, чтобы появилась возможность снизить нынешнюю политическую напряженность на внутригосударственном уровне, например, посредством ослабления сектантской политики на основе поддержки государственной системы в Ираке и Сирии, и на межгосударственном уровне, особенно посредством ослабления напряженности в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией. Региональное/трансрегиональное сотрудничество имеет ключевое значение для разрыва межрегиональных связующих звеньев ИГ в Леванте, Северной Африке и Йемене, а также Центральной Азии и Афганистане.

СВПД и ИГ

В этой связи, реализация иранской ядерной договоренности, известной как Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), которая была заключена между Ираном и шестью мировыми державами 14 июля 2015 года, в результате чего было разрешены стратегические расхождения между Ираном и Западом, особенно Америкой, могла бы послужить основой для регионального сотрудничества в целях борьбы с ИГИЛ. Ядерная договоренность помогает опровергнуть распространенное на Западе мнение о необходимости сдерживания Ирана как основного источника нестабильности в регионе. Благодаря этому будет постепенно устранена основная причина сохранения геополитического соперничества между основными региональными субъектами, а именно Ираном, Саудовской Аравией и Турцией. В значительной степени нынешнее региональное соперничество в Сирии и Йемене и даже Ираке, поддерживаемом Западом, направлено на сохранение регионального влияния Ирана. Безусловно, основная причина несогласия Саудовской Аравии с иранской ядерной договоренностью и даже бомбардировок Йемена или выступления Турции на стороне Саудовской Аравии в йеменском или сирийском кризисах связана со сдерживанием Ирана.

Расширение деятельности террористической организации «Исламское государство» и других экстремистских организаций как угроза стабильности в Центральной Азии

Фархад МАМЕДОВ

Директор

центра стратегических исследований
при Президенте Азербайджанской Республики

В последние годы мы наблюдаем непрерывный рост роли ислама в общественной жизни, в публичной сфере и в политике мусульманских стран. События, получившие название «Арабская весна» вновь актуализировали тему связи ислама и политики. В одних странах исламистские партии приходят к власти и вступают в конфликт со старыми политическими элитами, появляются новые социально-политические движения, возникают новые транснациональные террористические организации («Исламское государство», в первую очередь), которые успешно используют исламское наследие и историческую память мусульман в идеологической борьбе с арабским национальным государством.

В других странах, как например, в Азербайджане и в некоторых бывших советских республиках продолжается процесс «исламского возрождения». С одной стороны возрождаются так называемые «традиционные» формы ислама, которые подвергались гонениям в советский период. Специальные комитеты или религиозные институты, поддерживаемые государством, пытаются возродить традиционные формы ислама и помочь государству выработать политику по отношению к религии. С другой стороны, с момента распада Союза на территории бывших республик стали проникать новые исламские течения, которые уже сегодня укрепились, имеют определенное число последователей и многими мусульманами рассматриваются как вполне «традиционные». Но даже то, что в обществе называют традиционным исламом – например, шиизм в

Азербайджане или «ханафитский ислам» в некоторых республиках Центральной Азии – также находится в постоянном процессе трансформации.

Если говорить об Азербайджане, то глобализация, развитие информационных технологий привели к распространению исламского знания, к увеличению количества людей, получивших исламское образование в главных центрах шиитской учености, к свободной циркуляции идей, книг, фетв и проповедей. Все это сделало азербайджанский шиизм более разнородным и придало ему ярко выраженные транснациональные черты.

Учитывая это, транснационализация религии, взаимовлияние локальных и глобальных форм ислама, которые усиливаются в контексте процесса глобализации и миграции приносят новые вызовы национальным государствам. Перед государством стоит задача выработать новую политику, принимающую во внимание изменения в идеологии исламских движений, а также чаяния и проблемы их последователей.

Особенность организации «Исламское государство»: политика и стратегия

Исламское государство – это совершенно новая форма транснациональной джихадистской организации, которая возникла в условиях краха национального государства в Сирии и в Ираке. Два основных фактора стали причиной возникновения данного образования: вторжение США в Ирак в 2003 г. и события «Арабской весны», которые явились результатом кризиса арабского национального государства.

В основе ИГ лежит организация, созданная знаменитым джихадистом, ветераном афганской войны Абу Мусабом аз-Заркави. В 2003 году, он создал организацию ат-Таухид ва аль-джихад для мобилизации мусульман против вторжения американцев в Ирак. Эта организация была одной из вооруженных группировок, которые воевали с войсками США и их союзниками в Ираке и, изначально, не имела связей с аль-Каидой. Однако в 2004 году аз-Заркави принял стратегическое решение присягнуть бен Ладену. Так поступали многие джихадисты: присяга бен Ладену придавала популярность организации и повышала авторитет ее лидера. После присяги, аз-Заркави стал официальным представителем аль-Каиды в Ираке. Нужно отметить, что лидеры центральной аль-Каиды, бен Ладен, аз-Завахири и различные военные командиры и муфтии этой организации не были довольны

политикой аз-Заркави. Дело в том, что его группа отличалась особой жестокостью как в отношении шиитского населения Ирака, так и в отношении несогласных с ней суннитов. Если аль-Каида призывала сосредоточить внимание на боевых действиях против американцев («дальний враг»), то группа аз-Заркави приоритетной задачей считала уничтожение шиитов, политических противников среди исламистов и иракские власти, которые сотрудничают с американцами («близкий враг»).

В 2006 г. аз-Заркави был убит в результате авиаудара ВВС США, но именно из его организации возникло сначала Исламское государство Ирака, во главе которой со временем встал соратник аз-Заркави, Абу Бакр аль-Багдади (Иbrahim Avvad al-Badri). Позже из Исламского государства в Ираке возникла сначала ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), а потом и ИГ (Исламское государство).

Идеологические противоречия между организацией, основанной аль-Заркави, и аль-Каидой в итоге привели к их окончательному размежеванию в апреле 2013 года, когда аль-Багдади объявил о создании ИГИЛ. Серьезный конфликт возник после того, как аль-Багдади стал требовать от Мухаммеда аль-Джулани, одного из лидеров сирийского отделения «Аль-Каиды», полного подчинения. Аль-Джулани отказался от присяги и решил остаться верным лидеру «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири. После этого конфликта наиболее известные идеологи «Аль-Каиды» издали фетвы и обращения, осуждающие решение аль-Багдади о провозглашении «халифата» и его давление на аль-Джулани. Лидер «Аль-Каиды» аз-Завахири вообще заявил, что в условиях войны с режимом Асада не время создавать исламское государство.

Данный конфликт перерос в жесткое противостояние между центральной аль-Каидой и ее региональными ячейками с одной стороны и ИГ – с другой. Сегодня, отряды ИГ и представитель аль-Каиды в Сирии – Джабхат ан-нусра, ведут друг против друга боевые действия в северных и северо-восточных районах Сирии. Острая борьба идет не только на поле боя, но и в идеологической сфере.

Конфликт, расколивший джихадистское движение показал, что ИГ ведет информационную войну намного эффективнее, чем аль-Каида и другие джихадистские группы. Во-первых, ИГ активизировало пропагандистскую работу в социальных сетях и на различных исламских форумах. Идеологи ИГ ведут пропаганду не только на всех основных языках исламского мира, но и на европейских, русском и китайском языках. Во-вторых,

объявление халифата в контексте военных успехов в Сирии и в Ираке (особенно захват Мосула и провозглашение халифата 29 июня 2014) было важным стратегическим решением, привлекшим многих бойцов, как с зоны конфликта, так и за ее пределами.

Отметим, что ИГ отличается от аль-Каиды и, например, от движения Талибан тем, что объединяет в себе характерные особенности, как государства, так и транснационального движения.

Например, в отличие от транснациональной аль-Каиды, которая не контролирует определённую территорию, а действует через свои региональные ячейки, ИГ контролирует большие территории в центре арабского мира — восточные регионы Сирии, северные и западные районы Ирака. На данный момент ИГ — это организация, которая обладает территорией, населением, правителем, армией, министерствами, стабильными источниками дохода.

Однако, в отличие, например, от движения Талибан, которое объявило в Афганистане государство — исламский эмират, или движения северо-кавказских муджахидов — Имарат Кавказ, ИГ имеет ярко выраженные транснациональные черты. Во-первых, идея всемирного халифата, которую профессионально пропагандирует ИГ, привлекает большое количество людей по всему миру. На данный момент, все еще существует миграция иностранных граждан на территорию ИГ. Кроме этого, желая получить финансовую и информационную поддержку, ИГ присягают вооруженные формирования, действующие в различных частях исламского мира. Одним словом, несмотря на то, что ИГ контролирует территорию, оно транснационально, так как претендует на статус всемирного халифата, и идеология, бойцы и финансы этой организации пересекают границы иных государств.

Угроза «Исламского государства» Центральной Азии: постановка проблемы

Угрозу ИГ в Центральной Азии мы можем рассмотреть в двух контекстах: (1) появление групп талибов в Афганистане, которые объявили о своем присоединении к ИГ; (2) распространение влияния ИГ на локальные мусульманские общины.

Ясно, что всякое ухудшение ситуации в сфере безопасности в Афганистане, так или иначе, несет угрозу для остальных стран Центральной Азии. Зимой 2015 г. стала распространяться

информация о появлении в Афганистане новой провинции ИГ – «вилаята Хорасан». Нужно отметить, что подробной и сколько-нибудь достоверной информации о деятельности ИГ в Афганистане довольно мало и ее трудно проверить. Первые сообщения о появлении отрядов, которые сражаются под флагом ИГ в Афганистане, появились в конце сентября 2014 г. Афганские власти стали сообщать о присутствии групп в восточных провинциях Афганистана, которые раздают диски и книги с пропагандой ИГ, а также нападают на полицию и отрубают пленным головы (например, в провинции Газни). Однако информация была противоречива и скучна.

Известно, что в начале января 2015 г. один из лидеров движения Талибан в Пакистане Хафиз Сайд Хан, командир в племенной области Оракзай, вступил в конфликт с командованием движения. По всей видимости, он не был доволен тем, что лидером движения стал Мулла Фадлалла. Далее, для того чтобы упрочить свои позиции, он объявил присягу Абу Бакру аль-Багдади и призвал племена в Оракзая, а также последователей движения Талибан как в Афганистане так и в Пакистане присягнуть «халифу». После этого, 26 января официальный представитель ИГ, Абу Мухаммад аль-Аднани выступил с речью, в которой признал присягу Хафиза Сайд Хана и назначил его правителем (амиром) провинции (*вилайата*) ИГ «Хорасан», которая условно включает в себя Афганистан, Пакистан, Иран, страны Центральной Азии. Заместителем Хана был назначен Абу Тальха Абд ар-Рауф Хадим, а муфтием – старый проповедник джихадизма в Афганистане и Пакистане, Абд ар-Рахим Муслимдуст.

Судя по всему, основная цель ИГ в Афганистане – это вербовка бойцов и отправка их в Ирак и в Сирию. На данный момент ИГ пытается укрепиться на востоке, юге, и юго-западе Афганистана. Отряды Сайд Хана вербуют бойцов для ИГ в провинциях Кунар и Нангархар (приграничные с Пакистаном области). Что касается Абд ар-Рауфа Хадима, то он занимался (убит ударом БПЛА США в феврале 2015) мобилизацией в афганских провинциях Гильменде и Фарахе.

Именно в этих частях Афганистана и произошли столкновения с отрядами талибов. Например, в июне 2015, между отрядами талибов и сторонниками ИГ шли бои в различных районах провинции Нангархар, в частности в городе Джалаабаде.

Чтобы заполучить доступ к людским ресурсам в Афганистане и Пакистане, ИГ необходимо было дискредитировать руководство местных исламистских организаций. Отметим, что

исходя из дискуссий в социальных сетях и на исламских форумах, ИГ подготавливало идеологическую почву для конфликта с талибами уже с 2014 г. В декабре 2014 г. в журнале «Дабик» вышла статья с резкой критикой аль-Каиды и движения Талибан. В принципе, критикуя аль-Каиду, своего основного противника, ИГ не могло избежать критики движения Талибан, так как аль-Каида легитимным правителем считала именно Муллу Умара (а сейчас считает Муллу Ахтара Мансура), а аль-Багдади представляла, как узурпатора. Можно считать, конфликт ИГ с талибами, как часть продолжения конфликта с аль-Каидой.

ИГ обвиняет талибов в сотрудничестве с пакистанской разведкой, в нежелании устанавливать транснациональное исламское государство, в признании границ Афганистана. Признание государственных границ Афганистана ИГ считает показателем того, насколько далеки талибы от идеи единого халифата. К тому же, совсем недавно новый лидер движения Талибан Мулла Ахтар Мансур заявил, что талибы не представляют угрозу для республик Средней Азии и других соседей Афганистана, и у них нет территориальных претензий к ним. По его мнению, подобные идеи распространяют враги талибов, чтобы легитимировать свое военное присутствие в Афганистане. Разумеется, ИГ следит за политической деятельностью талибов и все их переговоры с представителями «международного сообщества» представляют в качестве «оппортунизма» и признания «правил игры неверующих». Также, идеологи ИГ не упускают возможности напомнить лидерам талибов об их сотрудничестве с Катаром, представляя их марионеткой этого государства. ИГ не видит разницы между властями Афганистана и движением Талибан. Более того, лидеров талибов они считают вероотступниками (потому что они отказались присягнуть «халифу») и поэтому легитимируют с точки зрения шариата насилие против них.

В том, что ИГ вступило в конфликт с движением Талибан, ничего удивительного нет. Обладая огромными ресурсами, ИГ постепенно вытесняет иные джихадистские группировки, пытаясь либо поглотить их, либо, в случае сопротивления, уничтожить. Например, то же самое происходило и с «Имаратом Кавказ» (далее – ИК), который довольно ослабел и потерял свою власть над некоторыми вооруженными группами Северного Кавказа. С ноября 2014 г. несколько северокавказских джамаатов присягнули на верность ИГ. Бывший амир ИК Абу Мухаммад (Алиасхаб Кебеков) и другие лидеры организации (подобно лидерам движения Талибан) резко раскритиковали подобный поступок и объявили присягу незаконной.

Отметим, что противостояние ИГ с Талибаном, с Имаратом Кавказ и другими похожими организациями, нужно рассматривать в контексте борьбы ИГ с центральной аль-Кайдой за гегемонию над джихадистским движением.

Пожалуй, провинция (*вилайат*) Хорасан – это пока виртуальный проект, которым ИГ хочет показать, что оно все еще расширяется, что аль-Каида теряет своих сторонников даже в Афганистане и Пакистане, т.е. в основном опорном для нее пункте. Но реального влияния ИГ на эти территории не имеет. Последняя успешная атака талибов на столицу провинции Кундуз в конце сентября 2015 показала, что Талибан все еще имеет силы для захвата городов и сел. Движение Талибан все еще главная сила, воюющая против афганского правительства и в регионе пока нет группы, способной конкурировать с ним. Что касается сторонников ИГ среди талибов, – то это племенные лидеры и командиры небольших отрядов, которые не согласны с административной политикой нового командования движения Талибан. К тому же, многолетняя война истощила движение, и долгое отсутствие лидера – Муллы Умара, вызвало трения среди командиров. В таких условиях, сотрудничество с ИГ дает мятежным командирам новые материальные и информационные возможности. В то время, ИГ получает новые центры по доставке бойцов. На данный момент территории Афганистана и Пакистана нужна ИГ именно для этих целей. На что-то большее у ИГ нет реальных возможностей, тем более что оно сосредоточено на боях в Ираке и Сирии. В Ираке, на позиции ИГ постоянно, хотя и малоуспешно, наступает иракская армия. А в Сирии, ИГ воюет сразу на нескольких фронтах: с отрядами Свободной Сирийской Армии, с группами «Исламского фронта», Джабхат ан-нусрой, курдскими ополчениями, с армией Б. Асада.

Следовательно, для транснациональных джихадистских движений, Центральная Азия, так же как и Южный Кавказ – это «хаб», транзитный коридор по которому осуществляется переправка бойцов в стратегически важные для ИГ территории. Поэтому, вести боевые действия в транзитном коридоре для ИГ не целесообразно. К тому же у этой организации на это нет материальных сил. На данный момент, важнейшей задачей ИГ видит укрепление в Ираке и Сирии и контролирование нефтегазовых путей.

В то же время, следует отметить, что угроза ИГ на постсоветском пространстве, в частности в Центральной Азии, довольно преувеличена. Некоторые эксперты склонны преувеличивать как саму угрозу, так и численность граждан центральноазиатских республик уехавших воевать на стороне ИГ. Также, тема угрозы ИГ в последнее время

муссируется для того чтобы убедить политические элиты Центральной Азии вступить в определенные военно-политические блоки. Вообще же, дискурс об угрозе ИГ – это еще и прекрасная возможность размещения войск на территории иностранного государства или даже военной интервенции под лозунгом «войны с терроризмом» (конфликт в Сирии и события в Ираке это прекрасно показали).

Продолжая нашу тему, отметим, что большинство исламских течений или групп на территории среднеазиатских республик, как традиционных, так и относительно новых, не признают легитимность ИГ, и считают ее заблудшой группировкой. Кроме этого, в Средней Азии нет сильного и авторитетного джихадистского движения, которое бы заинтересовало ИГ и которое смогло бы примкнуть к ИГ (как, например, в Ливии или в Египте). Таким образом, у ИГ в Средней Азии нет достаточной идеологической и материальной базы для расширения своего влияния. Как уже упоминалось, Центральная Азия, как и Южный Кавказ, на данном этапе - это скорее транзитные пункты для ИГ по вербовке и переправки бойцов в Ирак и в Сирию, где ИГ ведет продолжительные боевые действия и осуществляет реальные политические и военные задачи.

Что касается организации «Исламское движение Узбекистана», которая недавно присягнула ИГ - то данная организация уже давно действует за пределами Средней Азии - в Афганистане и в племенных районах Пакистана. Можно сказать, что участвуя в боевых действиях на стороне талибов, она довольно ослабла за эти годы. В сентябре 2014 г., ее лидер Усман Гази (Гани) объявил о своей поддержке ИГ, а в августе 2015 г. организация присягнула аль-Багдади. Данную присягу можно объяснить, как недовольство новым руководством талибов и долгим отсутствием муллы Умарова (различные группы талибов критиковали руководство движения за то, что мулла Умар не появляется на публике и не понятно жив он или нет). Данная организация, как и все подобные группы, в Афганистане и Пакистане, могут быть интересны ИГ для поставки бойцов в Сирию и в Ирак - взамен, эти группы надеются получить финансовую поддержку и информационное обеспечение. Однако, уже имеется информация (которая нуждается в дополнительной проверке), что талибы ликвидировали мятежников в провинции Забул, в том числе и лидера ИДУ.

32 Но это не значит, что угроза полностью отсутствует. Все процессы на Ближнем Востоке будут непосредственно влиять на страны Центральной Азии. Пока не решится сирийский конфликт и не будет восстановлена территориальная целостность Ирака – в мусульманских республиках СНГ должны быть усилены методы безопасности и

пограничного контроля. Угроза распространения идей джихадизма, которые включают в себя и привлекательный для многих мусульман интеграционный проект халифата, все еще существует. ИГ удалось привлечь некоторых граждан центрально азиатских республик в свои ряды. Отдельный батальон «имам Бухари» (состоит из граждан среднеазиатских республик, но большинство – граждане Узбекистана) воюет в составе Джабхат ан-Нусра.

В то же время, государствам с мусульманским большинством следует выработать эффективную политику в сфере религии, которая бы способствовала налаживанию доверительных отношений между государством и верующими, привлекла бы местных религиозных лидеров к диалогу и сотрудничеству в борьбе с радикализмом, позволила бы предупредить конфликт между национальной идентичностью и вероубеждением различных исламских групп. Бездумное объявление всех сколько-нибудь значительных исламских движений – джихадистами, приведет к радикализации их последователей, особенно молодежи. Так было в Египте, в Сирии, в Ираке. Ошибки в религиозной политике государства – на руку ИГ.

Обсуждая угрозу ИГ, нужно также иметь в виду, что эта организация функционирует в регионе, где идет жесткая политическая борьба между Ираном, КСА и их союзниками. То, что данная организация еще существует (и даже находит силы расширяться) говорит о том, что вопрос борьбы с ИГ не самый приоритетный вопрос внешней политики региональных держав. Кроме того, международная коалиция для борьбы с ИГ, которая была в июне 2014 г. создана по инициативе США так и не смогла выполнить поставленную задачу. Несмотря на авиаудары, ИГ не только не исчезло, но сумело в мае 2015-го захватить иракский город Рамади (который был частично освобожден лишь к 2016 г.).

В заключение, хотелось бы также добавить, что всякое пренебрежение принципами международного права – а мы живем в эпоху, где это часто происходит и само право переживает кризис – дает стратегические дивиденды таким транснациональным террористическим организациям как ИГ. Всякий международный терроризм, независимо от того совершается ли он транснациональным актором или поддерживается определенным государством – должен быть осужден и предотвращен исходя из принципов международного права. Двойные стандарты или какое-либо «заигрывание» в данном вопросе – это стратегическая ошибка, которая, в итоге, укрепляет терроризм и придает уверенность террористам. В качестве

примера можно привести армяно-азербайджанский нагорно-карабахский конфликт. Против Азербайджана армянскими террористами было совершено 34 теракта в 1988-1994 г. Агрессия Армении прекрасно показала, что у терроризма нет религии и что, невнятная позиция международного сообщества в вопросе осуждения и борьбы с терроризмом в итоге приводит к его усилению и к разрушению не только национальной, но и региональной безопасности.

Проблема сотрудничества в целях предотвращения радикализации в Хорасане

Шарбану ТАДЖБАХШ

Научный сотрудник международного института

по изучению проблем мира в Осло

Эксперт по вопросам человеческой безопасности

Парижского института политических наук

Из «Сердца Азии» в центр Хорасана

Активная дипломатия вокруг Стамбульского процесса, с самого его начала в ноябре 2011 года, во многом направлена на утверждение идеи о пользе для общего процветания региона, которую может принести стабилизация в Афганистане. Между тем «Сердце Азии» вновь притягивает нежелательные элементы, превращаясь в территорию нового фронта ДАИШ за пределами Ближнего Востока, и страны региона по понятным причинам обеспокоены, поскольку эта новейшая группировка боевиков имеет виды на них.

Слухи о поселении групп чужеземцев (возможно, арабов, узбеков или чеченцев) в провинции Гильменд с начала декабря 2014 года подтвердились в середине 2015 года, когда боевики, называющие себя ДАИШ, распространили свое присутствие в Нангархаре и Кунаре, где они, предположительно, образовали «Вилаят Хорасан» («провинцию Хорасан»). В середине января 2016 года Госдепартамент США признал группировку террористической организацией, а президент Ашраф Гани на Международном экономическом форуме в Давосе не уставал повторять свою мантру: если «Аль-Каида» была первой версией экстремизма, то ДАИШ будет считаться его пятой версией.

До сих пор неясно, имеют ли члены ДАИШ в Афганистане оперативные или финансовые связи с местом постоянного базирования «Исламского государства» в Сирии или, вдохновленные примером этой группировки, просто используют ее название для привлечения внимания. В провинции Нангархар ДАИШ, предположительно, состоит из

бывших членов афганского «Талибана», разочарованных сенсационными сообщениями о смерти их лидера муллы Омара двумя годами раньше и позже завербованных пакистанским «Талибаном». В провинции Кунар организация, предположительно, состоит из арабов, а на севере клятву верности ДАИШ принесли некоторые боевики из Центральной Азии, например члены «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ). Между тем название «Вилаят Хорасан» для обозначения места их сосредоточения в Афганистане выбрано преднамеренно. Хорасан обозначает исторический район, включающий современные Афганистан, Иран, Пакистан и республики Центральной Азии. Он был центром иранской империи Сасанидов в III в., пока не был завоеван в VII в. Омейядским халифатом и не стал центром правления арабов неарабскими народами в Исламской империи. Наименование, выбранное ДАИШ, ассоциируется с властью арабских Омейядских халифатов, простиравшейся на неарабские территории, равно как и с непризнанием современных государств региона. Присвоение имени Хорасан означает также отход от прерогативы персоязычного пространства, в плане культуры связанного с Ираном, Афганистаном и Таджикистаном, с целью придания ему нового значения – воображаемой территории для суннитской идеологии. По сути, субъекты негосударства вновь прибывших нашли способ разрывать любое потенциальное воссоединение Ирана со своими историческими территориями на основе общего культурного и языкового наследия.

В отличие от «Талибана», не претендовавшего на управление территорией за пределами Афганистана, ДАИШ имеет виды на более обширную территорию к северу от Амударьи в Центральной Азии, за «линией Дюранда» в Пакистане и к тому же на Иран и Китай. Даже если он не сможет захватить землю, его влияние – практическое или идеологическое – способно охватить лишенные гражданских прав и маргинализированные слои населения региона. Он может привлечь боевиков из других частей региона или выступить в роли вдохновителя для существующих повстанческих групп. Возможное вступление ДАИШ в регион вызывает обеспокоенность также в связи с возможным насилием на почве различий между религиозными течениями (шииты–сунниты) или на почве внутрисуннитских идейных расхождений (ханафиты/деобанди против салафитов) – нечто никогда прежде не происходившее в регионе.

Тем временем происходят столкновения между этой группировкой и талибами в борьбе за контроль над нелегальной торговлей и по идеологическим вопросам: «Талибан»

совмещает консервативные взгляды Школы ханафитов деобанди с пуштунским кодексом чести, но избегает насилия в отношении шиитов сектантского толка. ДАИШ, напротив, придерживается более жесткого ваххабитско-салафитского направления суннитского ислама и готов ради достижения своих целей к применению насильтственных средств, доведенных до крайности.

В силу всех этих причин соседи Афганистана – страны Центральной Азии, Иран и Китай – крайне обеспокоены в связи с присутствием боевиков на своих границах. Китай опасается распространения радикализма среди своименравного уйгурского населения в его провинции Синьцзян, а страны Центральной Азии обеспокоены в связи с возможным возвращением 2500 граждан, завербованных в регионе в ряды ДАИШ в Сирии и Ираке. В случае захвата власти в Афганистане группировкой ДАИШ страны региона также опасаются потенциального гуманитарного кризиса прямо у их порога, сопровождаемого неконтролируемым потоком беженцев, а также угрозы для стабильности их экономической инфраструктуры – дорог, мостов и трубопроводов, по которым транспортируются ресурсы региона.

Сотрудничество между скептиками

Если ДАИШ как негосударственный субъект способен создать такое многообразие угроз для стабильности соседей Афганистана, то естественной панацеей для государства региона будет сотрудничество, направленное на борьбу с ним. Это не раз повторялось на состоявшемся в ноябре 2016 года в Пекине совещании на уровне министров «Сердце Азии» в рамках Стамбульского процесса, когда положение о необходимости совместных действий в целях борьбы с экстремизмом и терроризмом было включено в итоговое коммюнике. Борьба с радикализацией в регионе также стала общим пунктом повестки дня активизировавшегося сотрудничества между Китаем и Ираном во время визита в Тегеран президента Ху Цзиньтао 22 января 2016 года. В ноябре 2011 года страны Центральной Азии приняли Совместный план действий по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций в Центральной Азии, при этом противодействие терроризму и экстремизму входит в перечень мер по укреплению доверия (МУД) в рамках Стамбульского процесса.

Однако приход ДАИШ в регион привел к парадоксу. С одной стороны, негосударственная структура характеризуется в официальных выступлениях как общий враг, которому

необходимо противопоставить более тесное сотрудничество между странами региона. Но с другой стороны, официальные рассуждения о противодействии агрессивному экстремизму и терроризму в регионе в значительной мере базируются на традиции обвинения других государств в использовании негосударственных структур в качестве выразителей своих национальных интересов. Этот парадокс создается в первую очередь из-за того, что ДАИШ рассматривается как политическая структура в рамках государственной системы, а не как общественное движение, возникающее вместе с радикализацией, которым он также является.

Феномен ДАИШ, отнюдь не стимулирующий сотрудничество, напротив, усиливает разногласия: в Сирии ДАИШ стал причиной противоречий между США и их союзниками, с одной стороны, и альянсом России и Ирана – с другой. Отношение к ДАИШ также породило недоверие между государствами, взаимные обвинения в двойных стандартах между Россией и Соединенными Штатами и возобновление вражды между шиитами и суннитами. Угроза в связи с участием негосударственной структуры, таким образом, вовсе не создала почвы для новой архитектуры системы безопасности в регионе: преобладает положение вещей, при котором сохраняется обычное противостояние государств и обвинение соперников в использовании негосударственных структур.

Хотя очевидно, что для поражения боевиков требуется региональное сотрудничество, верно также и то, что в первую очередь необходимо сотрудничество, основанное на политической воле и взаимном доверии. Меры и потенциал технического характера, такие как обмен разведывательными данными, сбор данных, надлежащий анализ, пограничный контроль, согласованные законы обэкстрадиции и т.д., – все это, безусловно, важные инструменты, но они должны идти вслед за политическими обязательствами в первую очередь. Тем не менее взаимное доверие – самый существенный компонент сотрудничества в борьбе против радикализма, терроризма и агрессивного экстремизма – находится на низком уровне в регионе, где государства до сих пор используют негосударственные структуры для продвижения своих национальных интересов: Индия и Пакистан предъявляют взаимные обвинения в использовании боевых групп против интересов друг друга на афганской территории, а Иран и Саудовская Аравия делают это на Ближнем Востоке и т. д.

ДАИШ как внешний враг

Если присутствие ДАИШ в Афганистане и вербовка членов ДАИШ из Центральной Азии, Пакистана и Китая вызывают значительную обеспокоенность у стран региона, то рассуждения политиков, официальных СМИ и поддерживаемых государством аналитических центров региона ошибочно исходят главным образом из упора на «внешний феномен», связанный с сектантской и великоледжавной политикой на Ближнем Востоке, что далеко от реального положения вещей в регионе. Домыслы доходят до того, что обсуждается вопрос, преследует ли ДАИШ в регионе экономические (связанные с контролем над торговлей наркотиками, энергетическими потоками и т. д.), geopolитические (ослабление и создание угрозы для России, Ирана и Китая), идеологические (создание современного халифата салафитов) или сектантские интересы (вызвать разлад между суннитами и шиитами региона).

В Иране, где радикализация не воспринимается или не признается как непосредственная внутренняя проблема, вопросы возникают в первую очередь в связи с необходимостью установить, кто несет ответственность за создание ДАИШ. Во многом обвинения предъявляются в адрес США в связи с вторжением в Ирак, которое дестабилизировало регион и вызвало межэтнические и межконфессиональные конфликты, либо в адрес Саудовской Аравии, которая якобы финансирует суннитских фундаменталистов, пропагандирующих экстремистскую версию салафитской идеологии Королевства. Среди спецслужб Центральной Азии распространены представления о том, что вербовка гастарбайтеров в России обеспечивается финансовыми стимулами, но при этом очень мало внимания уделяется идейной общности. Правительства центральноазиатских стран, вторя позиции России, обеспокоены вопросом об источниках финансовой поддержки ДАИШ, включающей, помимо продажи нефти и вымогательства, предположительно, 1 млрд. долл. США, ежегодно поступающих от контрабанды афганского героина на территорию, контролируемую ДАИШ¹. Правительство Пакистана, которое в прошлом, возможно, наставляло или использовало террористические группы против интересов других государств (Лашкаре-Тайба против Индии, моджахедов против Советского Союза, талибов против поддерживаемых Россией и Ираном моджахедов и т. д.), теперь

1 По словам главы ФСКН Виктора Иванова, приведенным в сообщении российского телевидения: "[Большие финансы:] ИГИЛ ежегодно зарабатывает до 1 млрд. долларов за трафик афганского героина", 6 марта 2015 г. <https://www.rt.com/news/238369-isis-drug-money-trafficking/>.

также находит более уместным представлять собственных врагов иностранцами. Например, Исламабад утверждал, что нападение на университет Бача Хан в провинции Хайбер-Пахтунхва 20 января 2016 года было организовано боевиками в Афганистане и поддержано индийской и афганской разведкой, что последние отрицали.

На том, что ДАИШ – это зарубежное явление, усиленно настаивал президент Гани в середине января 2016 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе и в последующих интервью на Би-би-си 25 января, когда он заявил, что ДАИШ – не афганское явление и что афганский народ, с его высокой жизнестойкостью и отвращением к злодействиям, совершенным ДАИШ, «похоронит его». Представляя угрозу как исходящую извне, правительство Афганистана пытается «одним выстрелом убить трех зайцев»: во-первых, оно обращается к США за постоянной поддержкой – финансовой и военной – для борьбы против заклятого врага Запада. Во-вторых, такая постановка вопроса «вбивает клин» между «Талибаном» – местным движением, с которым правительство потенциально способно найти общий язык и в конечном итоге разделить власть, и иностранными врагами, с которыми они будут вместе бороться. В-третьих, настойчивое повторение прилагательного «иностранные» намекает на постоянное вмешательство соседей в дела Афганистана и использование афганской территории для развязывания опосредованной войны (например, между Индией и Пакистаном или даже между Ираном и Саудовской Аравией).

Было бы ошибкой возлагать ответственность за существование радикальных группировок, таких как ДАИШ, только лишь на иностранную идеологию, в частности салафизм, или на зарубежное финансирование. Причисление феномена ДАИШ исключительно к внешним факторам нецелесообразно по ряду причин. Во-первых, крайне трудно точно определить истоки и границы различных групп, известных сегодня под туманным названием ДАИШ. Мотивации также трансформируются по мере того, как группы сливаются и расходятся из стратегических соображений, исходя из постоянно меняющихся местных интересов. Кроме этого, попытки определения стран, стоящих за ДАИШ, не только приводят к теориям заговора, но и представляют невыполнимую задачу: ряд стран прямо или косвенно участвовали в создании ДАИШ и его финансировании.
40 Многие другие, в том числе страны региона, прямо или косвенно выигрывают от его присутствия. Самое главное, отношение к ДАИШ как чисто внешнему явлению составляет отрицание и упущение того момента, что это движение является символом

для вовлечения в радикализацию и что этот феномен существует в большинстве стран и обществ. Даже если политически Афганистан используется другими государствами как поле для опосредованных войн, сами афганцы допускают условия, позволяющие другим их использовать.

Упущеный внутренний элемент: название, за которым скрывается тенденция

Для прочной победы над радикальными движениями и долгосрочной стабильности необходимо изменить позицию обвинения других государств за внешний феномен ДАИШ как террористической организации. Более продуктивным в отношении безопасности будет признание ДАИШ не просто внешней политической структурой, а социальным явлением, коренные причины которого лежат внутри страны. Как таковой он должен рассматриваться не как террористическая организация ДАИШ, а как символ радикализации, как процесс, который должен быть предметом обеспокоенности всех стран региона. Трансформировав эту позицию, государства региона смогут организовать более сплоченное выступление, в то же время признавая и предотвращая распространение и угрозу радикализации у себя в стране.

Если межплеменными конфликтами и политическими интересами можно объяснить смысл существования ДАИШ в качестве нового пути повстанческого движения в Афганистане, то на вопрос, почему ряды этой группы ширятся за счет вербовки новых членов, эти факторы до конца ответить не могут. Успех вербовки отчасти объясняется разочарованием талибов. Однако существуют другие факторы, объясняющие привлекательность радикализации: материальноестимулирование, нотакже и отсутствие занятости, отсутствие образования, идейные пристрастия, влияние сверстников и т. д. Если амбиции лидеров объясняются политическими интересами, то социальные, психологические и экономические факторы, определяющие мотивации рядовых членов, необходимо выяснить. Изучение социальных и экономических факторов, таких как нищета, психологическая травма, чувство причастности, почитание взглядов старших и другие, более индивидуализированные факторы, важно для понимания радикализации, так же как и хитросплетения политических требований повстанческих групп и источников финансирования извне.

Хотя харизматичные лидеры, идейные пристрастия, ваххабитская пропаганда, материальные стимулы и идеологии, такие как национализм, – все это играет на руку вербовки и радикализации, одним из условий, объединяющих все страны региона и подвергающих их опасности, является вопрос о неравномерном развитии и горизонтальном неравенстве. Все соседние с Афганистаном страны находятся в процессе развития, создающем трения между сторонниками модернизации, которые стремятся к продвижению общества вперед с помощью технологий, образования и современных ценностей, и традиционалистами, которые противятся преобразованиям. В то же время стремительная урбанизация и имеющиеся в городах возможности ведут к увеличению разрыва между городом и сельскими районами, где остаются отдельные места с живущим в крайней нищете и изоляции неразвитым населением. Это население, вытесненное на обочину, неразвитое, социально маргинализированное и нищее, может стать весьма уязвимым для вербовки радикальными группами.

Решение относительно ответных мер на феномен ДАИШ должно определяться исходя в равной мере из стратегий предотвращения терроризма и борьбы с терроризмом. Чрезмерный акцент на повстанческом движении в качестве политического и геополитического средства уводит от его роли в качестве социального явления радикализации. Для смещения акцента на проблему радикализации необходимо различать лидеров (которые готовы идти на политические компромиссы) и тех, кто воюет по различным психологическим и социально-экономическим причинам.

Предложения о сотрудничестве с целью предотвращения

В целом подходы к вопросу о радикализации можно разделить на две категории: реагирование на ее последствия как явление или ее предотвращение. Иными словами, политические ответные меры могут исходить либо из «предложения», либо из «проса». Подход, ориентированный на «предложение», концентрирует внимание на том, что делать с людьми и группами, склонными к агрессивному экстремизму и терроризму, как ограничить финансирование, поддерживающее его действия, как выявить экстремистов и не допустить пересечения ими границы и т. д. Традиционные ответные меры, которые опирались на чрезмерное применение силы на основе ограничительного правопорядка, предусматривающего преимущественно действия сил безопасности, оказались безрезультатными. Борьба с радикализацией путем применения силы может приводить

к циклическим возобновлениям проблемы. У стран региона достаточно свидетельств роста радикализации в результате ударов беспилотников по территориям племен в Пакистане и Афганистане.

Ответные меры в связи с радикализацией в регионе нередко применяют такого рода ограничительный подход. Страны Центральной Азии, Афганистан и Пакистан, например, делают упор на установленных государством ограничениях для исламского образования (например, контроль за учебными планами медресе, пятничными проповедями со стороны официальных, поддерживаемых государством религиозных деятелей, финансирование мечетей и духовенства, государственные издания о «надлежащих» религиозных ценностях). В Китае также принятые жесткие меры против нелегальных медресе в рамках наступления на нелегальные печатные материалы, незаконную религиозную деятельность и запрещенные законом религиозные учения. В случае республик Центральной Азии главный упор делался в основном на присутствие полиции в районах, где действуют внутренние террористические группы, и на строгие ограничения доступа к сайтам и социальным сетям в Интернете.

Несмотря на то что эти меры направлены на контроль за потенциально радикальными и некорректными сообщениями, которые получают мусульмане, они могут вызвать сопротивление, если будут излишне жесткими или будут слишком ограничивать свободу вероисповедания и свободу слова. Более эффективным средством будет в первую очередь предотвращение радикализации. Как отметил Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в своих замечаниях к открытому заседанию Совета Безопасности высокого уровня по вопросу пресечения угроз, исходящих от иностранных террористов-боевиков, 24 сентября 2014 года: «В долгосрочной перспективе наибольшая угроза для террористов – не сила ракет, а политика инклюзивности. Это мирное общество и уважение прав человека. Это образование, рабочие места и реальные возможности. Это лидеры, которые прислушиваются к своему народу и поддерживают верховенство права. Ракеты могут убить террористов. А разумное управление убивает терроризм»².

Важно в первую очередь понять мотивы, толкающие людей и группы на радикализацию. Для этого необходимо совместное изучение источников и движущих факторов

2 Замечания Генерального секретаря к заседанию Совета Безопасности высокого уровня по вопросу пресечения угроз, исходящих от иностранных террористов-боевиков, Нью-Йорк, 24 сентября 2014 г. <http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=8040>.

радикализации в регионе и совместное обдумывание мер борьбы с ней. Это будет также означать обмен лучшими методами предотвращения радикализации и борьбы с ней на национальном уровне, которые могут быть приняты другими странами, имеющими аналогичные проблемы и возможности.

При одинаковом проявлении проблемы ее причины зависят от особенностей конкретной ситуации. Например, радикализация, порождаемая недостатками государства, потребует надлежащего управления (борьба с коррупцией, равенство, занятость, социальное обеспечение). Если мотивация радикализма носит идеиный характер, тогда программы борьбы с ней должны быть направлены на обеспечение надзора за учебными программами в системе образования, стандартизации, норм и правил, а также диалога. В случае чисто материальных мотивов следует ускорить создание возможностей занятости, в особенности для молодежи. В целом необходимо обеспечить возможности для участия в экономической, общественной и политической жизни, которое служит лучшей гарантией того, что население будет ограждено от возможной радикализации.

Радикализация как покушение на идеи также требует ответных действий в плане идей. В этом отношении одним из важнейших путей предотвращения дальнейшей радикализации служит диалог. Соседним с Афганистаном странам необходимо более открытый диалог и обмен мнениями с целью демонстрации воззрений различных ветвей ислама (ханафитов, ваххабитов, салафитов, деобанди, шиитов, суннитов и др.) по таким вопросам, как мир, экономика, права человека, государственное управление и насилие. Здоровая дискуссия о роли религии в обществе необходима, будь то светские республики Центральной Азии и Китай или исламские республики, такие как Иран, Афганистан и Пакистан. Следует организовывать обмен мнениями среди суннитского духовенства с целью составления общих планов предотвращения радикализации и борьбы с ней путем разработки контрпропагандистских материалов. Они могли бы также обмениваться учебными планами для (суннитских) медресе и знаниями о содержании обучения в этих религиозных школах. Можно организовать специальную подготовку для различных групп населения, потенциально затронутых этой проблемой и способных сыграть свою роль в предотвращении радикализации. Такая подготовка включает обучение для журналистов, имамов и религиозных деятелей, руководителей местных сообществ, тюремных надзирателей и сотрудников правоохранительных органов.

Угрозы международного терроризма региону Каспийского моря и меры, необходимые для победы над ним

Гусейн ГУСЕЙНОВ

Заместитель начальника

департамента по анализу и стратегическим исследованиям
Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики

- Сохраняющаяся и все возрастающая угроза терроризма наносит серьезный вред международному миру и безопасности и подрывает соблюдение прав человека, основных свобод, политической независимости, суверенитета, территориальной целостности и социально-экономического развития государств.
- На глазах у международного сообщества происходят изменения в природе и характере глобальной угрозы терроризма. Во многих случаях он неразрывно связан с агрессивным сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью.
- Из-за географической близости региона Каспийского моря к неспокойному Большому Ближнему Востоку международный терроризм, религиозный экстремизм и радикализм тем более представляют реальную угрозу для стран региона.
- В настоящее время регион Каспийского моря играет заметную роль на мировой арене. Благодаря своему расположению на границе Европы и Азии и богатым природным ресурсам он привлекает широкий международный интерес. Безопасность Каспийского региона подвергается всевозможным угрозам политического, социально-экономического и военного характера, включая, в том числе вооруженные конфликты, межэтнические и межконфессиональные противоречия, воинствующий сепаратизм, международный терроризм и незаконную торговлю оружием и наркотиками. Активизация стратегического соперничества между основными внешними силами за установление своего

политического и экономического влияния в делах региона также сказывается на безопасности региона.

- Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма в регионах Кавказа и Центральной Азии усугубляется в результате поддержки местным населением радикальных исламистских движений, в особенности среди молодежи, которая подвергается «промыванию мозгов» массированной экстремистской пропагандой.
- Террористические организации, такие как «Аль-Каида», ИГИЛ, «Исламское движение Узбекистана», «Джунд аль-Халифат», «Хизб ут-Тахрир», «Ансар ад-Дин», «Джамаат Таблиг», «Исламская партия Туркестана» и «Джамаат Ансаруллах», представляющие непосредственную угрозу для безопасности стран региона, располагают широкими и мощными средствами пропаганды и вербовки. Эти группы нещадно эксплуатируют религию для осуществления контроля над территорией и жизненно важными экономическими ресурсами. Но на самом деле они являются врагами веры. Такие группировки, как ИГИЛ, не имеют ничего общего с исламом. Тем не менее, эти группы стали привлекательными для зарубежных террористов-боевиков, которые составляют до 40 процентов их вооруженных сил.
- По оценкам группы наблюдателей Организации Объединенных Наций, к ИГИЛ присоединилось свыше 13 тысяч зарубежных террористов-боевиков более чем из 80 государств – членов ООН. Среди них тысячи граждан, в том числе женщин и детей, из стран Центральной Азии и Кавказа. В этом отношении у стран Каспийского региона довольно мрачные перспективы на будущее, поскольку наихудший результат, вытекающий из этой ситуации для стран Каспийского региона, состоит в том, что рано или поздно боевики вернутся в свои страны и с высокой долей вероятности, набравшись опыта боевых действий, займутся террористической деятельностью у себя дома.
- В сложившихся условиях крайне необходима комплексная политическая стратегия пресечения притока зарубежных террористов-боевиков. Необходимо решение неотложных проблем в области безопасности. Терроризм должен быть побежден, но сделать это надо, не допуская умышленных провокаций с их стороны – виктимизации и дальнейшей радикализации. Для ликвидации терроризма требуется международная солидарность и комплексный подход. Необходимо

искоренение первопричин, обеспечивающих условия для внедрения воинствующих экстремистских группировок.

- В более долгосрочной перспективе наиболее серьезную угрозу для террористов представляет не мощность ракет, а политика вовлечения в жизнь страны всех слоев населения. Это мирное общество и уважение прав человека. Это образование, занятость, верховенство закона и наличие реальных возможностей. Свободное, независимое и благожелательное общество, свободное от страданий, угнетения и захватов территорий, – вот что покончит с терроризмом. В то же время, война с терроризмом не может и не должна использоваться для борьбы с какой-либо религией или культурой. Необходимо обеспечить, чтобы все контртеррористические меры и политика соответствовали международным нормам в области прав человека и гуманитарного права.
- Комплексная долгосрочная стратегия является эффективным средством борьбы против территориально рассредоточенного и децентрализованного международного терроризма. Такая всеобъемлющая стратегия состоит из двух частей: интеграция среди участников и интеграция в области политики. Комплексная стратегия, создающая возможности для интеграции участников и политики, может послужить средством для сокращения возрастающего распространения террористических групп.
- В свете вышесказанного для победы над терроризмом или ликвидации его последствий в Каспийском регионе могут быть приняты следующие меры:
 - государства региона, а также региональные организации должны мобилизовать и организовать все ресурсы и усилия для пресечения и ликвидации потенциальных этнополитических и межконфессиональных конфликтов и кризисов, способных создавать почву для нестабильности и радикализма в регионе;
 - большое значение имеет тесное сотрудничество и координация всей антитеррористической деятельности между соответствующими органами стран региона и международными организациями, а также содействие исследованиям и политическим инициативам в вопросах борьбы с

экстремизмом и терроризмом. Общие комплексные стратегии борьбы с терроризмом должны вырабатываться с нуля либо приводиться в соответствие с существующими стратегиями государств региона и международных организаций, чтобы они могли выражать единые позиции и действовать, используя одни и те же сети, каналы и платформы;

- необходимо усиление мер в отношении пограничного контроля и управления в рамках технической помощи, а также обмена информацией и передовой практикой в целях содействия транзитным и торговым потокам между странами региона и противодействия контрабанде оружия, наркотиков и торговле людьми внутри стран региона и между ними;
- особое внимание следует уделить устраниению основных социально-экономических факторов, содействующих агрессивному экстремизму. В этом отношении необходим целостный и комплексный подход в целях искоренения социально-экономических факторов, которые приводят к возникновению и распространению терроризма и экстремизма в регионе;
- техническая и административная взаимопомощь среди соответствующих органов стран региона и международных организаций необходима для обеспечения кибербезопасности и предотвращения использования ресурсов Интернета экстремистскими группировками для вербовки новых членов и распространения вредоносной информации;
- питательной средой для экстремизма и радикализма в регионе служат невежество, отсутствие доступа к достойному образованию, а также неверное изложение материала учебных программ. Следовательно, в странах региона необходимо введение новых образовательных программ и осуществление соответствующих проектов, направленных на продвижение этнополитической и религиозной толерантности, истинных исламских ценностей, верховенства закона, взаимного уважения, а также основных прав человека.

Таким образом, для поражения террористических групп недостаточно военных действий и авиаударов. Ракеты могут убивать террористов. А соответствующие целенаправленные меры и благое управление убивают терроризм. Странам Каспийского региона необходимо обеспечить достижение положительных результатов региональных контртеррористических мер. Политика может строиться на основных направлениях: предотвращение, защита, преследование и ответные меры. Следовательно, решающую роль в эффективном осуществлении этой политики играют единство, согласованность действий и солидарность между государствами региона.

Тезисы (выступление на семинаре РЦПДЦА)

Вячеслав МУСИХИН

Советник

Секретариата организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

Уважаемые господа,

Позвольте поблагодарить Региональный Центр ООН по Превентивной Дипломатии (далее - Центр), его Главу, Специального представителя Генерального секретаря ООН г-на Драганова за приглашение участвовать в работе семинара и его прекрасную организацию. Отдельные слова благодарности гостеприимным киргизским хозяевам мероприятия.

Рад сегодня вновь увидеть коллег и друзей, с которыми встречался ранее на разных международных площадках. Спасибо за такую возможность.

Я представляю Секретариат Организации ДКБ. ОДКБ, созданная в 2003 г. и включающая в себя в настоящее время 6 государств – членов (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан), является многофункциональной организацией обеспечения безопасности в Евразии, занимающейся противодействием традиционным внешним военным угрозам, с одной стороны, и новым вызовам и угрозам, с другой.

Прошедший год назад в Алма-Ате первый семинар под эгидой Центра был также посвящен вопросам региональной безопасности. Высокий уровень дискуссии на нем, признание его несомненной полезности и необходимости сохранения формата мероприятия предопределили целесообразность сегодняшней встречи. Причем, резюмируя итоги семинара, его устроители говорили о вероятности проведения второго такого мероприятия в 2016 г. Однако, как мы видим, негативное развитие ситуации в Евразии вынудило собирать под эгидой РЦПДЦА экспертов раньше.

Позволю себе напомнить, что оценка ситуации с региональной безопасностью на 50 семинаре в Алма-Ате, что естественно при учете большого числа и разнородного представительства, выступивших тогда экспертов, разделилась. Причем, в аккуратных и дипломатических оценках некоторых из них, сквозила критика алармистских, как им

казалось, прогнозов по поводу перспектив развития ситуации, высказанных, в том числе, и Вашим верным слугой.

Рад был бы, если наш прогноз оказался неверным, и региональная безопасность за год повысилась. Увы, ситуация драматично ухудшилась. В Евразии преобладают крайне негативные тенденции, чреватые в силу стремительной разбалансировки существующих механизмов обеспечения безопасности и масштабного нарушения международного права прямым противостоянием между глобальными мировыми полюсами силы. Непосредственно на ситуацию в зоне ответственности ОДКБ и в прилегающих к ней регионах оказывал влияние ряд неблагоприятных факторов политического, военного и экономического характера.

Основными очагами напряженности, на наш взгляд, являются:

1. Афганистан

ОДКБ в течение ряда лет исходила из того, что с территории Афганистана, в первую очередь для региона Центральной Азии, исходит серьезная непосредственная опасность в виде терроризма, религиозного экстремизма и наркокриминальности. Более того, в ближайшее время будут, по нашему мнению, возникать дополнительные имеющие «афганское происхождение» осложнения в плане безопасности.

На это будут влиять такие факторы, как:

- слабость центрального правительства и властей Афганистана на региональном и местном уровнях; незавершившееся до последнего времени формирование кабинета и правительственные структуры (даже министерства являются только и/o.);
- усиление позиций талибов в отдельных афганских провинциях;
- внутри талибская междоусобица, типа недавнего убийства А. Мансура;
- расширяющееся проникновение боевиков ИГ на север ИРА, которое может усилиться в связи с бегством исламистов из Сирии, в том числе в Афганистан; готовность поддержать ИГ со стороны «отковавшихся талибов», «ИДУ» и других террористических группировок;

- противостояние, в том числе вооруженное, ДТ и ИГ;
- угрожающая ситуация с производством и поставками наркотиков из ИРА, где площади посевов опийного мака растут в год в среднем на 15-20%;
- низкий уровень жизни и образованности подавляющего большинства населения.

У меня под рукой имеется сжатый анализ ситуации (на 4 листах) в Афганистане. При желании и наличии времени готов ознакомить с его содержанием за лимитами данного выступления. Позволю упомянуть лишь основное его содержание.

В последние годы ОДКБ осуществляют самый плотный мониторинг обстановки в Исламской Республике Афганистан и предпринимает диктуемые ситуацией меры, в т.ч. по оказанию помощи РТ в вопросе укрепления пограничной безопасности.

Продолжалась активная деятельность *Рабочей группы по Афганистану (РГА) при СМИД*. Проводятся ее регулярные заседания с участием национальных координаторов по Афганистану, на которых осуществляется анализ военно-политической обстановки в ИРА. 3 августа с.г. она посетила подразделения 201-й военной базы Российской Федерации и 7-й десантно-штурмовой бригады Мобильных войск Вооруженных Сил Республики Таджикистан, входящие в состав КСБР ЦАР и КСОР ОДКБ.

Впервые (с 12 по 21 мая с.г.) была осуществлена внезапная проверка готовности воинских контингентов Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР).

Справочно: к проверке привлекались национальные воинские контингенты, выделенные в состав КСОР.

В проверке были задействованы более 2500 военнослужащих, более 200 единиц военной техники и 20 летательных аппаратов различного типа.

На территории РТ была развернута группировка КСОР в составе: Командования, оперативных групп министерств обороны государств - членов ОДКБ и контингентов от вооруженных сил.

Одновременно подразделения Вооруженных Сил Республики Таджикистан и 201-й РВБ провели совместные демонстративные действия вблизи границы с Афганистаном.

В целом поставленные цели внезапной проверки были достигнуты, действия министерств и ведомств, задействованных в обеспечении проверки, а также личного состава КСОР ОДКБ и приданых авиационных сил оцениваются положительно.

2. Ближний Восток

Навязанное извне переустройство Ближнего Востока привело к взрыву в регионе и к росту угроз для всего мира. Мир, похоже, забыл последствия «арабской весны»: в Ираке погибло более 1 млн. чел., в Ливии население сократилось с 6 до 3,5 млн. чел., в Сирии с 21 млн. (по данным на 2011 г.) до примерно 8-9 млн. (при 12 млн. переселенных лиц).

Характерно сделанное в конце октября с.г. признание экс-премьера Великобритании Тони Блэра о том, что вторжение в Ирак вооруженных сил США и их союзников в 2003 году стало одной из основных причин последующего появления на свет «Исламского государства». Осуществляемое ИГ насилие и террор охватывают территории многих стран, его жертвы исчисляются тысячами.

К сожалению, и здесь наши алармистские прогнозы оказались верными. За прошедший год ИГ чуть ли не на треть расширило контролируемую им территорию в Сирии и Ираке. Продолжались казни, расхищение артефактов, незаконная торговля нефтью, геноцид христиан, в частности армян, алавитов, курдов и др. ИГ до начала действий ВКС России в Сирии ставило задачу взять Дамаск и Багдад и получить плацдарм для мировой экспансии (примечание: напомнить, что на прошлогоднем выступлении в Алма-Ате представитель ОДКБ специально обращал внимание на тогда еще «не раскрученную тему» - о незаконной торговле ИГ нефтью и ее потребителях, по существу финансирующих МТ).

В ОДКБ неоднократно указывалось на исходящую от ИГ террористическую угрозу, в первую очередь из-за опасности возвращения боевиков группировки из числа граждан СНГ (а их насчитывается около 3 тыс. чел.) в свои страны, где они будут готовы принять участие в «джихаде» против «неверных». Как сказал в недавнем интервью в п. Боровое президент Киргизии А. Атамбаев, «те ребята, которые сегодня воюют на стороне ИГИЛ, проходят обкатку в Сирии, их же потом направят строить Хорасанский халифат в Средней Азии, в том числе в Кыргызстан». Как неоднократно заявлял В. В. Путин, Россия участвует в боевых действиях в Сирии ради защиты от терроризма собственных граждан (далее

краткие комментарии в ответ на обвинения Белого Дома относительно «сохранения режима Асада»).

При этом США в октябре с.г. начали передавать противотанковые комплексы сирийской оппозиции. Поскольку ранее оружие в Сирии неоднократно захватывалось или попадало в руки ИГ, хотелось бы надеяться, что оппозиционерам не будут переданы ПЗРК, которые потом могут использоваться не только против единственной легитимной власти в Сирии и ее армии, но и против американских ВВС и российских ВКС.

Некоторые эксперты не очень верят сообщениям о том, что на полмиллиарда долларов американцы смогли подготовить якобы только 5 бойцов оппозиции, после чего соответствующая программа Пентагона была свернута. В экспертной среде полагают, что в реальности американцы «выпустили» гораздо больше «до зубов» вооруженных боевиков, которые, в конечном счете, пополнили ряды «Ан-Нусры» и др. подобных группировок.

Эти факторы весьма осложнили урегулирование ситуации в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке, в регионе в целом.

Крайне усугубили ситуацию чудовищные теракты с российским авиалайнером и в Париже, а также инцидент с российским бомбардировщиком СУ-24, сбитым турецким истребителем в воздушном пространстве Сирии. Избегая оценок заинтересованных сторон, напомню о заявлении на этот счет Президента Н. Назарбаева, посчитавшего фактом то, что истребитель Су-24 не демонстрировал, что нападает на Турцию.

США в начале декабря с.г. решили перебросить элитные подразделения спецназа (200 человек) на Ближний Восток, чтобы проводить рейды против террористов в Ираке и Сирии. Премьер-министр Ирака Хайдер Аль-Абади заявил в этой связи, что приветствует иностранную помощь, однако любое развертывание новых сил в стране должно проходить с одобрения иракского правительства. Ранее шиитские вооруженные группы пообещали бороться с любым развертыванием американских сил в регионе. «Каждый американский отряд «станет мишенью», - подчеркнул представитель шиитского лидера

54 Катаиба Хезболлы.

Сегодня авиаудары по террористам наносят США, Россия, Франция, Великобритания. В начале прошлой недели Бундестаг поддержал правительственные предложения об участии Германии в борьбе против ИГ на территории Сирии. В небе над Ираком и Сирией становится тесно. Риск инцидентов типа того, что произошел с СУ-24, многократно возрастает. Последствия могут быть непредсказуемыми.

Сразу после инцидента с российским Су-24 24 ноября Турция получила уведомление из Дамаска, что любой залет турецкой боевой авиации будет расцениваться как вторжение в воздушное пространство Сирии. Турция после того не нанесла ни одного удара по боевикам ДАИШ. Позитивнаядержанность.

С другой стороны, 4 января Багдад назвал военным вторжением направление Анкарой в иракский Мосул своего воинского подразделения и потребовал его вывода.

В этой связи создание антитеррористической коалиции с участием той, что возглавляется США, а также России, Ирана и др. заинтересованных стран возрастает многократно. Предложения на этот счет от РФ были, но не получили поддержки Запада. Необходимо, по крайней мере, взаимодействие типа того, что было достигнуто между российским и французским президентами во время визита Ф. Олланда в Москву. Важна чтобы договоренность между Москвой и Вашингтоном по недопущению инцидентов в воздухе строго и в режиме конфиденциальности выполнялась. Вместе с тем, в связи с инцидентом с СУ-24 российский президент выразил горечь по поводу того, что мы оповещаем США о вылетах наших бомбардировщиков, а дело кончается тем, что нам стреляют в спину.

Другого пути как честное и эффективное сотрудничество в борьбе с терроризмом нет. И тут не место разделению террористов на «хороших» и «плохих», «своих» (в смысле использования в своих интересах, например против режима Асада) и «чужих». Трудно говорить, однако, о какой-либо коалиции, если не удается для начала сопоставить и достичь согласия по списку тех организаций, которые следует считать террористическими.

Определенные надежды хотелось бы связывать с «венским процессом», после Австрии переговоры намечены на середину декабря в Нью-Йорке, однако они до последнего времени были под угрозой срыва из-за имеющихся разногласий (прим. - между Россией и Ираном, с одной стороны, и аравийскими монархиями и Турцией, с другой).

Нефть. Российская авиация бомбила караваны цистерн, тянувшиеся в сторону Турции. Британские, французские ВВС нанесли авиаудары, используя управляемые бомбы, чтобы поразить нефтяные скважины. Все это ради лишения террористов доходов от продажи нефти. Все правильно. И все это - на территории Сирии.

Однако разве в Ираке террористы на контролируемых ими территориях нефть не добывают и ее не продают «налево»? Разве раньше, например, во время вторжения США в Ирак, бомбили месторождения нефти? Бомбили все, что угодно, но не нефтехранилища – «святое». Или сейчас нефти на мировых рынках слишком много?

Всегда было понимание, что война кончится, и нужно будет жить и кормить людей? Или что будет с Ираком после войны мировое сообщество интересует и там подконтрольные ИГ нефтехранилища не бомбят, а в буквальном смысле полуразрушенную Сирию следует добивать окончательно, тем более, что Асад там, вроде как, «задерживается»?

3. Восточная Европа и государства Балтии

Территория Прибалтики и Восточной Европы в последние полтора года стала ареной лихорадочной активности НАТО. Здесь проводятся постоянные учения, маневры, создаются точки радиолокационного контроля, над Балтикой барражируют натовские самолеты, размещаются новые объекты военной инфраструктуры НАТО, на которых планируется сосредоточить существенные запасы вооружения и военной техники.

Эта деятельность не может не вызывать беспокойства: альянс подтягивает в регион и такую технику, которая способна нести на борту ядерное вооружение. В некоторых кругах на Западе возникает иллюзия, что в мировом конфликте достижима реальная победа одной из сторон без необратимых, неприемлемых, даже в условиях применения ядерного оружия, последствий для победителя. В середине октября в непосредственной близости от рубежа критически важного для государства – члена ОДКБ России с точки зрения ядерного сдерживания и поддержания стратегической стабильности в целом, проведены с использованием морской компоненты первые испытания ПРО США в Европе. Это – попытка НАТО приступить к разрушению стратегического баланса, изменению решающим образом соотношение сил в свою пользу. Завершения развертывания системы ПРО в Европе ожидается в 2018 г.

В любом случае необходимые для себя выводы, проистекающие из развития ситуации в Восточной Европе и государствах Балтии, в первую очередь Региональная Восточноевропейская российско–белорусская группировка войск (сил) Организации, должна будет сделать.

4. Украина

Серьезную обеспокоенность вызывает развитие событий на юго-востоке Украины, приведшее к многочисленным жертвам среди мирного населения и разрушению важных объектов жизнеобеспечения. На сегодняшний день осуществляется реализация Минских соглашений, достигнутых при участии и посредничестве государств – членов ОДКБ. И хотя угроза срыва усилий по мирному урегулированию конфликта сохраняется, остается только надеяться, что соглашения будут исполнены в полном объеме.

Пока Украина отошла на второй план. Очевидно, что Ближний Восток для США это более качественно важная задача. Однако для Киева такая утрата внимания Запада, который является его спонсором, вряд ли приемлема. Как считают эксперты, под получение новой помощи, кредитов и вооружений потребуется новое обострение ситуации в Донбассе, а единственная возможность для этого – новое вооруженное столкновение.

5. Нагорно-карабахская проблема

На границе между Арменией, Нагорным Карабахом и Азербайджаном в последние месяцы периодически наблюдается резкая эскалация конфликта. Азербайджан продолжает грубые нарушения режима прекращения огня на границе с Арменией и линии соприкосновения с Арцахом. По армянским позициям впервые с момента подписания перемирия в 1994 году был открыт огонь из артиллерийских систем: реактивных систем залпового огня 122-миллиметровых гаубиц, минометов.

ОДКБ поддерживает исключительно мирное решение нагорно-карабахской проблемы, скорейшее завершение работы над Основными принципами нагорно-карабахского урегулирования при посредничестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

6. Проблемы миграции

Миграционные проблемы, которые долгие годы для такой многофункциональной организации как ОДКБ в основном сводились к нелегальным ее аспектам, в 2015 году в результате стимулированной и во многом организованной извне «арабской весны», переворотов, внутренних потрясений, иностранного вмешательства, кровавых вооруженных действий, расширения поля деятельности международного терроризма и пр. приобрели глобальный характер. Многотысячный поток беженцев из Ближнего и Среднего Востока захлестнул Европу, угрожая безопасности и стабильности, соседних с регионом ответственности ОДКБ государств. Пока до наших стран он докатился в незначительных количествах (беженцы из Сирии в РФ и Армении), однако опасность последующего, хотя бы частичного перенацеливания этого потока на государства – члены ОДКБ существует. В СМИ уже были сообщения о предложениях направить часть таких беженцев в Кыргызстан. На «штучной основе» беженцев уже стал принимать Казахстан. Но надо иметь в виду, что внутренние границы между государствами ОДКБ открыты.

*Справочно: 1. ситуация вокруг армян в Сирии: до войны были вторым (2-3 % населения) после курдов (9 %) меньшинством в Сирии; о резне армян, устроенной ИГ; об оставшихся 15 тыс. армян, в основном в районе Алеппо; об их борьбе с ИГ в отрядах коалиции национальных меньшинств, наряду с езидами, христианами и др.; об армянских беженцах из Сирии – по числу **принятых (16 тыс. чел.) Армению** опережают только Турция, Германия и Швеция, еще 2 тыс. приняла Иордания и 8 тыс. – все остальные страны.*

2. Россия с весны 2014 г. уже приняла у себя более 1,2 млн. беженцев с Украины.

Кратко дополнительно о деятельности ОДКБ.

- Повышению эффективности **миротворческого потенциала ОДКБ** способствовало учение «**Нерушимое братство-2015**» на полигоне «Баграмян» в Республике Армения 30 сентября – 4 октября с.г.

Важнейшей операцией стало учение «**Взаимодействие – 2015**»

- Для обеспечения оперативной доставки сил и средств системы коллективной безопасности в районы предназначения на сессии СКБ в 2014 году принято решение о создании **Коллективных авиационных сил ОДКБ**, а в 2015 году утвержден Протокол о их составе и базировании.
- Был предпринят ряд конкретных шагов **по усилению потенциала ОДКБ по оперативному реагированию на возникающие и потенциально опасные кризисные ситуации**. Развернута работа по организационно-техническому и правовому обеспечению функционирования Центра кризисного реагирования Организации.
- На сессии СКБ обсужден вопрос о Генеральном секретаре ОДКБ. Главы государств поручили разработать документ, предусматривающий назначение Генерального секретаря ОДКБ на ротационной основе. В конце декабря 2015 года соответствующее решение будет принято в ходе заседания СГГ ОДКБ.

Заключение: подчеркнуть важность сотрудничества региональных организаций в обеспечении безопасности (в частности, НАТО-ОДКБ: на прошлогоднем семинаре представитель Информационного центра НАТО сказал, что сотрудничество свернуто из-за Украины. Наш ответ).

ОДКБ активно с ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС.

События в Украине и их влияние на регион Центральной Азии

Мухит-Ардагер СЫДЫКНАЗАРОВ

Директор института современных исследований

Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, Казахстан

к.ф.н., PhD доктор политологии

Конфликт в Украине привел к изменению геополитической конфигурации на евразийском континенте. Само начало силового вмешательства России во внутренние дела Украины стало точкой отсчета существенных геополитических сдвигов в регионе и мире.

Украина, а позже и Сирия, стали «точками невозврата» – переходом политического курса России в иное качество, возможно и в регионе Центральной Азии. Прошло не более полугода с момента деэскалации конфликта, но, тем не менее, последствия украинского конфликта все ещё разворачиваются во времени и пространстве. Их последствия испытали на себе все страны ЦАР, но наибольшее влияние оказал он на Казахстан, географически граничащего с Россией, так как наблюдался полярный раскол во мнениях казахстанского общества, что было чревато многочисленными негативными опасностями.

Майдан 2014 года назревал и был системно предсказуем, тем более что среди всех поколений украинских руководителей была осторожная, но постоянная проевропейская линия с момента обретения независимости.

Вспомним, что ряд российских политиков говорили о желательности федерализации или конфедерализации Украины, и как наиболее желанный итог – «воссоединение Украины и России». Либо прорабатывался другой сценарий – формирование сухопутного контактной линии от Харькова через Лугansk и Донецк, Херсон, Николаев, Одессу, Крым в Приднестровье, как связывающую восточную границу Украины до Днестра, с переходом контроля над приморскими центрами Украины к пророссийским политическим группам влияния. Причем проблема крылась в жесткой уверенности сторонников таких сценариев развития в том, что Украина является своего рода «недогосударством», либо «несостоявшимся государством».

Была стратегия «захода» в украинский конфликт, но четкой стратегии выхода – не наблюдалось. Таким образом, элемент нестратегичности, ситуативности политики присутствовал изначально, за исключением Крыма.

Если ранее абхазский и южноосетинский сценарий показали, что при последовательном и выверенном внешнесистемном влиянии на развитие событий сепаратизм как инструмент можно использовать для появления на карте новых непризнанных государств, то события в Крыму показали, что дно такого рода проектов еще не достигнуто.

Реакция государств Центральной Азии на кризис в Украине. В самом начале конфликта, в марте 2014 года официальные Астана, Бишкек и Ташкент огласили официальные заявления по поводу событий на Украине, высказавшись за территориальную целостность и суверенитет страны. Позже – официально правительства Казахстана и Киргизстана отреагировали «с пониманием на действия России в Украине».

Однако по вопросу законности, легальности правительства Виктора Януковича официальный Бишкек не согласился с Кремлем. В заявлении МИД Киргизстана подчеркнул, что президент, который потерял поддержку народа и бежал за границу, не может быть признан в качестве законного лидера.

Другие страны региона, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, приняли стратегию выжидания результатов развития событий в Украине. МИД Узбекистана сделал многозначительное заявление, призывая избегать применения силы и уважать принцип территориальной целостности. Как показало время, беспокойство о влиянии экономических санкций, введенных США и ЕС к России оказалось не беспочвенным. Экономика не только Казахстана, учредившего вместе с Беларусью и Россией ЕАЭС, но и других стран региона тесно связана с российской. Таким образом, экономическая изоляция России привела к сокращению доходов мигрантов из ЦАР, объему денежных переводов.

Беспокойство правительств стран региона также вызвало планируемое дальнейшее упрощение процедур предоставления российского гражданства для людей, родившихся в СССР, либо являющихся потомками граждан этой страны и говорящих на русском. Такие группы населения, по мысли многих исследователей, потенциально могли быть оправданием России для военного вмешательства.

Основные последствия украинского конфликта на Центральную Азию и Казахстан можно дифференцировать и описать следующим образом:

Информационно-идеологического характера:

1. Успешно примененную стратегию ведения как гибридных, так и информационных войн.
2. Информационная составляющая в украинском кризисе обнажила неэффективность, уязвимость и слабость информационных стратегий государств ЦАР, низкий уровень информационной безопасности. Фактически аутентичного информационного пространства у стран региона не существует: на этом поле ведущую роль играют зарубежные, прежде всего российские СМИ и медиа. Это касается, прежде всего, касается Казахстана.
3. На региональное восприятие геополитических процессов оказывает сильнейшее влияние внешний информационный фактор, зачастую формируемый внешнеполитическими предпочтениями ведущих внегеографических акторов.
4. В регионе Центральной Азии за более чем 20-летний период так и не сформировалась центральноазиатская идентичность. Двусторонние отношения носят ситуативный характер, полагаясь при этом на постсоветское наследие. Украинский кейс лишь актуализировал эту проблему: что в принципе способен дать регион ЦА как субъектный геополитический игрок? Субъектен ли в принципе регион как единое целое?
5. События на востоке Украины продемонстрировали, насколько важны системность политики государственного регулирования сфер межэтнического согласия и межконфессиональной стабильности, языковой политики в государствах ЦАР, где проживает значительная (наиболее всего это касается Казахстана) русская диаспора.
6. Посткрымский период и эскалация конфликта на востоке Украины ясно обнажили другую проблему – рост милитаристских настроений среди ряда населения, подпитываемой информационным фоном в СМИ. Так, на стороне сепаратистов

на востоке Украины участвовали наемники – граждане Казахстана. Одного из них осудили по возвращении, и он отбывает срок.

7. Усилившиеся риски искусственного сепаратизма и сецессионизма. В Казахстане уже рассмотрено как минимум несколько¹ уголовных дел, в основе которых призывы к сепаратизму², разжигании межэтнической розни³, причем эти призывы активизировались именно в период конфликта в Украине.
8. Геополитическая непредсказуемость концепции «русского мира» и тезиса о «защите соотечественников» для ЦАР, их переход из «мягкой силы» в жесткую; восприятие концепции «русского мира» как агрессивной, направленной на дестабилизацию.
9. Политизацию этничности и языка, представляющей риски для государственного суверенитета и территориальной неприкосновенности.
10. Конфликт в Украине показал риски и угрозы существования в идеологической сфере одного государства нескольких идентичностей по схеме «одно государство - две идентичности». Это прежде всего системные провалы в формировании системной внутренней политики в вопросах идеологии единой нации и государства предыдущими властями Украины.
11. События в Крыму, а затем и в Донбассе показали эффективность реализации Россией стратегии искусственного симметричного слияния «разделенного народа». Это означает, что будет наблюдаться попытки РФ активизации инициатив создания новых, либо стимулирования преобразования старых общественных движений и организаций на этноконфессиональной почве в регионе ЦАР.
12. Можно предположить, что вмешательство либо попытка военной интервенции любого внeregионального системного актора в ЦАР усилит региональную идентичность, и самое главное – исламскую солидаристскую идентичность во всех пяти государствах региона, тем более этому способствуют абсолютно

¹ Приговор в отношении Шевцовой-Валовой вступил в силу//<http://rus.azattyq.org/content/news/27022579.html>

² Пять лет за публикацию. Предупреждения закончились?//<http://rus.azattyq.org/content/bloger-igorsychev-ridder-kazakhstan/27375080.html>

³ Суд по делу Тайчибекова перешел к прениям сторон//<http://rus.azattyq.org/content/news/27407057.html>

превалирующий в регионе суннизм ханафитского мазхаба. Вопрос крымских татар в Крыму прошелся касательной к кругу вопросов тюркской солидарности государств ЦАР.

13. Военная интервенция автоматически будет переведена в сферу межрелигиозного противостояния-освободительного исламского джихада. Вырастет роль экстремистских организаций и их популярности, для которых совмещение матрицы построения исламистского государства (наглядный пример – временные успехи запрещенной террористической организации ИГИЛ-ДАИШ) вкупе с освободительной риторикой против «неверных» даст сложный коктейль, против которого будет трудно что-либо противопоставить.
14. В украинском конфликте важную роль сыграл также внутренний религиозно-конфессиональный контекст. Косвенно указанный контекст коррелировал с позицией казачества и казачьих организаций на постсоветском пространстве. В ходе противостояния на Майдане, начавшегося осенью 2013 г. четко обозначились геополитические ориентиры религиозных (православной, греко-католической, римско-католической) организаций.
15. В информационном поле России активизировались силы, ратующие за легитимизацию территориальных претензий к Казахстану, а также ряду других территорий в ЦАР. Идентифицировались их сторонники в ряде стран региона.
16. Актуализировались вопросы персонификации внешней и внутренней политики в регионе ЦАР. Многие проблемы в ЦАР основаны именно на этом факторе – недостаточном уровне взаимного доверия при выработке совместной повестки дня.
17. Россия упорядочила и систематизировала вовремя и после событий в Украине работу с трудовыми мигрантами из ЦАР, и их наиболее влиятельными руководителями. В Госдуме РФ был внесен законопроект о расширении возможностей Национально-культурных автономий в адаптации мигрантов посредством их трансформации в некоммерческие организации. Ключевым нововведением этого законопроекта является пункт, согласно которому Национально-культурные автономии получат возможность финансироваться не только исключительно за счет внутренних источников, а также благодаря сторонним источникам.

18. Имиджевые приобретения и потери России в регионе. Первые изменения касаются восприятия России как сильного соседа и основного внешнеполитического партнёра, а также партнёра по многим региональным и международным организациям – ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, СВМДА, ОБСЕ и др., в которых состоят вместе с нею большинство постсоветских государств. В посткрымский период появились опасения, что «новая» Россия может представлять угрозу для своих партнеров в ЦАР. Как отмечают российские исследователи, «открытым остаётся вопрос, насколько прочными окажутся отношения, сформированные на этой зыбкой основе... Важно признать, что ключевые события на международной арене и роль России в них рассматриваются в Центральной Азии в первую очередь через призму восприятия их как угрозы национальной стабильности, территориальной целостности и государственному суверенитету. Повышение ощущения уязвимости неизбежно влияет на уровень доверия как между странами Центральной Азии и Москвой, так и между группами интересов, элитами внутри государств региона».⁴
19. Изменение имиджа и образа революций (двух кыргызских, двух украинских, одной грузинской) как средства изменения настоящего и проектирования будущего. «Революция достоинства» должна была привести к тому, чтобы уроки интервенционизма и уроки событий 2005 г. не повторились. Должны были появиться новые люди, новые идеи, новые концепции государство- и нациестроительства, новых идей в идеологической сфере Украины.
20. Влияние образа «новой Украины» как меняющейся европейской страны на страны ЦАР. Он в стадии становления, поэтому пока рано говорить о результатах, но он сможет позитивно повлиять на имидж реформаторства в ЦАР в том случае, если успешность своих реформ она не будет связывать с имеющимися и выдаваемыми кредитами, так как западные кредиты всего лишь средство, они не инструмент реформ. К сожалению, за год реформ в Украине не появилось личности подобные уровню или взглядов Кахи Бендукидзе, с его реформами обоснованной простоты и жизненности, глубины и доходчивости. А успешные реформы в регионах больше связываются пока с привлечением экспатов («варягов») – успешных реформаторов как экс-президент Грузии Михаила Саакашвили.

⁴ Болгова И. Последствия украинского кризиса для Центральной Азии: шок и трепет//http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5531#top-content

21. В этом плане пример реформ в Грузии был более успешным, привлекательным, модельным в ряде сфер – например, реформы в полиции, успешные реформы сфере борьбы и противодействия коррупции, реформы в сфере менеджмента туристической сферы, на таможне и управления границами, и так далее, которые бы могли оказать или уже оказывает влияние на ситуацию в ряде центральноазиатских государств.
22. В Украине не появилось партии ценностей или ценностной партии. Такой партии, которая бы артикулировала некие новые дискурсы в обществе, и на постсоветском пространстве. Которая могла бы быть новой моделью партийного строительства для ЦАР. Проевропейскость, прозападность – эти дискурсы как константа уже изъезжены.

Военно-политического характера:

1. В новой, посткрымской внешнеполитической концепции России не исключается военное вмешательство в дела региона⁵.
2. Вытекает из предыдущего - угрозы территориальных конфликтов и насильственного изменения границ. Фрагментация украинского государства (Крым) делает возможным дальнейшее изменение границ на пространстве СНГ. Смещение границ России, через приращение ее территории Крымом лишь усугубил внутреннее восприятие государств Центральной Азии устойчивости собственных границ под возможным силовым воздействием третьей стороной, и без того отягощенной анклавными территориями, пестрой этнической картиной, спящими взаимными территориальными вопросами.

⁵ Тимофеев И.: «Россия становится более активным военно-политическим игроком за пределами своих территорий. Однако эта активность будет носить точечный характер в силу ограниченности ресурсов. Помимо Сирии возможной точкой вмешательства России может стать выполнение союзнических обязательств в Центральной Азии в случае террористической угрозы со стороны базирующихся не территории Афганистана боевиков. Данное вмешательство будет осуществляться силами высоко мобильных частей и соединений при активном участии воздушно-космических сил»// Новая предсказуемость России - http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6754#top-content

3. Институты европейской безопасности и ключевые договоры с участием России подвергаются эрозии. Кризис обнажил иллюзорную натуру соглашений, содержащихся в Будапештском меморандуме от декабря 1994 года, подписантами, которых были США, Великобритания и Россия. Вопросы обеспечения договоренностей по будапештскому меморандуму стоят и перед Казахстаном, как государства, добровольно отказавшегося от своего ядерного оружия.
4. События в Украине поставили в международной повестке дня вопросы будущего ядерной безопасности и системы нераспространения ядерного оружия. Это актуально для ЦАР, так как регион окружен странами, обладающими либо потенциально пороговыми ядерными государствами.
5. Усиление милитаризации региона. Вкупе с де-факто свершившейся милитаризацией Каспия после запуска Россией с каспийской акватории 26 баллистических ракет, направленных на уничтожение ИГИЛ в Сирии, это усложняет военно-политическую конфигурацию в регионе.
6. Полиформатное сотрудничество стран региона с НАТО стало с этого момента раздражителем для Москвы.
7. Двойные стандарты толкования и применения норм международного права со стороны региональных держав, приоритет силового давления. Силовая политика старого образца возвратилась на евразийский континент.
8. Формирование собственной политико-экономической повестки дня, а не повестки внерегиональных держав – реалистичный путь политической и экономической интеграции в ЦАР.
9. Россия придала новую динамику расширению своего военного присутствия в ЦАР, что концептуально полностью соответствует политическому курсу страны. Подписан договор с Таджикистаном и Киргизстаном о продлении срока действия российских военных баз в этих странах до 2042 и 2032 года соответственно, будет также увеличен военный контингент в Таджикистане с 5900 до 9000 военных к 2020 году. Таким образом, база в Таджикистане станет самой крупной из российских баз вне границ России. К 2016 году будет обновлена авиация на военно-воздушной

базе «Кант» в Кыргызстане, куда дополнительно направлены более десяти усовершенствованных СУ-25, которые заменят старые самолеты.

10. Украинский кризис создал крайне негативный прецедент политизации Москвой многовекторности стран Центральной Азии как нежелательной.
11. Конфликт в Украине создал многочисленные ловушки для успешно реализованной Казахстаном в течение периода независимости внешнеполитической стратегии многовекторности. Конфликт Украины не был первым⁶ (до этого казахстанская внешнеполитическая модель многовекторности была проверена в ходе грузинско-российского конфликта), но стал серьезным вызовом Астане в ее многовекторной внешней политике. Усилия США и ЕС по привлечению России к ответственности за свои действия в Украине поставили Казахстан в неловкое положение между двумя сторонами, усложняемое длительной дипломатической конфронтацией. Кроме того, Казахстану удалось сохранить тесные и продуктивные рабочие отношения с Украиной⁷. Вмешательство России в украинские события стали поучительным уроком для Астаны в той части, что может произойти, если серьезные разногласия будут появляться в стране, население которой имеет значительную часть русского этноса.
12. Российская политика «свершившегося факта» в Крыму, по введению в одностороннем порядке санкций как в посткрымский, так и позже – после вовлечения в сирийский конфликт, не способствовала росту взаимного доверия России и ее стратегических союзников в ЦАР, его pragmatiki, целей и задач.
13. Конфликт показал пределы возможностей по созданию на территории отдельного взятой независимой страны дисфункционального, провоцирующим и сопровождаемым „анархическими“ формами внутреннего насилия.
14. Укрепление действующих политических режимов в странах ЦАР как гарантии обеспечения широко понимаемой национальной безопасности.

⁶ 26 августа 2008 года, президент РФ Дмитрий Медведев подписал указ о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, отделившихся от Грузии в результате грузинско-российского военного конфликта. Казахстан не признал их качестве суверенных государств.

⁷ 9 октября 2015 года состоялся первый официальный визит президента Украины Петра Порошенко в Казахстан.

15. С целью превентивной борьбы с возможным тиражированием «цветных революций» в регионе, которые в украинском кейсе привели не только к смене политического режима, но и к гражданской войне, усиливается контроль властных структур государств ЦАР за третьим сектором - НПО, интернет-медиа, социальными сетями, зарубежными грантовыми программами.
16. Осознание собственной уязвимости и градиентный, но в целом высокий уровень политической лояльности по отношению к Москве властных элит Центральной Азии нашло свое чёткое отражение в озвученных официальных позициях этих стран по отношению к событиям в Крыму.
17. Концепт «постсоветское пространство» показал в контексте украинских событий свою политico-экономическую и военно-стратегическую несостоительность, паллиативный характер. Впервые произошла ситуация, когда де-юре закреплялась часть территории одного «постсоветского государства» за другим «постсоветским». (Примеры Нагорного Карабаха, Абхазии и Осетии это скорее примеры этнического сепаратизма).
18. Наблюдается спад активности США в регионе ЦАР, тем самым усилив аргументы сторонников тезиса о том, что политика этой страны регионе ЦА носила инструментальный характер, в тесной привязке к операции коалиции в Афганистане. Идет передислокация активности США в ближневосточный регион, и в Южно-Китайское море. Вероятно, даже после президентских выборов эта ситуация не изменится - так как США занята в других международных конфликтах и вызовах. С точки зрения безопасности и экономики предоставление помощи ЦА не является уже большим обязательством со стороны США. Рамочная политика со стороны США, вероятно, будет следующей: ЦА становится более диверсифицированным регионом.
19. Охлаждение отношений между Россией и Западом способствует усилению стратегического партнерства ЦАР с Китаем. Газовый контракт и заключенные ранее контракты на поставку нефти ведут к тому, что Россия становится основным поставщиком энергоресурсов в Китай. Последние соглашения будут способствовать росту экспорта китайских товаров на российский рынок и сотрудничеству в важных

областях для Китая (таких как, валютные взаиморасчеты, авиация). Сближение с Россией также может помочь в уравновешивании баланса влияния США в ЦАР. ЕС укрепляет свои позиции в энергетических отношениях с Россией и следит (на данном этапе) за развитием новых китайских инициатив в области безопасности.

20. КНР, по всей видимости, готова, по крайней мере, на среднесрочный период уступить политическое доминирование России в ЦАР взамен соблюдения Москвой китайских геоэкономических интересов в этом регионе. В плане политического доминирования для Пекина в настоящее время более приоритетен Азиатско-Тихоокеанский регион. На реализацию этой задачи у КНР могут уйти значительные ресурсы в виду втягивания в геополитическое противостояние в АТР США и Японии.
21. В то же время в последнее время Китай наращивает свое экономическое присутствие в Афганистане – части так называемой «Большой Центральной Азии», играя уже фактически ведущую роль в афганской экономике. В распространении своего влияния в Афганистане Китай, должно быть, будет пользоваться помощью Пакистана. Следует отметить, что запад Афганистана сильно зависит от энергопоставок из Туркмении. В данном случае могут совпасть интересы Ашхабада и Пекина по прокладке газо- и нефтепровода Туркмения-Афганистан-Пакистан, к которому возможно подключение нефтегазовых ресурсов Узбекистана и Казахстана. Учитывая нефтегазовый импорт КНР из нашего региона, Пекин может контролировать геоэкономическую ситуацию всей Центральной Азии.
22. Разрыв сотрудничества оборонных отраслей промышленности будет иметь негативные последствия как для Украины и России, так и стран ЦАР.

Социально-экономического характера:

1. Конфликт в Украине актуализировал необходимость скорейшего, без посредников, разрешения территориальных разногласий в регионе, неконфликтного завершения процесса делимитации совместных границ, выхода на новый уровень решений по системе комплексного использования трансграничных водных ресурсов ЦАР.
2. Кризис выявил значительную экономическую взаимозависимость между Россией и внешним миром. Поэтому взаимные между Западом и Россией меры

по общему снижению товарооборота по основным его статьям — нефти, газу и другим сырьевым товарам оказали далеко идущие последствия, как для здоровья мировой экономики, так и для региона. Но больше всех в регионе пострадала экономика Казахстана.

3. Экономика России в результате затяжной рецессии и санкций утрачивает модернизационный потенциал для стран региона. Даже в условиях благоприятных политических отношений, сдерживающим фактором развития отношений все чаще становится состояние российской экономики.
4. Падение спроса на сырье из государств региона со стороны промышленных предприятий РФ, которые сильно завязаны для получения готовой продукции кооперацией с промышленными кругами Украины.
5. Товарооборот Украины и Казахстана упал в посткрымский период более чем на 40%. Причина - в падении украинской экономики, отсутствии поступлений из восточных регионов и проблемном транзите через территорию России.
6. Украинский рынок услуг сейчас находится в депрессии, в связи с этим ведение бизнеса в Казахстане открывает массу перспектив для украинских бизнесменов. Это уже заметно в среде малого и среднего бизнеса в мегаполисах Казахстана, где экспаты-украинцы достаточно агрессивно (иногда с применением политики ценового демпинга) входят в сферу продажи товаров и услуг. Также HR-агентства пестрят массой предложений недорогих украинских специалистов с высокой квалификацией. Проблема имеет два противоречивых последствия: отток капитала с одной стороны (зарплата нерезидентам Казахстана), с другой -отечественные специалисты перенимают опыт у высококвалифицированных украинских коллег, что в долгосрочной перспективе идет на пользу конкуренции.
7. Украинский кейс начался собственно с выбора путей политико-экономического развития: или в составе ЕАЭС, или проевропейский выбор. Поэтому в посткрымский период, период открытой конфронтации политического Запада и России, со стороны Москвы интеграционные процессы получили удвоенную динамику. Интересна при этом точка зрения, согласно которой это «в определенной степени это повторение геополитического маневра, который был успешно осуществлен Российской

империей во второй половине XIX века для восстановления утраченных после поражения в Крымской войне внешнеполитических позиций»⁸.

8. Партнёрство с Россией в рамках евразийской интеграции не является безальтернативным, так как несет в себе риски ослабления национального суверенитета. Альтернативность экономических проектов не должна выглядеть как политическое расхождение. Как элитами, так и аналитическими сообществами в этих странах стали активнее прорабатываться альтернативные экономические проекты. После того, как эти страны стали ощущать прямые и косвенные последствия взаимных санкций Запада и России, эти сомнения стали лишь более укрепляться. Таковой потенциал имеет китайский инфраструктурный проект «Экономический пояс Шелкового Пути».
9. Действия России в Украине активизировали реализацию амбициозных планов Пекина в регионе Центральной Азии, так и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Укрепление позиций КНР в регионе, остававшейся единственной политически субъектной нейтральной силой в конфликте, единственного сильного глобального экономического партнера интенсифицировало реализацию китайских внешнеэкономических проектов в Центральной Азии, прежде всего проекта экономического Пояса Шелкового Пути, и его сопряжение с процессами евразийской интеграции. Хотя интересы обеих стран часто не совпадают (например, в Центральной Азии), а Китай с дистанцией подходят к некоторым действиям России (в том числе к присоединению Крыма), все же в настоящее время сотрудничество соответствует китайским устремлениям по уравновешиванию влияния США. Вывод войск НАТО из Афганистана снижает роль Запада в качестве игрока в Центральной Азии. Китай является главным экономическим партнером для Центральной Азии, в том числе крупнейшим импортером казахских и туркменских энергоносителей, а также становится также все более важным инвестором и источником займов для стран региона. Правительство в Пекине стремится, в частности, расширить автомобильные и железные дороги, что позволит экспорттировать китайские товары не только в Центральной Азии, но и в Европе. В то же время растет значение Китая как политического союзника в рамках Шанхайской организации

⁸ Дятленко П. Последствия украинского кризиса для Центральной Азии// <http://polit-asia.kz/sports/222-последствия-украинского-кризиса-для-центральной-азии>

сотрудничества, объединяющей кроме России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

10. Усложнение миграционных потоков в/из региона. Девальвация российского рубля, стагнация российской экономики, снижение общемировых цен на углеводороды повлияло на переток/возвращение трудовых мигрантов в другие страны, в том числе в ЦАР.
11. Величина государства в экономических процессах в реформируемой Украине, несмотря на то, что она фактически находится в состоянии войны, и большую часть бюджета вынуждена тратить на военные расходы. По данным 2014 г., размеры государства в экономике Украины составляли 53 % от ВВП. По данным конца 2015 г. она составляет 51-52 %. То есть размеры государства в экономических процессах в Украине в результате тех иных реформ не уменьшились. Это гарантированный путь к экономической нестабильности, укрепляющий позиции сторонников той точки зрения, что революции не приносит успешных экономических реформ. В разрезе ЦАР это означает, что центральноазиатские страны пока не получили новой инновационной информации успешному экономическому реформированию, в том числе требующих более радикальных действий в экономике.
12. Украинский кризис представляет собой огромный риск как для европейских, так и для компаний из стран ЦАР, прежде всего Казахстана, которые рассматривают возможность ведения бизнеса на этом рынке. Они должны, однако, стремиться к участию в будущих украинских модернизационных проектах (например, инфраструктуры).
13. Введение российских санкций на импорт из ЕС, США и их партнеров, во-первых, привели к ухудшению взаимоотношений внутри Таможенного союза, так как Казахстан и Белоруссия не поддержали эти санкции.
14. Территория России является своего рода «морем» для проникновения европейских товаров и услуг на рынки ЦАР. Конфликт в Украине осложнил их логистику, сузил ассортимент, привязав их к текущей геополитической ситуации. События в Украине стали серьезной угрозой, как для казахстанских предпринимателей, так и малого и среднего бизнеса из стран ЦАР, торгующих с Украиной, так и для европейской торговли и инвестиций.

15. Проблемы в водной и энергетической сфере. США, в ходе визита государственного секретаря Дж. Керри в новом формате предложил программу Smart Waters («Умная вода»), включающую в себя передачу экспертных знаний, подготовку, переподготовку и обучение специалистов в регионе в сфере управления и координации водных ресурсов. Однако как это будет реализовано на практике пока неясно, так как видение водной безопасности в регионе у каждой страны различное: Узбекистан и Казахстан имеют собственное видение как государства, находящиеся в низовье основных рек, Таджикистан и Киргизстан, как страны расположенные у устья основных водоносных рек – соответственно иное видение.
16. Вполне возможным, в случае недостаточной с точки зрения Москвы лояльности, будет применение ею в ЦАР стратегий «мягкой автономизации», с последующей реализацией стратегией неравновесного поглощения, когда организационные и идеологические характеристики объединенной нации полностью повторяют черты «включающей» нации. Соответственно интегрирующая сторона полностью отказывается от своих политических, экономических и отчасти социокультурных характеристик.

Подводя итоги, можно сказать, что последствия событий в Украине находятся в стадии развертывания и не достигли еще своего дна. В дву- и многосторонних отношениях стран региона присутствует спорадизм. Ясно одно, что в сообществах Центральной Азии есть социальный запрос и заинтересованность в реальной экономической интеграции между собою.

Этому способствуют и другие факторы:

- регион не имеет выхода к мировому океану. Поэтому вопросы создания единого транспортно-логистического узла между Восточной Азией и Европой имеют стратегическое значение.
- акцент должен быть сделан на интеграции снизу: в общественном мнении Центральной Азии нет системно артикулированной взаимной нетерпимости, присутствует запрос на признание необходимости развития теплых братских отношений, основанная на этнокультурной, языковой и конфессиональной близости. Определяющую роль в устойчивости и формирующейся региональной идентичности должны играть общие идеологические ориентиры, направленные в будущее, способные противодействовать негативному влиянию извне.

Проблема долгосрочного характера заключается также в том, что насколько западный политический истеблишмент пока сможет сформулировать долгосрочную стратегию отношений с Москвой в «посткрымской» ситуации, а от этого также зависит общий психологический климат внешней политики стран региона.

События в Украине также обращают внимание тем, что политика Москвы в регионе протекает теперь в условиях непредсказуемости, или как пытаются ее сейчас окрестить российские политологи – политики «новой предсказуемости»⁹ идет при сохранении старой риторики и ранее действовавших институтов партнерства.

Регион не должен позволять ни одному внешнесистемному игроку быть более сильным. Задача действующих элит ЦАР и их преемников не довести политику одной страны к столкновению интересов того или иного внешне системного игрока в регионе.

Ранее отсутствие угрожающих внешних обстоятельств было основным препятствием для региональной интеграции. Вместе с тем интеграция в регионе ввиду сложности внешнеполитической ситуации и разности внутриполитического контекста должна выстраиваться поэтапно, но в то же время в сжатые сроки. Интеграция стран региона отвечает интересам всех стран, и способна стать ответом на старые и новые вызовы и риски. В среднесрочной перспективе относительно слабые политические позиции ЦАР должны компенсироваться весомой экономической ролью стран региона.

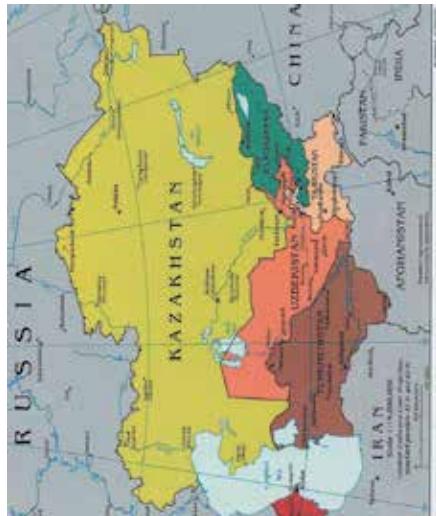
⁹ Тимофеев И. Новая предсказуемость России// http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6754#top-content

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мухит-Ардагер Сыдыкназаров

к.ф.н., PhD доктор политологии

Института современных исследований Евразийского национального
университета им.Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Последствия информационно- идеологического характера:

- ❖ Успешно примененная стратегия ведения как гибридных, так и информационных войн.
- ❖ Информационная составляющая в украинском кризисе обнажила неэффективность, уязвимость и слабость информационных стратегий государств ЦАР, низкий уровень информационной безопасности. Фактически аутентичного информационного пространства у стран региона не существует: на этом поле ведущую роль играют зарубежные, прежде всего российские СМИ и медиа. Это прежде всего касается Казахстана.
- ❖ Информационный фактор формируется внешнеполитическими предпочтениями ведущих внeregиональных акторов.
- ❖ За более чем 20-летний период не сформировалась центральноазиатская идентичность, Двусторонние отношения - ситуативны. Субъектен ли в принципе регион как единое целое?
- ❖ События на востоке Украины продемонстрировали, насколько важны системность политики государственноного регулирования сфер межэтнического согласия и межконфессиональной стабильности, языковой политики в государствах ЦАР.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Последствия информационно-идеологического характера:

❖ Рост милитаристских настроений среди ряда населения, подпитываемой информационным фоном в СМИ. На стороне сепаратистов на востоке Украины участвовали наемники – граждане Казахстана. Одного из них осудили по возвращении, и он отбывает срок.

❖ Риски искусственного сепаратизма и сецессионизма.

❖ Геополитическая непредсказуемость концепции «русского мира» и тезиса "защиты соотечественников" для ЦАР, их переход из «мягкой силы» в жесткую; восприятие концепции «русского мира» как агрессивной, направленной на дестабилизацию.

❖ Политизация этничности и языка как угроза для государственного суверенитета и территориальной целостности.

❖ Украина - одно государство - две идентичности». Системные провалы в формировании системной внутренней политики в вопросах идеологии единой нации и государства предъявляемыми властями Украины.

❖ Прецедент эффективной реализации стратегии искусственно симметричного слияния «разделенного народа».

❖ Вмешательство либо военная интервенция любого внерегионального системного актора в ЦАР усилит исламскую солидаристскую идентичность в ЦАР на основе суннизма ханфитского мазхаба.

❖ Вопрос крымских татар в Крыму пропал касательной к кругу вопросов тюркской солидарности государств ЦАР.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Военно-политического характера:

❖ В новой, посткрымской внешнеполитической концепции России не исключается военное вмешательство в дела региона.

❖ Угрозы территориальных конфликтов и насилияенного изменения границ. Фрагментация украинского государства – риски для ЦАР, с анклавными территориями, пестрой этнической картиной, связанными взаимными территориальными вопросами.

❖ Иллюзорная природа Будапештского меморандума от 1994 года.

❖ Будущее ядерной безопасности и системы ДНЯО. ЦАР окружена ядерными государствами и противовыми ядерными странами.

❖ Усиление милитаризации региона, милитаризация Каспия - усложнение военно-политической конфигурации ЦАР.

❖ Полиформатное сотрудничество стран региона с НАТО и ОДКБ в новых реалиях.

❖ Двойные стандарты норм международного права, приоритет силового давления.

❖ Формирование собственной политики-экономической и экономической интеграции в ЦАР. Держав – реалистичный путь политической и экономической интеграции в ЦАР.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Военно-политического характера:

❖ Расширение военного присутствия РФ в ЦАР.

❖ Прецедент политизации Москвой многосторонности стран Центральной Азии как нежелательной.

❖ Конфликт в Украине - многочисленные ловушки для внешнеполитической стратегии многосторонности.

❖ Российская политика «свершившегося факта» в Крыму, позже в сирийском конфликте - не способствует росту взаимного доверия стратегических союзников в ЦАР.

❖ Попытки создания дисфункционального государства, с „анархическими“ формами внутреннего насилия.

❖ Укрепление действующих политических режимов в странах ЦАР как гарантии обеспечения широкого понимаемой национальной безопасности.

❖ Усиление контроля властных структур государства ЦАР за третьим сектором - НПО, интернет-медиа, социальными сетями, зарубежными грантовыми программами.

❖ Высокий уровень политической лояльности ЦАР к событиям в Крыму.

❖ Концепт "постсоветское пространство" - политико-экономическая и военно-стратегическая несостоятельность, палиативный характер. Впервые произошла ситуация, когда де-юре закреплялась часть территории одного "постсоветского государства" за другим "постсоветским".

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Военно-политического характера:

- ❖ Спад активности США в регионе ЦАР, инструментальный характер политики, в тесной привязке к операции коалиции в Афганистане.
- ❖ Охлаждение отношений между Россией и Западом способствует усилению стратегического партнерства ЦАР с Китаем.
- ❖ Китай наращивает свое экономическое присутствие в Афганистане – части так называемой «Большой Центральной Азии», Пекин все более многоаспектно влияет на геоэкономическую ситуацию в ЦАР.
- ❖ Разрыв сотрудничества оборонных отраслей промышленности будет иметь негативные последствия как для Украины и России, так и стран ЦАР.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Социально-экономического характера:

- ❖ Необходимость неконфликтного завершения процесса делимитации совместных границ, выхода на новый уровень решений по системе комплексного использования трансграничных водных ресурсов ЦАР.
- ❖ Взаимные между Западом и Россией санкционные меры по общему снижению товарооборота по основным его статьям – нефти, газу и другим сырьевым товарам оказали последствия как для мировой экономики, так и для ЦАР. Но больше всех в регионе пострадала экономика Казахстана.
- ❖ Экономика России в результате затяжной рецессии и санкций утрачивает модернизационный потенциал для стран региона. Даже в условиях благоприятных политических отношений, сдерживающим фактором развития становится состояние российской экономики.
- ❖ Падение спроса на сырье из государств региона со стороны промышленных предприятий РФ, которые сильно завязаны для получения готовой продукции кооперацией с промышленными кругами Украины.
- ❖ Товарооборот Украины и Казахстана упал в посткрымский период более чем на 40%. Причина – в падении украинской экономики, отсутствии поступлений из восточных регионов и проблемном транзите через территорию России.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Социально-экономического характера:

- ❖ Наплыв украинского МСБ в Казахстане, и ЦАР, трудовая миграция квалифицированной рабочей силы из Украины.
- ❖ Динамика интеграционных процессов - ускоряется. Растет здоровый критицизм в оценке политики и экономических шагов каждой страны в евразийской интеграции.
- ❖ Партнёрство с Россией в рамках евразийской интеграции не является безальтернативным, альтернативность экономических проектов не является политическим расхождением с РФ. Сопряжение «Экономический пояса Шелкового Пути» и ЕАЭС.
- ❖ Усложнение миграционных потоков в/из региона. Девальвация российского рубля, стагнация российской экономики, снижение общемировых цен на углеводороды повлияло на переток/возвращение трудовых мигрантов в другие страны, в том числе в ЦАР.
- ❖ Украинский кризис представляет собой огромный риск как для европейских, так и для компаний из стран ЦАР, прежде всего Казахстана, которые рассматривают возможность ведения бизнеса на этом рынке. Они должны, однако, стремиться к участию в будущих украинских модернизационных проектах (например, инфраструктуры).
- ❖ Введение российских санкций на импорт из ЕС, США и их партнеров, во-первых, привели к ухудшению взаимоотношений внутри Таможенного союза, так как Казахстан и Белоруссия не поддержали эти санкции.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Социально-экономического характера:

❖ Территория России является своего рода «морем» для проникновения европейских товаров и услуг на рынки ЦАР. Конфликт в Украине осложнил их логистику, сузил ассортимент, привязав их к текущей геополитической ситуации. События в Украине стали серьезной угрозой как для казахстанских предпринимателей, так и малого и среднего бизнеса из стран ЦАР, торгующих с Украиной, так и для европейской торговли и инвестииций.

❖ Проблемы в водной и энергетической сфере. Проект США - Smart Waters («Умная вода») для ЦАР.

❖ Применение внешне-системными игроками в ЦАР стратегий «мягкой автономизации», внезапного сепаратизма.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВЫВОДЫ:

- В двух- и многосторонних отношениях стран региона присутствует спорадизм. Ясно одно, что в сообществах Центральной Азии есть социальный запрос и заинтересованность в реальной экономической интеграции между собою. Этому способствуют и другие факторы:
 - - регион не имеет выхода к мировому океану. Поэтому вопросы создания единого транспортно-логистического узла между Восточной Азией и Европой имеют стратегическое значение.
 - - акцент должен быть сделан на интеграции снизу: в общественном мнении Центральной Азии нет системно аргументированной взаимной нетерпимости, присутствует запрос на признание необходимости развития теплых братских отношений, основанная на этнокультурной, языковой и конфессиональной близости. Определенную роль в устойчивости и формирующейся региональной идентичности должны играть общие идеологические ориентиры, направленные в будущее, способные противодействовать негативному влиянию извне.
- Проблема долгосрочного характера заключается также в том, что насколько западный политический истеблишмент пока сможет сформулировать долгосрочную стратегию сближения с Москвой в «посткрымской» ситуации, а от этого также зависит общий психологический климат внешней политики стран региона.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВЫВОДЫ:

► События в Украине также обращают внимание тем, что политика Москвы в регионе протекает теперь в условиях непредсказуемости, или как пытаются ее сейчас окрестить российские политологи – политики «новой предсказуемости» идет при сохранении старой риторики и ранее действовавших институтов партнерства.

► Регион не должен позволять ни одному внешне-системному игроку быть более сильным. Задача действующих элит ЦАР и их преемников не довести политику одной страны к столкновению интересов того или иного внешне-системного игрока в регионе.

► Ранее отсутствие угрожающих внешних обстоятельств было основным препятствием для региональной интеграции. Вместе с тем интеграция в регионе в виду сложности внешнеполитической ситуации и разности внутриполитического контекста должна выстраиваться поэтапно, но в то же время в сжатые сроки. Интеграция стран региона отвечает интересам всех стран, и способна стать ответом на старые и новые вызовы и риски.

► В среднесрочной перспективе относительно весомой экономической ролью стран региона.

Центральная Азия в 2030 году: демографические вызовы и стратегии государств-партнеров

Артем ДАНКОВ

Кандидат исторических наук

Доцент кафедры мировой политики

Томского государственного университета

Несмотря на серьезные вызовы развитию в постсоветский период – экономический кризис, сложные межэтнические отношения, массовую эмиграцию и политическую нестабильность вплоть до гражданской войны – государства Центральной Азии оказались достаточно устойчивыми. Все они сохранили территориальную целостность, смогли интегрироваться в мировую экономику, справляются с бедностью, безработицей и другими вызовами. Однако на данный момент перед странами региона стоит целый комплекс серьезных социальных и экономических вызовов, который в литературе получил название – «Большая трансформация». Одним из ее важнейших элементов являются демографические изменения, которые меняют социальный, экономический и политический ландшафт Центральной Азии.

Среди основных итогов демографического развития Центральной Азии в постсоветский период стоит отметить следующее. Во-первых, в регионе происходит рост населения. За 25 лет с момента распада Советского Союза население региона выросло почти на 40 %, с 48,6 млн. чел. в 1989 г. до 67,8 млн. чел. в 2014 г. Самый большой прирост продемонстрировал Таджикистан (почти 65 %), а самый маленький – Казахстан (всего 5%).

Во-вторых, население Центральной Азии активно покидает пределы региона. Процесс начался с середины 70-х гг. XX в., а после распада Советского Союза приобрел обвальный характер. До начала 2000-х гг. «львиную долю» среди эмигрантов составляли представители этнических меньшинств. В основном уезжали «европейцы» (славяне, немцы и евреи). В результате этих процессов произошла фактическая «деевропеизация» целых городов и регионов. За последние 15 лет среди эмигрантов все большую долю стали занимать представители коренных этносов.

В-третьих, в регионе изменился этнический баланс. Во всех государствах Центральной Азии произошло значительное сокращение доли этнических меньшинств (в 1989 г. они составляли около 40% населения, а в 2014 - только 20% населения региона).

В-четвертых, рост населения Центральной Азии имеет крайне неравномерный характер. Быстро растут три типа регионов:

- столицы и крупные города (например, население Астаны за 25 лет выросло в 3 раза);
- традиционные аграрные районы, расположенные в долинах рек и плодородных оазисах;
- новые промышленные центры, связанные с отраслями, которые получили развитие за последние 25 лет, например, Мангистауская и Атырауская области, которые являются центрами нефтяной промышленности Казахстана.

Сокращается население в старых промышленных центрах и аграрных районах с преимущественно «европейским» населением.

В-пятых, в Центральной Азии продолжается процесс урбанизации. Доля городского населения за период 1989-2014 гг., несмотря на массовый отток горожан в 90-е гг. ХХ в, выросла с 44 % до 48 %. При этом численность городского населения увеличилась почти на 50 %.

В-шестых, Центральная Азия сталкивается с несоответствием уровня экономического развития и темпов роста населения. Более 60% населения сосредоточены в южных и юго-восточных районах. В то же время, более $\frac{2}{3}$ ВВП региона создаются в северных и северо-западных районах, где расположены основные месторождения углеводородов, руд черных и цветных металлов, а также основные промышленные предприятия, которые производят основные экспортные товары.

Наконец, население Центральной Азии очень молодое. Средний медиальный возраст населения по данным ООН в 2010 году колебался от 21,2 лет в Таджикистане до 28,9 лет в Казахстане.

С демографическими изменениями в Центральной Азии связан целый ряд социальных и политических проблем:

1. Неравномерность социально-экономического развития порождает проблему занятости. В условиях падения спроса на основные экспортные товары региона (сырье и рабочую силу) проблема занятости населения будет все более актуальной;
2. Активная миграция населения без индустриального развития создает проблему «ложной урбанизации». Она препятствует формированию устойчивых городских сообществ и негативно влияет на развитие городов;
3. Эмиграция активной и квалифицированной части населения снижает качество человеческого капитала. Это ещё более усложняет модернизацию государств Центральной Азии;
4. Высокая доля молодежи создает проблемы, связанные с идентичностью (идеология, религиозная и национальная идентичность, историческая память и т.д.).

На период до 2030 года стоит ожидать развитие следующих процессов:

- Замедление темпов роста населения по причине урбанизации, оттока молодежи и смены репродуктивных установок;
- Более 2/3 населения государств Центральной Азии будут составлять люди, родившиеся после распада Советского Союза;
- В условиях ухудшения социально-экономической ситуации стоит ожидать продолжения эмиграции и завершения «деевропеизации» большей части региона;
- Обострение проблемы этнических меньшинств. В результате ухудшения социально-экономической обстановки давление на меньшинства усилятся;
- Сохранение больших масштабов внутренней и внешней миграции;
- Продолжение урбанизации, которая в основном будет происходить за счет роста крупных городов. К 2025 году в Центральной Азии будет 7 городов с населением более 1 млн. чел.;
- Изменение вектора внешней миграции с постсоветского пространства на Европу, Турцию и страны Персидского залива.

Страны-партнеры должны учитывать демографические изменения в Центральной Азии, которые меняют социальный и политический ландшафт региона. Игнорирование этих процессов значительно снижает эффективность политических и экономических стратегий.

Центральная Азия в 2030 году: демографические вызовы и стратегии государств-партнеров

Данков Артем Георгиевич
Кандидат исторических наук

Артем ДАНКОВ

Введение

- ▲ Несмотря на серьезные вызовы развитию в постсоветский период - экономический кризис, сложные межэтнические отношения, массовую эмиграцию и политическую нестабильность вплоть до гражданской войны - государства Центральной Азии оказались достаточно устойчивыми. Все они сохранили территориальную целостность и справляются с бедностью, безработицей и другими вызовами.
- ▲ На данный момент все страны региона проходят сложный период социальных и экономических изменений – «Большую трансформацию».
- ▲ Одним из важнейших элементов «Большой демографические трансформации» являются изменения, которые меняют социо-культурный, экономический и политический ландшафт Центральной Азии.

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

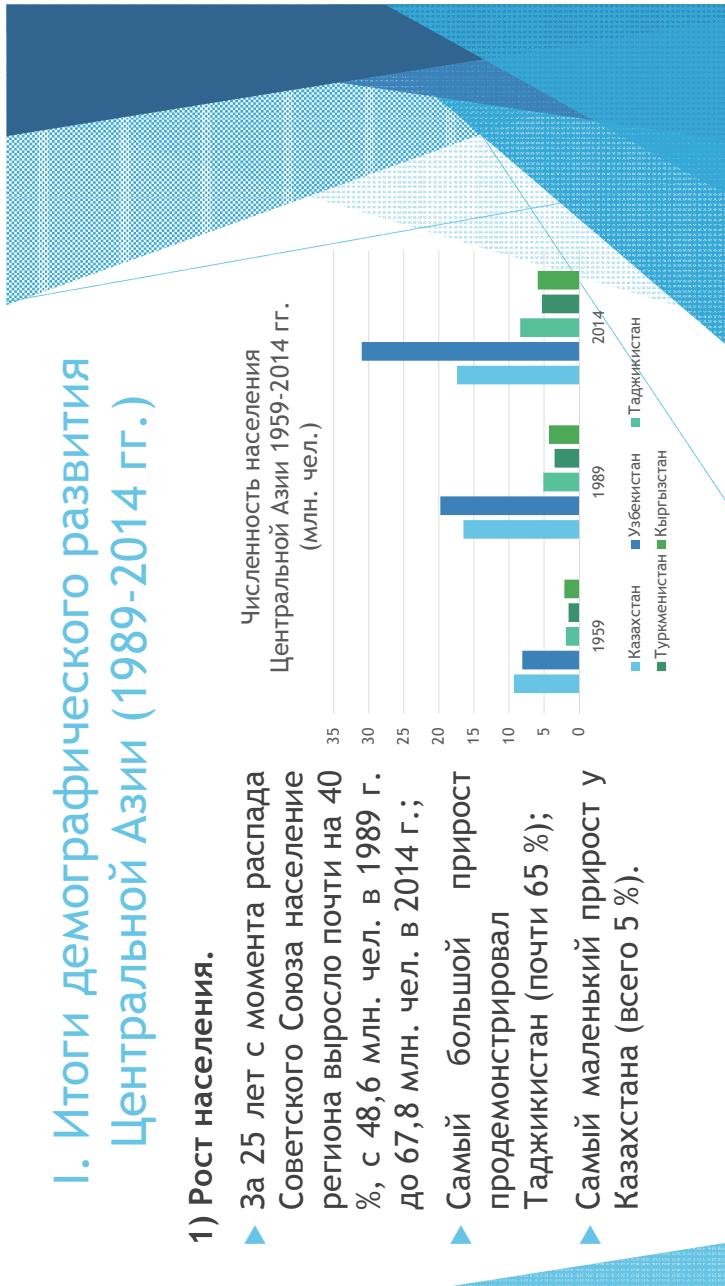
1) Рост населения.

- Численность населения Центральной Азии 1959-2014 гг. (млн. чел.)

Год	Казахстан	Таджикистан	Узбекистан
1959	35	30	25
1989	48,6	25	20
2014	67,8	15	10

За 25 лет с момента распада Советского Союза население региона выросло почти на 40 %, с 48,6 млн. чел. в 1989 г. До 67,8 млн. чел. в 2014 г.;

Самый большой прирост продемонстрировал Таджикистан (почти 65 %); Самый маленький прирост у Казахстана (всего 5 %).

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

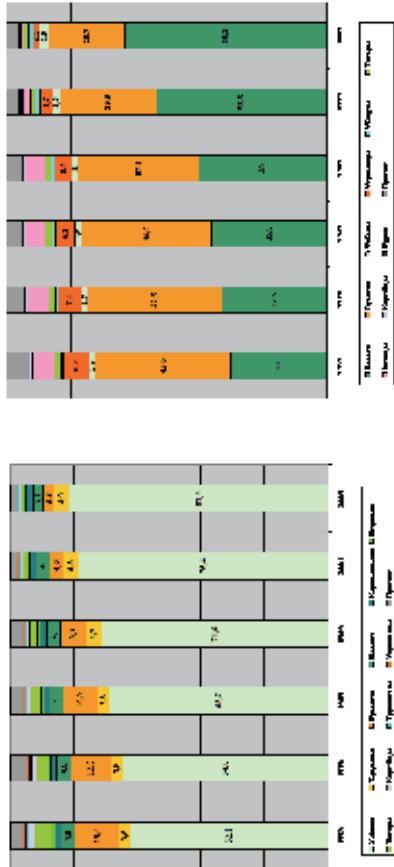
2) Эмиграция. С середины 70-х гг. ХХ в. начался отток населения из Центральной Азии.

▲ До начала 2000-х гг. «львиную долю» среди эмигрантов составляли представители этнических меньшинств. В основном уезжали «европейцы» (славяне, немцы, евреи). Произошла «деевропеизация» целых городов и регионов.

▲ Последние 15 лет среди эмигрантов все большую долю занимают представители коренных этносов.

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

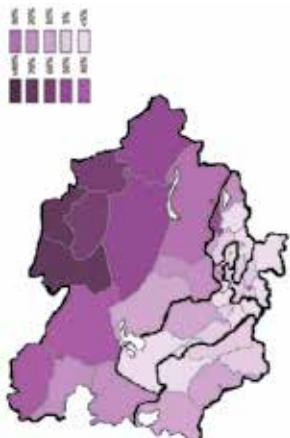
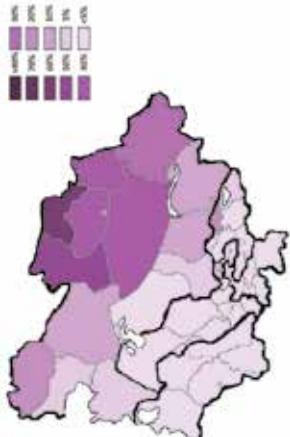
3) Изменение этнического баланса. Сокращение доли меньшинств.
 Национальный состав населения Казахстана 1959-2009 гг.
 Национальный состав населения Узбекистана 1959-2009 гг.

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

Распределение «европейцев» по
регионам Центральной Азии в
1989 году.

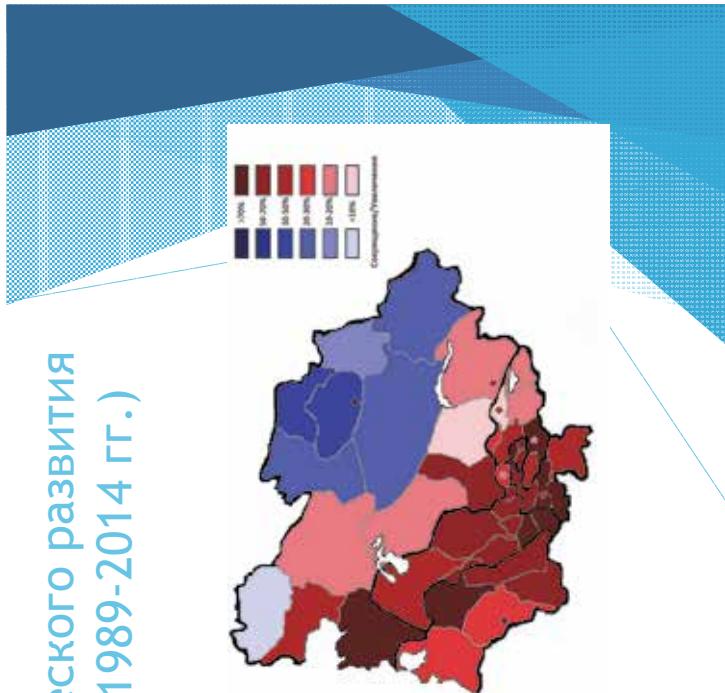
Распределение «европейцев» по
регионам Центральной Азии в
2014 году.

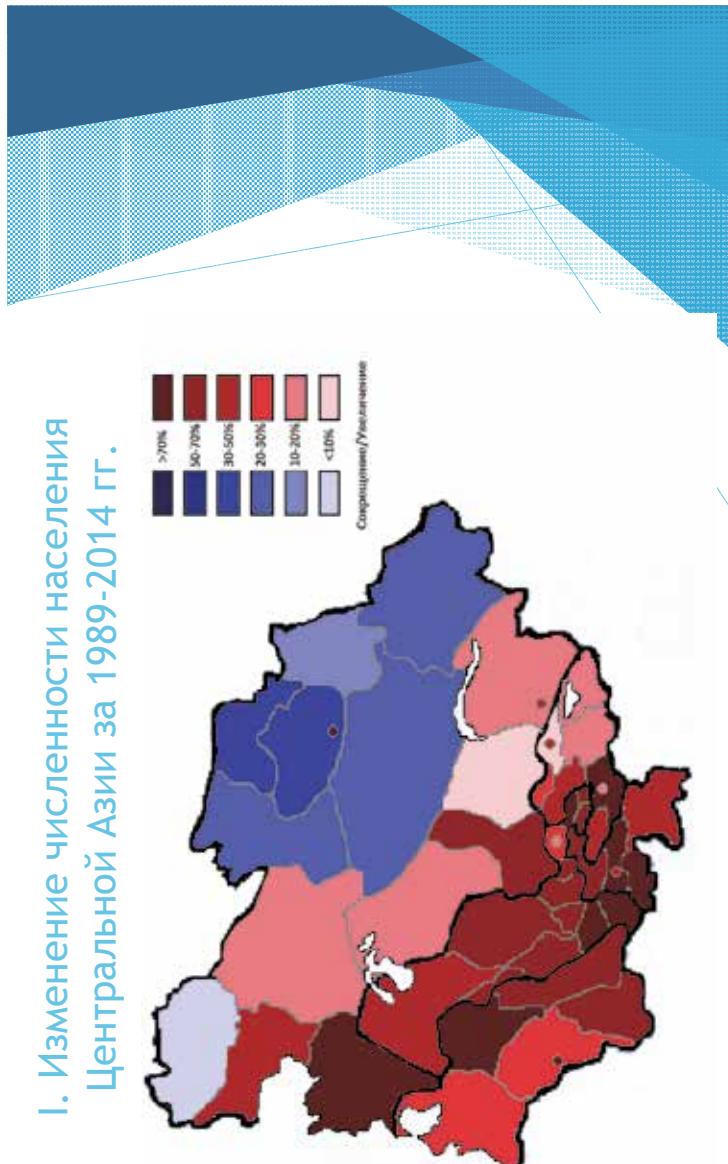
1. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

4) Рост населения имеет крайне неравномерный характер.

- Быстро растут три типа регионов:
 - Крупные города (население Астаны за 25 лет выросло в 3 раза);
 - Традиционные аграрные районы, расположенные в долинах рек и плодородных оазисах;
 - Новые промышленные центры (Мангистауская область).
 - Сокращается население в старых промышленных центрах и аграрных районах с преимуществом «европейским» населением.

I. Изменение численности населения Центральной Азии за 1989-2014 гг.

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

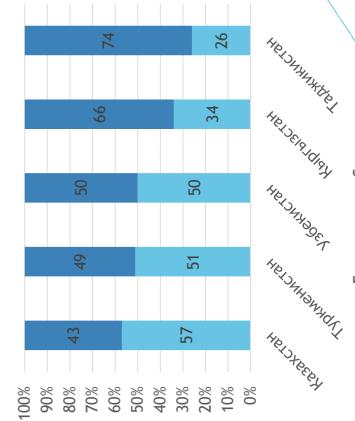
5) Урбанизация

▲ Доля городского населения за период 1989-2014 гг. выросла с 44 % до 48 %.

▲ Численность городского населения за 25 лет увеличилась почти на 50 %.

▲ Население крупных городов выросло в 1,5 - 2 раза.

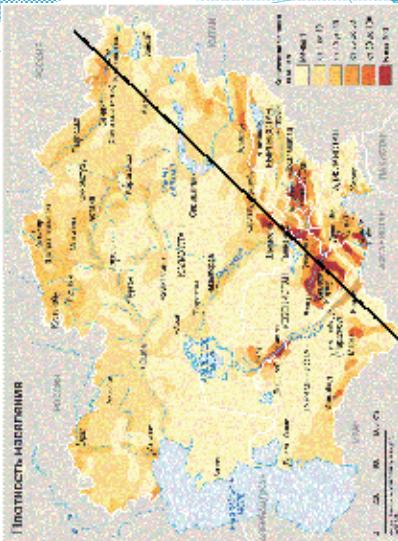
Доля городского и сельского населения в странах Центральной Азии (2015 г.)

I. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

6) Несоответствие уровня
экономического развития
и темпов роста
населения.

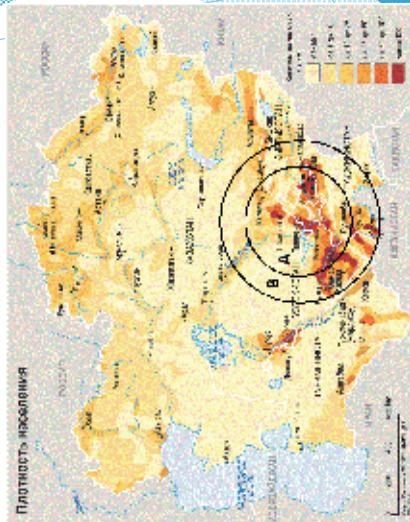
- ▲ «Линия неравенства»;
- ▲ К северо-западу от нее
сосредоточено более 60
% ВВП региона;
- ▲ К юго-востоку - более 60
% населения.

1. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

7) Концентрация населения.

- ▲ 80% населения сосредоточено в речных долинах и плодородных сазисах;
- ▲ В радиусе 300 км. от Ташкента (круг А) проживает почти половина населения Центральной Азии;
- ▲ В радиусе 500 км. от Ташкента (круг В) сосредоточено 2/3 населения региона.

1. Итоги демографического развития Центральной Азии (1989-2014 гг.)

8) Молодая структура населения Центральной Азии.

Средний медиальный возраст населения (лет):

▲ Казахстан - 28,9

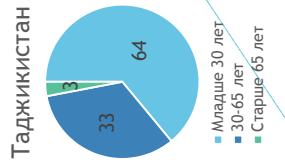
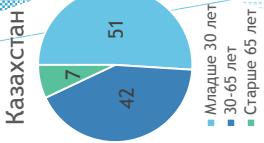
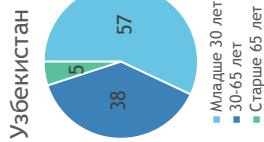
▲ Кыргызстан - 23,8

▲ Узбекистан - 24,1

▲ Туркменистан - 24,5

▲ Таджикистан - 21,2

Источник: данные ООН, 2010 г.

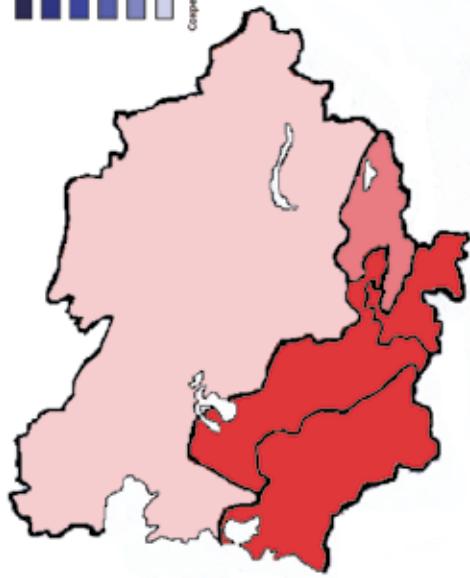
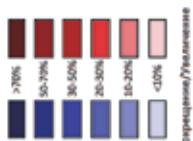

II. Проблемы развития Центральной Азии связанные с демографическими изменениями

- Неравномерность социально-экономического развития порождает проблему занятости;
- Активная миграция населения без индустриального развития создает проблему «ложной урбанизации»;
- Эмиграция активной и квалифицированной части населения снижает качество человеческого капитала;
- Высокая доля молодежи создает проблемы, связанные с идентичностью (идеология, религиозная и национальная идентичность, историческая память и т.д.).

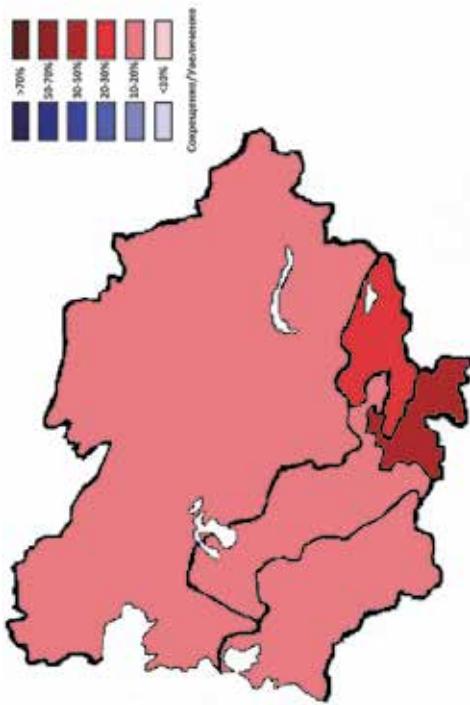
III. Демографические прогнозы на период до 2030 года.

Прогноз Берлинского института населения и развития (2011)

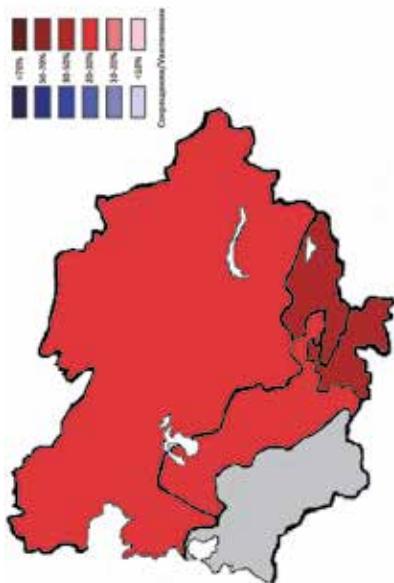

III. Демографические прогнозы на период до 2030 года.

Прогноз Организации Объединенных Наций (2015)

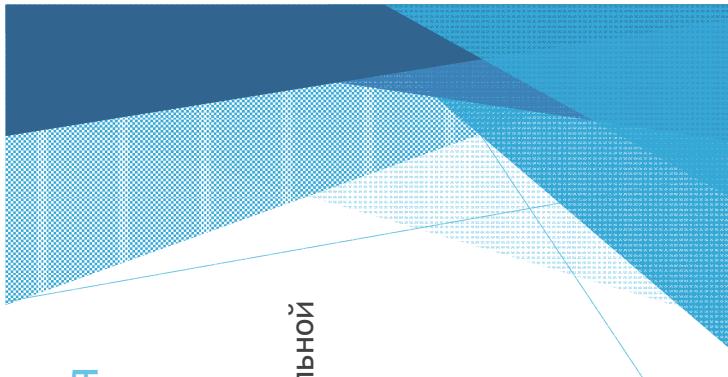

III. Демографические прогнозы на период до 2030 года.

IV. Демографические тренды в Центральной Азии до 2030 года.

- ▲ Замедление темпов роста населения;
- ▲ Более 2/3 населения государств Центральной Азии будут составлять люди, родившиеся после распада Советского Союза;
- ▲ Продолжение эмиграции и завершение «деевропеизации» большей части региона;
- ▲ Обострение проблемы этнических меньшинств. В результате ухудшения социально-экономической обстановки давление на меньшинства усиливается;
- ▲ Сохранение больших масштабов внутренней и внешней миграции;
- ▲ Урбанизация. В основном за счет роста крупных городов. К 2025 году - 7 городов-миллионеров;
- ▲ Изменение вектора внешней миграции с постсоветского пространства на Европу, Турцию и страны Персидского залива.

V. Проблемы, с которыми придется иметь дело через 10 лет.

- ▲ Социальная напряженность (фавелы);
- ▲ Проблема кадров на этапе «смены поколений» в экономической и политической жизни стран Центральной Азии;
- ▲ Проблема формирования новых идеологических подходов.

Китай играет важную роль в стабилизации ЦАР

Хань ЛУ

Старший научный сотрудник института Евразии
Китайской академии международных проблем

Уважаемые участники конференции!

Следует отметить, что с 2013 года стабильной является ситуация безопасности ЦАР. В этом регионе количество терактов заметно сократилось. Например, в последние годы в Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане не произошли страшные террористические акты, это благодаря тому, что правительства стран ЦАР усилили борьбу с терроризмом и приняли меры по предупреждению терроризма. В частности, правительства Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана приняли новые антитеррористические законы и распространяли позитивные религиозные материалы в стране. В качестве примера Казахстан, в 2012 году был открыт сайт по антитерроризму, в цель представления характеристик и опасности религиозного экстремизма. С 2012 по 2014 ни одного теракта не заметило в республике, но 33 возможных терактов заранее остановили. Кроме того, с 2013 года в регионе ЦАР не произошли массовые беспорядки, как событие в Жанаозене. Масштабы и количество митингов также значительно сократились. В 2013 году в Киргизии прошло 782 митинга, в 2014 году количество митингов уже сократилось в 2 раза.

Но в этом регионе еще существуется ряд вызовов для безопасности.

Первый вызов, передача власти. Обеспечение процесса нормальной передачи власти преемнику имеет очень важное значение для сохранения стабильности стран. До сих пор в Казахстане и Узбекистане не сформирована система передачи власти. Когда процесс передачи не идет успешно, трудно представить его вредное влияние.

108 Второй вызов, сила «трех зол» по-прежнему являются крупнейшими нетрадиционными угрозами для безопасности в регионе. Хотя в последние годы «тройная сила» относительно спокойна, но распространение идеологии экстремизма и терроризма, вербовки молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность продолжаются.

Хань ЛУ

На сегодняшний день «исламское государство» также влияет на ЦАР посредством распространения пропагандистских материалов и вербовкой моджахедов ЦАР. На сегодняшний день, количество участников в ИГ или боевиков в Сирии из стран Центральной Азии уже достигло 1500 человек. 4 сентября 2015 года в Душанбе и городе Ваздате произошли вооруженные нападения, за которыми стоит бывший замминистра обороны Таджикистана. В результате этого конфликта погибли от 17 до 33 сотрудников МВД и Минобороны Таджикистана. Это показало то, что угроза радикальных исламистов возросла.

Третий вызов, споры о водных проблемах. Споры за воду даже тормозили развитие стран Центральной Азии. В последние годы произошли конфликты между Узбекистаном и Таджикистаном в результате спор за водные ресурсы.

Четвертый вызов, Афганская проблема еще остается важнейшей угрозой для безопасности ЦАР. В частности, распространение идеологии экстремизма, активная террористическая деятельность вблизи границ ЦАР и незаконный оборот наркотиков. С лета 2014 года афганские талибы совершили серию нападений пограничного поста на границе между Афганистаном и Туркменистаном. Кроме того, Афганистан превращается в крупнейшего мирового производителя наркотиков. Примерно 80% наркотиков, производимых в Афганистане, попадают на внешние рынки через Таджикистан.

Пятый вызов, борьба между великими державами. США и Россия стремятся к своим собственным интересам в ЦАР. Конкуренция между ними больше сотрудничества. Наряду с тем, что Россия продвигает свою ведущую региональную интеграцию, микро-баланс между США и Россией может быть нарушен.

Как известно, ЦА представляет собой территории, лежащие в пределах западной части Китая. Политическая стабильность в ЦАР представляет благоприятную внешнюю обстановку для развития западной части Китая. Сила «трех зол» - это Китай и страны Центральной Азии, которые сталкиваются с общими угрозами. Таким образом, как в рамках ШОС, так и в рамках двусторонних отношений, Китай усиливает взаимодействия с государствами региона в сфере безопасности.

В рамках ШОС, в 2007 году государства-члены ШОС подписали «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС», который заложили

правовую основу для долгосрочной стабильности в ЦА, а также представили четкие политические предпосылки для более активного и широкого сотрудничества в области безопасности. В рамках ШОС Китай содействует укреплению многостороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом. В 2009 году на саммите ШОС в Екатеринбурге была подписана «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма». В 2015 году на саммите ШОС в Уфе подписали соглашение о сотрудничестве по пограничным вопросам. Вышесказанные документы создают возможности для углубления сотрудничества безопасности в этом регионе. Кроме того, В последние годы Китай все более активно сотрудничает с государствами ЦА в рамках Региональной Антитеррористической Структуры (РАТС) ШОС. Заметно увеличилось количество проводимых совместных мероприятий с участием Китая. И регулярно проходит совместное военное антитеррористическое учение «мирная миссия», которое сильно устрашает террористов в регионе.

В рамках двусторонних отношений, лидеры Китая и стран Центральной Азии подписали двусторонние договоры об ударе сил «трех зол». Двусторонние правоохранительные органы укрепляют практическое сотрудничество в областях антитерроризма и борьбы с наркотрафиком. Между Китаем и Кыргызстаном был создан механизм пограничного совместного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Кроме того, Китай постоянно оказывает странам региона военную помощь. В частности, поставки в страны Центральной Азии некоторых палаток, автомобилей, компьютеров и офисной техники и другого военного имущества. В Китае проводятся многие программы подготовки офицеров из стран Центральной Азии.

Как представляется, для обеспечения долгосрочной стабильности в регионе, Китаю целесообразно сделать основной акцент на выстраивании механизмов многопланового и взаимовыгодного экономического сотрудничества с государствами Центральной Азии, в частности, в области энергии, инфраструктуры, добычи полезных ископаемых, и т.д.

Безусловно, с учетом нынешних вызовов из ИГ и других экстремистских организаций, Китай и страны Центральной Азии следуют дальнейшему углублению взаимодействия в области безопасности.

Во-первых, формирование взаимного политического понимания по безопасному сотрудничеству.

Во-вторых, необходимо расширить практическое взаимодействие в области обмена информации по антитеррористической проблематике. При условии создания единой антитеррористической базы данных РАТС ШОС продолжается двустороннее сотрудничество правоохранительных ведомств соответствующих государств, и совершенствуется система раннего предупреждения.

В-третьих, укрепление сотрудничества в борьбе с наркотиками. Китай может предоставлять технические оборудование и готовить персонал в таких областях. В то же время, Китай и страны ЦА должны поддерживать антинаркотическую работу РАТС ШОС, постепенно создавая платформу для обмена информацией по антинаркотикам.

В-четвертых, углубление сотрудничества по сетевой безопасности. Страны должны обмениваться информацией в сферах законодательства, технологии мониторинга и предотвращения кибер-атак.

Спасибо за внимание!

Институт «Восток–Запад» вновь на связи с Афганистаном: размышления о региональном экономическом потенциале Афганистана

Джеймс Л. КРЕЙТОН

Заслуженный член

Американского института «Восток–Запад»

В 2015 году «Талибан» добился успехов в Афганистане. Хотя это не было результатом совсем уж непредвиденной цепочки событий, успехи, достигнутые «Исламским государством» в стране, были во многом удивительными и неожиданными. Кроме того, начали проявляться экономические последствия вывода сил коалиции в 2014 году. Однако, несмотря на эти препятствия, среди афганского руководства сохраняется поразительный оптимизм. Оправдан ли этот оптимизм?

Новости из Афганистана по-прежнему пессимистичны. Бесчисленные проблемы, стоящие перед страной, нарастили, в то время как Афганские национальные силы безопасности (АНСБ) вели ожесточенную боевую кампанию. Несмотря на эти чрезвычайно сложные проблемы, президент Ашраф Гани сохраняет позитивное видение будущего Афганистана. На первый взгляд это могло бы показаться парадоксальным, однако значительные благоприятные возможности для участия Афганистана в жизни региона могли бы способствовать плодотворному экономическому развитию. Участие в жизни региона позволило бы стране обратить себе на пользу успехи, достигнутые за последние 13 лет, и воспользоваться как ресурсами инфраструктуры, появившимися в результате наращивания сил коалиции, так и природными ресурсами, которые будут легкодоступны в ближайшем будущем. Концентрация усилий на том, что может быть сделано, при работе над достижением более смелых целей может быть одним из способов удерживать Афганистан на пути медленного, но позитивного развития.

Общим референом в международном сообществе звучит мысль, что афганцы научились обеспечивать свою собственную безопасность. Правда заключается в том, что в результате вывода сил коалиции в распоряжении АНСБ осталось меньше крайне необходимых боевых систем, на которые они привыкли рассчитывать, таких как непосредственная авиационная поддержка, медицинское обеспечение и разведывательные системы коалиции. Действия сухопутных войск в обороне в лучшем случае являются разрозненными. Однако, как показывают потеря Кундуза и последующее восстановление контроля над ним, армия действует намного успешнее, когда переходит в наступление. Полицейские силы подверглись суровому испытанию в Кабуле и, позже, в Кандагаре. В то время как способность «Талибана» совершать нападения в крупных городах породила бункерный менталитет, при котором руководители и иностранные представители почти не покидают жилые комплексы, обнесенные «техасской стеной», афганская национальная полиция смогла принять должные меры для восстановления порядка.

АНСБ еще далеки от того, чтобы стать в полной мере действенной боевой силой, однако достаточно эффективны, чтобы сдерживать угрозу со стороны «Талибана» и недавно появившегося ДАИШ («Исламского государства») в крупных городах и в большей части сельских районов.

Интересно отметить, что нападения со стороны «Талибана» не столь успешны, как могли бы быть. Это отчасти можно объяснить объявлением о смерти его давнего лидера муллы Омара, что привело к междоусобице и борьбе за руководящие позиции в организации. Однако нападения, которые имели место, или, точнее говоря, политический сигнал, посланный этими нападениями, были достаточно мощными, чтобы привести к возрастанию оттока капитала и «утечки мозгов». Несомненно, сокращение этих жизненно важных компонентов роста вредит экономическому восстановлению.

Бесконтрольное расширение торговли наркотиками по-прежнему обеспечивает финансирование деятельности «Талибана», уничтожая местные общины и препятствуя усилиям по укреплению доверия в отношениях с соседними странами. Многолетнее воздействие культивирования опийного мака на сферы национального здравоохранения, образования и общественного устройства затрудняет закономерный экономический рост в долгосрочной перспективе.

Союзники и соседи Афганистана на словах поддержали идею создания сильного Афганистана, однако за этими обещаниями зачастую не следовали действия. В апреле 2015 года Пакистан проявлял вполне определенное намерение оказывать полную поддержку, однако к сентябрю 2015 года зарождающееся сотрудничество сошло на “нет” из-за сохранившегося недоверия и взаимных обвинений в поддержке боевиков. Хотя Пакистан ведет беспощадную войну со своими «собственными» талибами, он так и не занял более решительную позицию по отношению к афганским талибам, которые находят убежище на пакистанской земле. Иран тоже твердо намерен иметь в качестве соседа стабильный Афганистан, однако осуждается за перестраховку своих действий – поддержку как правительство Гани, так и лидеров «Талибана» на севере и западе страны. Центральноазиатские страны хотят иметь мирного южного соседа, однако не выделяют ресурсов для инвестиций в Афганистане и, хуже того, отказываются признать, что для противодействия исламскому экстремизму необходимо трансграничное сотрудничество. Противоречивые сигналы поступают из Китая; хотя во время визита Гани в Пекин в ноябре 2014 года было заявлено о «долгосрочном партнерстве», в последнем варианте концепции нового Шелкового пути председателя Си Цзиньпина («Один пояс, один путь», или ОПОП) предполагается обход Афганистана с севера (и использование главным образом Пакистана в качестве коридора для выхода к морю).

Соединенные Штаты и их союзники обязались расширить свою военную поддержку, но только после длительных переговоров. Нестабильный характер ограниченного обязательства США и НАТО негативно сказывается на способности президента Гани вызывать доверие в ближайшей перспективе и демонстрировать наличие концепции в долгосрочной перспективе. Отсутствие в регионе полноценной приверженности процветанию Афганистана в сочетании с ненадежной поддержкой извне едва ли станет катализатором быстрого развития.

Это же относится к медленному внутреннему процессу развития и отсутствию надлежащего управления. Для утверждения кабинета министров потребовалось более года, а парламентские выборы проходили с многочисленными задержками. Несспособность быстро назначить утвержденных руководителей правительства помешала разработке и осуществлению последовательной политики. Непосредственной задачей было достижение политического и межплеменного равновесия посредством координации действий президента и премьер-министра Абдуллы Абдуллы в целях

укрепления правительства национального единства при решительной борьбе с коррупцией на всех уровнях. Правительство в настоящее время быстро продвигается к консолидации и назначило несколько новых, молодых, образованных и энергичных специалистов, чтобы положить начало процессу повышения эффективности во многих наиболее важных министерствах.

В результате афганское правительство вынуждено бороться с краткосрочными внутренними конфликтами, а также вести бои с внешними врагами – «Талибаном» и ДАИШ. В то же время оно должно стремиться заручиться поддержкой со стороны своих соседей и союзников. Однако даже при наличии множества серьезных проблем президент Гани не забывает о необходимости обеспечить позитивное будущее Афганистана в долгосрочной перспективе. Он утверждает, что для долгосрочного процветания крайне важна региональная стратегия экономического роста. Президент подчеркивает необходимость обратить себе на пользу имеющуюся инфраструктуру, ресурсы и потенциал наиболее образованной молодежи.

Афганское правительство ищет нестандартные пути привлечения капитала для финансирования важнейших уже запланированных и утвержденных проектов, в том числе, реформы законодательства и политики по вопросам собственности на землю, необходимых для предоставления обеспечения по займам, совершенствования законов о банковской деятельности и повышения доверия к банковской системе, а также укрепления потенциала сбережений и заимствования. В настоящее время переговоры об изменении условий действующих контрактов с целью обеспечения их совместимости со стандартами местного рынка высвободили капитал для других проектов и создали условия для более эффективного завершения проектов. Правительство также работает над уменьшением оттока капитала посредством улучшения инвестиционного климата. Предпринимаются усилия по изучению использования государственно-частных партнерств с целью оказания компаниям помощи в получении прибыли при удовлетворении потребности в основных объектах инфраструктуры. Все эти меры означают признание того, что для обеспечения завершения проектов необходим капитал. Свертывание операций коалиции и ослабление поддержки в виде иностранных инвестиций привели к активизации этих усилий.

Афганистан признает, что не имеет потенциала для самостоятельного роста. Для успеха в долгосрочной перспективе жизненно необходимы региональное сотрудничество и поддержка союзников. Правительство проводит политику использования благоприятных возможностей, которые могут быть быстро реализованы, но при этом продолжает работу над укреплением доверия и преодолением исторически сложившихся препятствий. Благодаря поддерживаемым в последнее время регулярным контактам правительства с Туркменистаном и Таджикистаном достигнуты успехи в реализации как проекта строительства трубопровода ТАПИ, так и проекта CASA-1000 из пунктов на севере, где они берут начало, по мере продолжения работы над преодолением препятствий в процессе осуществления проектов с Пакистаном. С учетом сохраняющихся проблем с точки зрения улучшения торговли и перевозок через Пакистан в Карачи, Афганистан резко увеличил поток товаров через Иран и Туркменистан. Членство во Всемирной торговой организации и других региональных и глобальных организациях поможет повысить уровень доверия к способности Афганистана стать успешным экономическим партнером.

Учет наличия существующей инфраструктуры, ресурсов и потенциала будет способствовать созданию возможностей для роста в ближайшей перспективе. Тысячи миль дорог, построенных за последние 13 лет, хоть и не идеальных, служат базовой сетью, необходимой для использования тысяч грузовиков, простояющих после вывода сил коалиции. Аналогичным образом, аэродромы, мощности строительного комплекса, цементные заводы и другие оставшиеся объекты материально-технической инфраструктуры открывают возможности для предпринимателей. Имея обширные запасы нефти, газа и других полезных ископаемых, Афганистан готов к успехам в ближайшем будущем, при условии, если удастся снизить остроту проблем в области безопасности, а правительство сможет создать более эффективную деловую среду.

Искусство руководства основывается на способности решать краткосрочные проблемы при сохранении концентрации внимания на целях и задачах в долгосрочной перспективе. Президент Гани четко сформулировал стратегию достижения роста в долгосрочной перспективе при обеспечении преодоления мешающих ему многочисленных краткосрочных препятствий. Концепция более удачного решения, предполагающая наличие эффективного управления, которое использует экономические возможности и при этом завоевывает доверие населения, ставит разумную цель. Меры, связанные с усовершенствованием в области управления, образования, регионального

сотрудничества и укреплением доверия, а также с использованием легкодоступных ресурсов, определяют возможные способы реализации этой концепции в среднесрочном и долгосрочном перспективе. Средства, связанные с оставшимся после ухода коалиции потенциалом, природными и людскими ресурсами и целенаправленным поиском капитала, понятны, хотя и не легкодоступны.

Пока неясно, сможет ли президент Гани закрепить эту стратегию и побудить свой народ и региональное и международное сообщество поддержать ее. Есть ли у него силы донести свою концепцию и стратегию в стране до многочисленных племенных, религиозных и политических групп, а также до международного сообщества? Он во многом взял эту миссию на себя, и неясно, есть ли у его правительства потенциал и воля, чтобы разделить с ним эту миссию и двигаться вперед к реализации его замысла. Региональная вражда по-прежнему является камнем преткновения, препятствует как двустороннему, так и многостороннему сотрудничеству, необходимому для достижения целей Афганистана. Процветание Афганистана в перспективе будет связано со стратегией президента Гани; вопрос в том, сможет ли он обеспечить импульс, необходимый для реализации своего замысла, и окажет ли международное сообщество поддержку в этот решающий момент.

Тюркский совет как позитивная организация в центре Евразии

Али Ресул УСУЛ

**Директор центра стратегических исследований
Министерства иностранных дел Республики Турции**

Я собираюсь обсудить роль Тюркского совета как международной организации нового типа в Евразии, оказывающей положительное влияние на Центральную Азию. Во-первых, я кратко остановлюсь на характере Тюркского совета как нового субъекта, играющего активную роль в Евразии, а затем перейду к рассмотрению позитивной роли и повестки дня Совета как организации, обеспечивающей безопасность и стабильность в регионе и в условиях международной обстановки, в которой политическая напряженность достигла высокого уровня и продолжает расти. Политический кризис на Ближнем Востоке и на Украине и в Крыму и появление ИГИЛ как новой формы международного субъекта, применяющего насилие, привели к осложнению геополитического будущего Евразии. Я лично считаю, что геополитическое будущее Евразии будет зависеть от пяти основных переменных: пересмотра Америкой оценки Евразии в рамках общей глобальной политики, следующего шага Китая в регионе, китайско-российских отношений в регионе, будущего политической напряженности между НАТО и Россией после украинского кризиса и, наконец, возможностей и способности европейских стран резко расширить многостороннее сотрудничество и взаимодействие. Тюркский совет мог бы играть позитивную роль в укреплении взаимного доверия на уровне, как элит, так и населения в качестве механизма умиротворения в этой быстро ухудшающейся политической обстановке.

Совет тюркоязычных государств, который теперь называется Тюркским советом,
¹¹⁸ *Türk Keneși*, в своем первоначальном виде – это новая международная зонтичная организация, официальными членами которой являются Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция. Туркменистан объявил о своем нейтралитете в международной

политике и поэтому не вступает ни в один международный орган. Однако президент Туркменистана несколько раз участвовал в работе Совета в качестве особого гостя. Конечно, Совет будет неполон без участия Узбекистана. Мы с нетерпением ждем возобновления участия Узбекистана в Совете в ближайшем будущем.

Совет, по сути, является более высокоуровневой структурой встреч на высшем уровне тюркоязычных стран, которые провели первую такую встречу в 1992 году сразу после распада Советского Союза. До институционализации процессов встреч на высшем уровне состоялось 10 таких встреч. Совет сотрудничества тюркоязычных государств был официально создан в 2009 году с подписанием Нахичеванского соглашения в Азербайджане. Помимо Совета, существует несколько аффилированных организаций, тесно сотрудничающих с Тюркским советом, например ТЮРКПА, Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Тюркской, Международной организации тюркской культуры, Тюркский деловой совет, Международная тюркская академия и Фонд тюркской культуры и наследия.

Тюркский совет представляет собой новый тип, или поколение, международной организации, который имеет большее отношение к экономике и культуре, чем к высокой политике. Иными словами, основной силой, объединяющей эти страны, является общее культурное наследие. С этой точки зрения, эти новые поколения региональных или международных организаций носят иной характер, чем политические организации времен холодной войны. Однако это не означает, что у этих организаций нового типа нет никакой политической повестки дня. Главное здесь в том, что политические проблемы не являются принципиальной основой организации.

Например, темой последней встречи на высшем уровне в рамках Совета, состоявшейся в Астане 11 сентября, было сотрудничество в области информации. На передний план выходит расширение сотрудничества в области средств массовой информации и создание совместного международного тюркского телевидения.

Когда государства расширяют сотрудничество на региональном или международном уровне, их политика со временем может сближаться. Например, если мы посмотрим на результаты голосования членов Совета на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, мы увидим, что результаты голосования совпадают в большей степени, чем раньше.

До настоящего времени Совет собирался пять раз, а приоритетными областями для стран-членов были торговля и экономические отношения между государствами-членами, расширение сотрудничества по вопросам образования, культуры и науки, улучшения в сфере транспорта и связи и развитие туризма между государствами-членами.

Что касается политики Совета по вопросам улучшения транспорта и взаимной связи на уровне региона, одним из важных пунктов повестки дня является возрождение исторического Шелкового пути. Совет рассматривает проекты, связанные с Шелковым путем, в качестве основы регионального экономического сотрудничества и интеграции. Совет играет важную роль с точки зрения расширения сотрудничества в области поставок энергии и энергоносителей. Проекты сооружения нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум были реализованы с участием только членов Совета.

Аналогичным образом, помимо встречи министров транспорта государств-членов, регулярно проводятся встречи соответствующих таможенных органов с целью упрощения процедур национальных таможенных служб, что очень важно для бесперебойных и прочных торговых связей между странами-членами. Жизненно важную роль в этой связи играют порты, и расширение сотрудничества между портами в государствах-членах является одним из краеугольных камней в этом отношении. В качестве примера этого сотрудничества могут служить отношения побратимов между портами Актау, Баку и Самсун.

Туризм служит очень важным стимулирующим фактором, как для экономического развития, так и для транснациональных перевозок между странами-членами. Турецкий совет инициирует проект совместных туристических пакетов на основе современного Шелкового пути и тесно сотрудничает с Всемирной туристской организацией ООН в целях возрождения этого пути в качестве привлекательного туристического маршрута.

Единые, общие культура, история и корни служат прочным основанием для сотрудничества по культурным вопросам и мероприятиям. Например, в прошлом году в Кыргызстане прошли первые Всемирные игры кочевников.

Одним из очень важных фактов для Совета является то, что Совет не конкурирует с другими евразийскими интеграционными проектами. Иными словами, Совет не

рассматривает другие региональные интеграционные проекты в Евразии в качестве конкурирующих проектов или инициатив. Вместо яростной конкуренции между различными вариантами регионального интеграционного проекта в этом регионе возможно более широкое сотрудничество. Сотрудничество между Тюркским советом и другими евразийскими региональными организациями вполне возможно, и об этом также заявляли руководители государств-членов. Например, президент Казахстана г-н Нурсултан Назарбаев подчеркнул в прошлом году тот факт, что между Тюркским советом и другими евразийскими региональными организациями, такими как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности, нет никакого соперничества и противоречий.

Что все это значит в нынешнем контексте евразийской и международной политики? Тюркские государства имеют население около 150 млн. человек и занимают площадь более 4,5 млн. км² при совокупном ВВП, превышающем 1,3 трлн. долл. США, что ставит их, вместе взятых, на 13-е место в мире. Тюркский совет, который, конечно, пока не представляет весь тюркский мир, начал играть важную роль в центре Евразии. Это особенно важно, если учесть недавние растущие проблемы во всей Евразии.

Таким образом, мы видим, что Тюркский совет имеет благотворный характер. У него нет никакого грандиозного плана или проектов. Все проекты рациональны, разумны и могут внести вклад в обеспечение экономической и политической стабильности, сотрудничества и безопасности в регионе. Совет является полезной организацией и не создан в качестве соперничающей организации в противовес любым другим инициативам. Он внесет позитивный вклад в укрепление политической стабильности и региональной безопасности посредством более широкой экономической интеграции между своими членами и другими государствами и организациями в регионе. Вы увидите, что члены Совета, в высшей степени, готовы связать Совет с проектами возрождения Великого шелкового пути и другими региональными инициативами. Расширение переходной деятельности посредством туризма, образования может привести к укреплению доверия и понимания между странами региона.

Другим вопросом, имеющим отношение к Тюркскому совету, является тот факт, что, хотя Тюркский совет основывается на общих культурных и лингвистических связях народов региона, Совет не является этническим клубом и носит инклюзивный характер, будучи открытым для всех и отвергая отрицательский и местнический подход.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

на семинаре «Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии»

Аскар ЕРКИНОВ

Эксперт

**Исполнительного комитета региональной антитеррористической структуры
Шанхайской организации сотрудничества**

Уважаемые участники семинара!

Прежде всего, позвольте мне от имени руководства Исполнительного комитета региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества выразить благодарность Региональному центру ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии за приглашение принять участие в данном мероприятии и отметить высокий уровень его организации.

Анализ складывающейся международной обстановки свидетельствует о значительном увеличении угроз со стороны террористических организаций для безопасности и развития всего мирового сообщества, в том числе стран Центральной Азии. Транснациональный характер терроризма диктует необходимость в консолидации усилий в борьбе с терроризмом и экстремизмом, как на международном, так и региональном уровнях.

Именно поэтому одной из основных задач Шанхайской организации сотрудничества является поддержание и укрепление мира, безопасности и стабильности в регионе Центральной Азии, в первую очередь, путем организации совместного противодействия силам «трех зол» - терроризму, сепаратизму и экстремизму.

В целях решения данных задач в июне 2002 года главами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества было подписано Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры, основными задачами которой является своевременное отслеживание оперативной обстановки и содействие координации и

взаимодействию компетентных органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В настоящее время принимаемые компетентными органами государств-членов ШОС меры показывают свою эффективность в обеспечении безопасности наших стран и стабильности в регионе. Однако, на фоне осложнения международной обстановки перед странами ШОС появляются новые вызовы и угрозы. Это,

Во-первых, активное использование силами «трех зол» сети Интернет для пропаганды своей идеологии, распространения технологии насилия-террористической деятельности, вербовки новых членов, что представляет серьёзную угрозу безопасности наших стран.

Во-вторых, обострение ситуации на Ближнем Востоке, в Южной Азии и других регионах оказывают влияние на безопасность в странах ШОС. Особенно необходимо выделить намерения выходцев из наших стран, принимающих участие за рубежом в боевых действиях на стороне различных международных организаций, по возвращению в свои страны для продолжения террористическо-подрывной деятельности.

В-третьих, силы «трех зол» используют существующие проблемы в социально-экономическом развитии наших стран для распространения недовольства и разжигания межнациональной розни и религиозной вражды в целях пополнения своих рядов и подрыва социальной стабильности в регионе.

В целях противодействия вышеуказанным угрозам, в рамках Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества усилено практическое сотрудничество между компетентными органами государств-членов Организации и налажено взаимодействие с профильными структурами государств-наблюдателей при ШОС по следующим направлениям:

1. Активное пресечение использования сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях.

Рабочей группой Исполнительного комитета РАТС ШОС во взаимодействии с компетентными органами государств-членов ШОС проводится мониторинг сети Интернет, в ходе которого осуществляется выявление и блокирование в странах

организации сайтов с пропагандой террористических идей таких террористических и экстремистских организаций, как «Исламское движение Туркестана», «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами», «Исламское движение Восточного Туркестана» и «Исламское государство».

На сегодняшний день экспертами выявлено 106 сайтов, более 3100 видеоматериалов, 320 аудиоматериалов, 8000 информационных статей о терроризме. В отношении 160 Интернет-ресурсов, пропагандирующих терроризм и религиозный экстремизм, применены меры по ограничению доступа и их запрещению, также в отношении ряда лиц приняты соответствующие меры в соответствии с законодательством государств-членов ШОС.

В целях обмена опытом и повышения уровня практического сотрудничества в данном направлении в октябре текущего года на территории Китайской Народной Республики проведено первое совместное штабное учение компетентных органов государств-членов ШОС по противодействию использованию сети Интернет в террористических, сепаратистских и экстремистских целях «Сямынь-2015».

2. В отношении участия граждан государств-членов ШОС в боевых действиях в Сирии, Ираке и других странах.

Исполнительным комитетом РАТС ШОС сформирован информационный массив в отношении лиц, которые, по данным компетентных органов государств-членов ШОС, выехали с территории их государств, для участия в вооруженных конфликтах на стороне террористических организаций, наложен регулярный обмен информацией между компетентными органами по данной тематике.

Кроме этого, ведется работа по ведению Единого розыскного реестра лиц, объявленных специальными службами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера.

Проводится пополнение банка данных РАТС ШОС о международных террористических, сепаратистских и экстремистских организациях. Так, в настоящее время на учете состоит 78 террористических и экстремистских организаций.

3. В целях обеспечения безопасности на границах, противодействия проникновению приверженцев «трех зол» на территории государств–членов ШОС, а также контрабандному перемещению оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и наркотических средств в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС создан механизм пограничного сотрудничества, в рамках которого ежегодно проводятся совместные пограничные операции и учения.

4. Активно развивается сотрудничество с государствами-наблюдателями при ШОС и международными организациями для обеспечения безопасности региона.

Шанхайская организация сотрудничества имеет уникальный состав и геополитический потенциал, что значительно расширяется географию и спектр мер по противодействию вызовам и угрозам со стороны международных террористических организаций. В рамках нашей организации Региональная антитеррористическая структура запустила механизм взаимодействия с наблюдателями и трижды провела научно-практическую конференцию по сотрудничеству в сфере противодействия международному терроризму и экстремизму между государствами-членами и государствами-наблюдателями при ШОС.

Наряду с этим, Региональная антитеррористическая структура принимает активное участие в международном антитеррористическом сотрудничестве под эгидой Организации Объединенных Наций. Так, налажено тесное взаимодействие с компетентными антитеррористическими структурами ООН и широкое сотрудничество с другими международными и региональными организациями для совместного поддержания международной безопасности.

Сегодня можно констатировать, что благодаря взаимодействию компетентных органов государств–членов ШОС удалось не только локализовать негативные процессы в регионе Центральной Азии, но и взять их под контроль. Вследствие чего ситуация на пространстве Шанхайской организации сотрудничества характеризуется стабильностью и прогнозируемостью, что способствует активизации интеграционных процессов, а также расширению социально-экономического и культурного сотрудничества, то есть решению тех задач, которые определены Хартсией Шанхайской организации сотрудничества.

В завершении своего выступления, учитывая представительный состав участников данного семинара, хотел бы выразить надежду на плодотворное сотрудничество в борьбе с новыми вызовами. Уверен, угрозы миру и стабильности, исходящие со стороны международных террористических организаций, могут быть нейтрализованы благодаря концентрации усилий различных институтов мирового сообщества.

Спасибо за внимание!

Справка на тему «Роль региональных организаций в контексте влияния внешних факторов на регион Центральной Азии»

Алмаз ИМАНГАЗИЕВ

Заместитель директора департамента интеграционных объединений
Министерства иностранных дел Кыргызской Республики

В настоящее время одним из ключевых вопросов, как для Кыргызской Республики, так и для стран региона, являются вопросы обеспечения региональной безопасности и стабильного развития.

Сегодня характер экстремистских угроз значительно меняется. Экстремистские и террористические организации, консолидировав свои силы на базе единой экстремистской идеологии, становятся мощными преступными структурами, имеющими широкую сеть своих единомышленников.

Нынешняя ситуация в ближневосточном регионе, раздираемом затяжными конфликтами и межконфессиональными столкновениями, является предметом особой обеспокоенности.

Крайнюю озабоченность вызывают стремительное распространение идеологии радикальных группировок, приближение их боевиков к границам Центральной Азии, а также нарастающая пропаганда и вербовка наших граждан в ряды наемников-террористов.

Появившаяся далеко от границ стран региона проблема может стать нашей общей проблемой.

Трагическим свидетельством тому являются недавние террористические атаки в Париже, а также террористический акт на борту российского пассажирского самолета, которые повлекли большое количество человеческих жертв.

Несмотря на продолжающуюся деструктивную деятельность, крайне радикальных террористических организаций в Ближнем востоке, наиболее острой в Центрально-азиатском регионе остается афганская проблематика.

Рост насилия и активизация в Афганистане радикальных исламистских сил представляют угрозу для всего Центрально-азиатского региона.

В данных условиях тесное международное взаимодействие является важнейшим элементом и решающим фактором эффективного проведения антитеррористической политики и сотрудничества.

Важную роль в обеспечении мира и безопасности в регионе играют как международные организации ООН, ОБСЕ, так и региональные организации - СНГ, ШОС и ОДКБ. Сотрудничество Кыргызской Республики в рамках этих организаций является одним из основных направлений внешнеполитической деятельности. Участие большинства государств региона в этих объединениях является важным условием для обеспечения мира и безопасности в Центральной Азии.

Значительный опыт координации антитеррористического сотрудничества в региональном формате, в том числе в организационной и правовой сферах, накоплен профильной структурой СНГ - Антитеррористическим центром. Выработка и реализация в масштабе СНГ программ по борьбе с терроризмом, проведение совместных учений, командно-штабных тренировок, интенсивные двусторонние и многосторонние контакты уже создали действующую «матрицу» взаимодействия государств СНГ, их спецслужб и правоохранительных органов в борьбе с терроризмом.

В Бишкеке функционирует Отделение Антитеррористического центра по Центрально-азиатскому региону, которое является постоянно действующим региональным структурным подразделением АТЦ СНГ, обеспечивающим координацию взаимодействия компетентных органов государств-участников СНГ (*Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан*) в области борьбы с терроризмом и иными насильтственными проявлениями экстремизма.

Основным документом, определяющим спектр задач для АТЦ СНГ, является Программа сотрудничества государств-участников Содружества в борьбе с терроризмом и иными насильтственными проявлениями экстремизма.

Резюмируя вышеизложенное, полагается, что именно региональные организации имеют достаточные возможности трансформировать рамочные, декларативные форматы международных усилий, закрепленных в соответствующих резолюциях и рекомендациях таких организаций как ООН и ОБСЕ.

Роль региональных организаций в контексте внешних факторов, влияющих на Центральную Азию

Артем АЗНАУРЯН

Советник по политическим вопросам

Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центра в Бишкеке

На протяжении своей 40-летней истории ОБСЕ проходила через различные исторические этапы, знаменовавшиеся напряженностью и разрядкой, враждебностью и сотрудничеством.

Было время, когда пространство безопасности было четко разделено на две части и с обеих сторон, проявлялась известная сдержанность, чтобы не нарушить равновесие и не повредить стабильности. Начало 1990-х годов принесло с собой многообразие и размыло казавшийся в то время нерушимым порядок. В 1990-е годы общие ценности часто называли предпосылкой к общей безопасности. Пространство безопасности в евроатлантической зоне внезапно стало, или, по меньшей мере, некоторое время считалось, единым и общим. Эти дни миновали, и теперь регион, как и весь мир, имеет дело с весьма фрагментированным пространством безопасности с многочисленными рисками, сложным военно-политическим ландшафтом и множеством проблем в области безопасности, ценностей и идентичности. Обострение ситуации во многих частях мира, а также на глобальном уровне весьма близко напоминает худшие дни прошлого bipolarного противостояния. Это большая проблема для стран, в том числе стран Центральной Азии, и в то же время эта ситуация открывает возможности для реанимирования инструментов, которые с успехом использовались несколько десятилетий назад. Само название процесса «Хельсинки+40» напоминает нам о разнообразии средств и мер, принимавшихся в тот период, которые позволяли иногда ослаблять напряженность, устранять расхождения и обеспечивать стабильность в отдельных странах, регионах и во всей зоне ОБСЕ. И, как представляется, многие ключевые страны считают формат ОБСЕ подходящей платформой для диалога и принятия решений.

Роль региональных организаций в контексте внешних факторов, влияющих на Центральную Азию

Некоторые важные внешние факторы, влияющие на состояние безопасности в регионе Центральной Азии:

1. Радикальная религиозная идеология, бросающая вызов самим основам жизни стран
2. Афганистан
3. Растворяющий разлад между державами и фрагментированное пространство региональной безопасности/опасность гонки вооружений и распространения

Что могут сделать международные организации, чтобы помочь странам региона в решении проблем таким образом, чтобы эти усилия дополняли друг друга, а не создавали взаимных проблем в данной уязвимой ситуации? Есть ли у них общее видение и стратегия?

Обширный опыт, накопленный ОБСЕ с 1970-х годов, а также возможности организации и имеющиеся механизмы внушают ей некоторый оптимизм в этом отношении. Однако опыт и инструменты мало что значат без политической воли основных заинтересованных сторон: государств – участников ОБСЕ, особенно из Центральной Азии. Вместе с тем улучшение координации и взаимодействия между ключевыми международными организациями, особенно ОБСЕ и Организацией Объединенных Наций, может повысить эффективность и упорядоченность их деятельности, что позволило бы экономить ценные ресурсы. По сути, концепция всеобъемлющей безопасности принята обеими организациями. Подход ОБСЕ охватывает три измерения: а) военно-политическое, б) экономико-экологическое и 3) человеческое, а в число стратегических направлений деятельности Организации Объединенных Наций входят: 1) международный мир и безопасность, 2) экономическое и социальное развитие и 3) права человека.

1. В условиях **растущего влияния радикальной идеологии** в число главных приоритетов международных субъектов должны включаться защита и укрепление системы ценностей, что также нашло отражение в международных обязательствах, взятых на себя странами Центральной Азии, в том числе по линии ОБСЕ.

Существует ряд крупномасштабных международных проектов и концепций, свидетельствующих о региональном сотрудничестве на основе общих интересов. Однако

достаточно ли интенсивны текущие процессы и содержат ли они привлекательную идею, способную сплотить и повести за собой народы? Представляется, что многие из них лишены идеологического стержня, отвечающего ожиданиям и традициям стран региона. В то же время таким идеологическим проектам, как «Исламское государство», зачастую удается завоевывать сердца и умы населения.

Правительства центральноазиатских стран предпринимают ряд мер с целью решения этой проблемы, а международные организации оказывают властям поддержку в этом деле. Международным организациям, работающим в регионе (Организация Объединенных Наций, ОБСЕ), следует ставить во главу угла своей деятельности на местах общие ценности, объединяющие различные страны, а также различные этнические группы и политические лагери для борьбы с радикальными идеологиями, угрожающими этим ценностям. В этой связи крайне важно выявлять коренные причины радикализации и сотрудничать с соответствующими правительствами в целях обеспечения единого понимания всеми заинтересованными сторонами проблем и путей их решения.

Правительство Кыргызстана неоднократно разъясняло, что относит возможное возвращение своих граждан, воюющих на Ближнем Востоке, в Кыргызстан с недобрыми намерениями к числу основных угроз национальной безопасности. Международной организации вместе с правительством следует попытаться ответить на вопросы: «Почему некоторые люди более предрасположены к этим идеям, чем другие? Почему определенные группы в обществе восприимчивы к ним?» Одна из теорий утверждает в этой связи, что религиозный экстремизм является полностью инородным продуктом, навязываемым местному населению. Однако, как представляется, эта концепция не отражает всей сложности проблемы.

2. Совместная работа в Афганистане

Фрагментация пространства безопасности сказалась на политике стран по отношению к Афганистану, особенно в том, что касается совместных усилий по ограничению рисков, связанных с экстремизмом, торговлей наркотиками и т. д. Однако это не означает, что несовпадающие интересы нельзя примириить. Более того, совместное решение связанных с Афганистаном проблем обеспечило бы редкую в наши дни возможность для разработки механизмов координации, которые могут укрепить взаимопонимание между странами, вовлеченными в более широкий контекст международных отношений. Международные

Роль региональных организаций в контексте внешних факторов, влияющих на Центральную Азию

организации могут играть более инициативную роль, выступая в качестве признанного формата для консультаций и согласованных действий.

ОБСЕ с этой целью может разработать более жизнестойкие программы с упором на контроль над вооружениями и меры укрепления доверия (включая военные обмены/визиты) в региональных рамках, которые охватывали бы страны Центральной Азии и по возможности Афганистан.

Вместе с тем, всеобъемлющий подход ОБСЕ к безопасности и ее опыт могли бы быть полезными в Афганистане при решении вопросов меж-общинных отношений, экономической безопасности (формирование доходов, водопользование, инфраструктурные проекты, с уделением особого внимания разнородным в этническом отношении районам), вовлечения молодежи, развития средств массовой информации посредством обеспечения консультаций специалистов, профессиональной подготовки и поддержки для маломасштабных и среднемасштабных проектов. Такие консультации специалистов и помошь могут предоставляться через структуры Организации Объединенных Наций в Афганистане (и других местах) там, где ОБСЕ не осуществляет деятельности на местах.

Кроме того, в целях более скоординированного сотрудничества следует рассмотреть возможность назначения сотрудников по связи из Афганистана в состав оперативных подразделений ОБСЕ на местах и миссий Организации Объединенных Наций на местах в Центральной Азии.

При этом ОБСЕ уже занимается проблемами, связанными с Афганистаном, в рамках своей деятельности по программам. Помимо Пограничного колледжа в Душанбе, в который ежегодно зачисляются десятки афганцев, Центр в Бишкеке осуществлял ряд проектов, непосредственно касающихся Афганистана, таких как поддержка Таможенного департамента Афганистана, укрепление потенциала пограничной службы и полиции Афганистана посредством вовлечения участников из Афганистана в учебную и иную соответствующую деятельность.

Еще одним активом, который ОБСЕ может предложить в этой связи, является Академия 133 ОБСЕ с ее возможностями проведения научных исследований в Афганистане и расширенными партнерскими отношениями с аналитическими центрами во всем мире.

ОБСЕ обладает дополнительными преимуществами, с точки зрения ее деятельности в Афганистане:

- а) она занимает довольно непредвзятую позицию, не связанную непосредственно с державами, преследующими собственные интересы, имидж которых пострадал в результате военного присутствия и конфликтов,
- б) более того, как организация, объединяющая много стран, она может балансирует и сдерживать разнообразные и иногда противоречивые интересы своих государств-участников,
- с) не менее важно то, что ОБСЕ поддерживает партнерские отношения с правительствами стран Центральной Азии, многие из которых имеют общие с народами Афганистана культурные и этнические корни.

*Международные организации могут взять на себя большее ответственности за мир и стабильность в Центральной Азии в условиях **растущего разлада между глобальными державами**, выступая в роли доступных многосторонних платформ для консультаций и координации.*

У ОБСЕ есть ряд консультативных механизмов, особенно в рамках Венского документа, которые могут быть использованы по просьбе государств – участников ОБСЕ. Хотя растущее недоверие между некоторыми государствами-участниками, еще более усугубляющееся в условиях конфликта на Украине, угрожает подорвать Венский документ, для преодоления растущего антагонизма должны, тем не менее, в полной мере использоваться инструменты, предусмотренные в Венском документе, такие как меры укрепления доверия и безопасности.

С учетом нарастающих геополитических разногласий и углубляющегося разлада первостепенное значение следует уделить укреплению стабильности. Международные организации должны приспособиться к новым условиям и проявлять гибкость и большую широту взгляда при выборе и применении инструментов политики.

134 В нынешней ситуации ОБСЕ следует попытаться более энергично проводить свои принципы в жизнь. В частности, государства – участники ОБСЕ могут согласовать кодекс поведения, который будет применяться в наиболее проблемных областях. Помимо

этого, следует придать новый стимул пришедшему в состояние застоя контролю над обычными вооружениями одновременно с действенными усилиями по модернизации существующих мер укрепления доверия и безопасности и расширением их масштаба. В этой связи приоритет следует отдавать краткосрочным мерам, позволяющим повысить действенность контроля.

С учетом отсутствия доверия между некоторыми региональными странами, их неравного военного потенциала и различий геополитических концепций, Венский документ может обеспечить ценные инструменты, для того чтобы развеять подозрительность и настороженность среди стран Центральной Азии, все эти страны являются участниками Венского документа.

В этой связи полезным для поиска решений в новой ситуации мог бы быть опыт ОБСЕ в период до 1992 года. Нам следует не избегать этой реальности и признать существующее положение вещей. Всестороннее понимание потребностей соответствующих стран в области безопасности, рассматриваемых в более широком контексте, может способствовать поиску общей позиции, особенно в ситуациях, когда эти страны сталкиваются со сходными рисками, включая религиозный экстремизм.

Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов

Жанаргуль КУСМАНГАЛИЕВА

Директор

института Евразийской интеграции Республики Казахстан

Добрый день, уважаемые коллеги!

Как Вы знаете, в ноябре прошлого года в Алматы состоялся семинар, организованный Региональным центром ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии.

На нем прошло обстоятельное экспертное обсуждение вопросов регионального сотрудничества.

Итоги этого семинара позволяют нам систематизировать взгляды экспертов на перспективы сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов.

Вместе с тем, все мы понимаем, что неотъемлемым процессом является поиск решений по устранению внутренних препятствий.

СЛАЙД №1

Внутренние факторы, препятствующие конструктивному и системному взаимодействию между странами Центральной Азии

Обобщая можно обозначить основные факторы, тормозящие процессы сотрудничества между государствами региона:

- 136 • превалирование узкогосударственных интересов в межгосударственных отношениях, разное видение целей и задач интеграции руководством стран Центральной Азии;

- нервностное отношение к интеграционным инициативам, недекларируемое соперничество между странами за лидерство в регионе;
- разнящийся уровень развития экономических отношений и общественно-политических институтов;
- различие политico-экономических моделей и стратегий;
- экономическая и технологическая отсталость и острый дефицит финансовых ресурсов. Отсюда разнонаправленная геополитическая ориентация стран региона, приоритет внeregионального формата экономического сотрудничества для всех без исключения стран ЦА.

СЛАЙД №2

Перманентные проблемы, усложняющие развитие интеграционных процессов в Центральной Азии общезвестны:

- нерешенность приграничных вопросов, в особенности в Ферганской долине, проблемы анклавов;
- устойчивые риски возникновения и эскалации межэтнических конфликтов;
- вопросы энергетики и разные позиции государств на использование ресурсов трансграничных рек.

СЛАЙД №3

Влияние внешних факторов

Другой важный блок причинно-следственных связей, затрудняющих интеграционные процессы, относится к внешнему влиянию на регион. В целом выделяются следующие факторы:

- конкуренция интеграционных проектов (ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, Новый Шелковый путь, исламская идея, пантюркизм);
- незаинтересованность глобальных игроков в появлении в регионе потенциально мощного интеграционного объединения;

- новая фаза соперничества Китая, России и США в контексте актуальной геополитической конфронтации;
- проблема афганского наркотрафика, которая способствует укреплению криминального, его сращиванию с государственными структурами;
- перманентная напряженность на границах стран Центральной Азии с Афганистаном, вызванная уже упомянутой проблемой наркотрафика, а также активизацией и усилением террористических элементов, прежде всего ИГИЛ, Талибан, ИДУ.

Анализируя современное состояние интеграционных процессов в Центральной Азии, можно констатировать наличие широкого спектра объективных факторов, тормозящих развитие межгосударственного взаимодействия.

СЛАЙД №4

Перспективы сотрудничества в ЦА: видение экспертов роли и политики своих государств

Рассматривая перспективы сотрудничества в ЦА, важным представляется видение экспертов роли и политики своих государств.

Туркменистан

Позиция экспертов Туркменистана обусловлена, прежде всего, географическим положением и политикой руководства своей страны, связанной с транспортными инициативами и наращиванием на этой основе торгово-экономического сотрудничества. Это выражается в том, что Туркменистан намерен играть основополагающую роль в создании транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг».

Ставка делается на широкомасштабные проекты (газопроводы: Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай, Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия; железнодорожные коридоры: Казахстан – Туркменистан – Иран и Туркменистан – Афганистан – Таджикистан).

138

Очевидно, стремление поддерживать ровные отношения с ключевыми международными организациями, геополитическими центрами и странами по региону акцентировано в русле наращивания торгово-экономического сотрудничества и политики «открытых дверей».

Так, предполагается, что в перспективе с завершением строительства железнодорожного коридора «Север-Юг» торговые отношения Туркменистана с Казахстаном будут наращиваться как за счет экспортно-импортных отношений между этими странами, так и увеличение потоков транзитных грузов через Туркменистан в сопредельные государства.

Создание мультимодального транспортного коридора «Туркменбashi-Фарап» и «Ашхабад-Дашогуз» с дальнейшим выходом в Узбекистан может оказать позитивные воздействия для увеличения транспортных потоков между Туркменистаном и Узбекистаном.

Эксперты ожидают расширение торгового сотрудничества между Туркменистаном и Таджикистаном вследствие строительства железной дороги «Туркменистан-Афганистан-Таджикистан».

Узбекистан

Эксперты Узбекистана отмечают, что у этого государства преобладает акцент преимущественно на двустороннем формате отношений, что по определению не предполагает развития многосторонних связей.

При этом очевидна сосредоточенность на укреплении собственной безопасности и постоянное балансируемое между внешними геополитическими центрами, что обуславливает незаинтересованность Узбекистана в региональном сотрудничестве.

В ЦА Узбекистан делает ставку на точечное развитие элементов двустороннего взаимодействия с Казахстаном и Туркменистаном, одновременно наращивая конфронтацию с Таджикистаном и Кыргызстаном (водно-энергетическая проблема).

Все это свидетельствует о том, что для Узбекистана развитие сотрудничества со странами ЦА является второстепенным и рассматривается в контексте угроз национальной безопасности, не принимая во внимание потенциал сотрудничества для развития самого Узбекистана.

Кыргызстан

Эксперты Кыргызстана полагают, что репутация их государства, ассоциирующегося с внутриполитической нестабильностью и слабостью экономики, а также соперничество

между Казахстаном и Узбекистаном за лидерство в ЦА осложняют роль Кыргызстана в региональном сотрудничестве.

При этом Кыргызстан может внести вклад в формирование нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества, во внедрении международных стандартов пересечения границы и служить в качестве регионального логистического оператора. Эксперты считают, что в их стране для этого есть необходимые условия, в том числе либеральное законодательство и низкий ценовой диапазон по сравнению с другими странами ЦА.

Главным условием успеха проектов сотрудничества между странами ЦА отмечается разработка и реализация прагматичных конкретных проектов, которые могут дать мультиплексный эффект уже через 5-7 лет и будут способствовать достижению взаимопонимания по более сложным направлениям сотрудничества между странами ЦА.

СЛАЙД №5

Таджикистан

Отмечая степень и характер участия Таджикистана в системе региональных отношений, эксперты заключают, что без Таджикистана сотрудничество и интеграция в ЦА будет иметь неполноценный характер.

Эксперты полагают, что роль их государства заключена в гидроэнергетическом и транспортно-транзитном потенциале, и в его использовании в интересах региона.

Особо важным вкладом признается сохранение региональной безопасности, так как Таджикистан, имея протяженные границы с Афганистаном, выступает щитом ЦА в плане борьбы с экстремизмом и терроризмом, контрабандой наркотиков и т.д.

Казахстан

Эксперты Казахстана выражают, разделяемую всеми позицию о том, что именно Казахстан демонстрирует постоянное стремление к сближению стран ЦА и региональной кооперации, выступает главным инициатором многих интеграционных инициатив, которые зачастую остаются неуслышанными.

Казахстан продвигает идеологию диалога и объективной оценки возможных путей компромисса и учета всех заинтересованных сторон.

Вклад Казахстана – это активизация процесса развития сотрудничества в ЦА через поиск новых совместных инвестиционных проектов, посредничество на переговорах между странами ЦА по вопросам спорных территорий и водной проблеме, налаживание совместного сотрудничества в вопросах безопасности в регионе.

Именно Президент РК Н. Назарбаев внёс в международную повестку дня вопрос о создании на концептуальном уровне Единого Центрально-Азиатского подхода на базе объективной взаимной заинтересованности.

СЛАЙД №6

Предпосылки сотрудничества между государствами ЦА

Вместе с тем, государства региона имеют целый ряд потенциально значимых для интеграции предпосылок.

Во-первых, это экономическая взаимозависимость, выражаящаяся в необходимости развития общей для региона транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры.

Во-вторых, необходимость наращивания торгового оборота между странами региона, диверсификация экспорта и импорта в пользу соседей-партнеров в Центральной Азии. Реализация данного направления позволит избежать имеющихся дисбалансов в торговле между странами ЦА и внерегиональными партнерами, прежде всего России и Китаем, что приведет к укреплению экономического потенциала региона в целом и каждой страны в отдельности.

В-третьих, наличие общей истории, общих ценностей, схожей культуры, огромного количества родственных и деловых связей между гражданами, колоссального потенциала культурно-гуманитарного сотрудничества.

В-четвертых, необходимость решения общерегиональных угроз и проблем (проблемы безопасности, борьба с терроризмом и наркотрафиком, решение экологических проблем и др.), которое будет иметь максимальную эффективность только в условиях объединения и координации усилий всех стран региона.

Таким образом, только тесная региональная коопeração в сфере экономики, интеграция в области культурно-гуманитарного сотрудничества, интенсификация многосторонних и двусторонних политических контактов способны стать катализатором развития всего региона и в полном объеме обеспечить как национальные, так и региональные интересы.

Единый взгляд экспертов стран ЦА на решение региональных проблем и расширение сотрудничества

Необходимо отметить, что эксперты стран ЦА едины во мнении по конкретным стратегическим вопросам и факторам развития сотрудничества в регионе, а также по характеру и направленности решений имеющихся проблем.

СЛАЙД №7

1. У экспертов доминирует консолидированное мнение по поводу первоочередности решения странами ЦА водно-энергетических и территориальных противоречий.
2. В водно-энергетических вопросах позиции экспертов сходятся во мнении о необходимости выработки комплексного механизма обсуждения проблемы под эгидой ООН, установления принципов международного права, унификации водного законодательства, проведения независимой международной технико-экономической и экологической экспертизы всех гидроэнергетических объектов на трансграничных реках еще на стадии их проектирования.

Важно заблаговременно утвердить справедливый характер взаимоотношений в этих вопросах, чтобы не допустить появления военного регионального конфликта в будущем.

СЛАЙД №8

- 142
3. Что касается территориальных споров и пограничных конфликтов, то наиболее перспективным направлением в решении этих вопросов является развитие интеграционных процессов между странами ЦА и установление такого пограничного

режима как между странами ЕС, продвижение в вопросе делимитации и демаркации границ, проведение всестороннего исследования в целях выявления мнения населения и лиц, принимающих решения, соответствующих территорий на предмет альтернативных путей решения вопроса анклавов в ЦА.

Присутствует четкая солидарность экспертного сообщества по поводу необходимости расширения деятельности РЦПДЦА для профилактики и предотвращения конфликтных вопросов и стабилизации отношений между странами ЦА.

Устранение внутрирегиональных противоречий будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности каждой из стран ЦА, что особенно актуально на фоне спада темпов экономического роста.

СЛАЙД №9

4. Одним из основных условий развития сотрудничества в регионе является качественная перезагрузка отношений между ключевыми акторами – Казахстаном и Узбекистаном, что во многом может определить конкретное содержание и динамику процессов в Центральной Азии.

Анализ позиций экспертов стран ЦА позволяет делать вывод о том, что готовность к региональной интеграции в большей степени демонстрируют Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Туркменистан в силу традиционного нейтралитета скорее намерен продолжать стратегию двустороннего формата, а Узбекистан будет придерживаться тактики самоизоляции.

При этом эксперты Таджикистана отмечают, что позиция Узбекистана, несомненно, могла бы оказать решающее влияние на региональную интеграцию. Поскольку эта страна расположена в центре региона, имеет общие границы со всеми государствами ЦА, обладает крупным экономическим и человеческим потенциалом, имеет особое геополитическое значение для внешних игроков.

5. Ключевой фактор на пути к реальному сотрудничеству – это политическая воля лидеров стран ЦА. Поскольку только конкретная готовность и действия всех участников позволит решить внутрирегиональные проблемы с одновременным и согласованным использованием потенциала внешних субъектов. Это может выражаться в конкретной последовательной работе правительства стран ЦА в этом направлении.

6. Наблюдается общая убежденность в том, что ключевые линии сотрудничества стран ЦА – это торгово-экономическая кооперація через развитие транспортно-транзитного потенциала и укрепление безопасности в регионе, в том числе за счет участия в этих процессах geopolитических центров и международных организаций.

Это факторы, на которых может основываться реальное продвижение сотрудничества в ЦА. Значимость этих вопросов актуализируется на фоне изменения характера geopolитических процессов, активизации международного терроризма, в особенности в лице ИГИЛ, и турбулентностью в мировой экономике.

СЛАЙД №10

7. Важность борьбы с терроризмом и экстремизмом эксперты рассматривают как на глобальном уровне под эгидой ООН, так и на региональном (ОДКБ, ШОС).

8. Учитывая что, в региональных организациях страны ЦА представлены не полностью, подчеркивается необходимость выработки общей стратегии по профилактике и противодействию религиозному экстремизму и терроризму между странами ЦА на высшем уровне.

9. Следует отметить, что все эксперты стран ЦА поддерживают идею необходимости формирования общей научно-аналитической и исследовательской повестки научно-экспертного сопровождения вопросов развития регионального сотрудничества, а также создания постоянно действующей единой институциональной платформы. Так, эксперты Узбекистана предлагают создать региональный «мозговой центр» по вопросам сотрудничества в ЦА.

Политика внешних субъектов в Центральной Азии: составление и перспективы

Рост влияния внешних факторов становится весьма актуальным на фоне скоростных изменений и непредсказуемых перемен на международной арене, усложняющейся мировой экономической конъюнктуры.

СЛАЙД №11

Россия

Россия традиционно рассматривает Центральную Азию как сферу своих жизненно-важных интересов. В условиях широкого вовлечения России в украинский и сирийский кризисы, рецессии в российской экономике наблюдается определенное снижение внимания России к региону и сокращение рычагов воздействия на процессы в ЦА.

Вместе с тем, являясь основным торгово-экономическим партнером стран ЦА, одним из крупных инвесторов региона Россия будет пытаться сохранить и по возможности нарастить свое экономическое присутствие в регионе через взаимодействие в рамках ЕАЭС, ШОС, ключевых двусторонних соглашений, сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

Военно-политический вектор российской политики в регионе обеспечивается наличием военных баз в Кыргызстане и Таджикистане, стратегическим военно-политическим сотрудничеством между Россией и Казахстаном, рабочими двусторонними связями России с Узбекистаном и Туркменистаном. Кроме того, очевидно стремление России повысить статус и функциональность ОДКБ.

Китай

Политика КНР в регионе во многом обусловлена экономическими приоритетами Поднебесной. В условиях сокращения большинства внешних источников финансирования китайские инвестиции в регион имеют устойчивую тенденцию к росту и уже сейчас занимают основную долю в экономиках стран региона. Кроме того, Китай инициировал ряд важных инфраструктурных проектов в регионе, направленных на укрепление влияния КНР. Сюда в первую очередь относится инициатива Экономического пояса Шелкового пути.

В целом экономические интересы Китая в Центральной Азии базируются на заинтересованности в стабильном и бесперебойном снабжении ресурсами активно развивающихся западных и центральных провинций Китая, создании инфраструктуры для товарооборота с Европой и Ближним Востоком.

Интересы Китая в политической плоскости сосредоточены на усилении военно-политического содержания в ШОС, недопущении распространения угроз терроризма, экстремизма и сепаратизма в контексте сохранения статуса-кво в СУАР.

СЛАЙД №12

США

США не имеет очевидных экономических интересов в Центральной Азии. Заинтересованность США в регионе в первую очередь, исходит из геополитических соображений и направлена на блокирование усилий России и Китая по наращиванию военно-политического и экономического влияния в Центральной Азии.

Наблюдаемое сокращение дипломатических контактов (несмотря на недавнее турне госсекретаря США), финансовых потоков, периферийность Центральной Азии в приоритетах Государственного департамента связана с заявленным уходом США из Афганистана. Наиболее ярким подтверждением данной тенденции является закрытие Центра транзитных перевозок в бишкекском аэропорту «Манас».

Вместе с тем, учитывая глобальный характер американской внешней политики, возможную актуализацию афганской проблематики и геополитические соображения, можно утверждать, что США сохранят свое присутствие в регионе и по необходимости будут его наращивать.

ЕС

Интересы ЕС в Центральной Азии сосредоточены на трех основных направлениях: необходимости диверсификации энергетических поставок, обеспечении стабильности экономических инвестиций, борьбе с наркотрафиком и терроризмом. Актуальность данных направлений обуславливает необходимость долгосрочного присутствия ЕС в регионе.

146 Между тем, внутренние противоречия в ЕС, проблемы в экономике, нахождение в фарватере американской политики, периферийность Центральной Азии в приоритетах ЕС не позволяют говорить об активизации ЕС в регионе и значительном усилении их позиций в будущем.

СЛАЙД №13

Иран

Снятие с Ирана международных санкций привело к ощутимой интенсификации иранской внешней политики. Центральная Азия – регион традиционно значимый для ИРИ. Иран претендует на региональное лидерство на Среднем Востоке и активное влияние на Ближнем Востоке.

Во-первых, в контексте наращивания собственного экономического потенциала и политического влияния.

Во-вторых, с точки зрения традиционного соперничества с суннитскими государствами за лидерство в исламском мире. Кроме того, Центральная Азия представляет особый интерес с точки зрения налаживания транспортных коридоров с Китаем и Россией и рынка сбыта иранских товаров.

На сегодняшний день мы можем говорить лишь о контурах иранской политики в Центральной Азии. Инструментарий и механизмы реализации отчетливо не просматриваются.

Существуют тесные контакты с Таджикистаном, есть определенные связи с Туркменистаном и Казахстаном в рамках каспийского формата, а также двусторонние соглашения, регламентирующие отношения Ирана с каждой из республик Центральной Азии.

Тем не менее, учитывая сложившуюся ситуацию, мы можем ожидать появление более акцентированной и системной политики Ирана в регионе и усиление его влияния в Центральной Азии.

Япония

Интересы Японии в Центральной Азии характеризуются особой заинтересованностью в поставках редкоземельных металлов, урана для стратегических отраслей японской экономики, а также защитой значительных инвестиций в регионе.

Кроме того, достаточно активная экономическая политика в Японии укладывается в логику негласного противостояния с Китаем и стратегического партнерства с США.

В обозримой перспективе японское присутствие в регионе наверняка не уменьшится, а при благоприятной региональной конъюнктуре и укреплении японской экономики скорее увеличится. Недавний визит премьера С.Абэ в страны региона укрепляет наметившийся тренд.

СЛАЙД №14

Турция

Интересы Турции в регионе фокусируются в экономической, культурно-гуманитарной плоскости, а также обусловлены амбициями на консолидацию под своей эгидой тюркоязычных стран (пантюркизм) и лидерство в тюркском и шире исламском мире.

Турция имеет дружеские продуктивные связи со всеми странами региона. Между тем, более интенсивное сотрудничество наблюдается в отношениях с Казахстаном и Киргызстаном.

Совокупность интересов Турецкой Республики в регионе не предполагает снижения активности этой страны в регионе. Более того, резкое ухудшение российско-турецких отношений наверняка приведет к еще большей интенсификации турецкой политики в Центральной Азии.

Аравийские монархии

Интерес стран Аравийского полуострова к региону объясняется в первую очередь их заинтересованностью в продвижении исламских традиций в политической и общественной жизни региона. Значительные инвестиции в Центральную Азию, рост деловой активности, культурно-гуманитарные контакты между регионами, а также возрастание роли ислама в глобальной политике объективно вовлекают страны Центральной Азии в орбиту интересов аравийских монархий. Это устойчивый тренд, который сохранится в долгосрочной перспективе.

Общие выводы и перспективы сотрудничества в контексте роста влияния внешних факторов

Подводя итоги относительно перспектив сотрудничества в контексте влияния внешних факторов необходимо отметить следующее.

Во-первых, зависимость развития сотрудничества между государствами ЦА от внешних факторов высокая, но для укрепления региональной интеграции недостаточная. Очевидно большое значение внешних инвестиций для экономики стран региона, без которых их дальнейшее экономическое развитие является крайне затруднительным.

Кроме того, слаборазвитая транспортная инфраструктура и жизненная необходимость расширения рынков сбыта обуславливает как тесное взаимодействие с внешними субъектами, так и внутрирегиональное сотрудничество.

Однако ведущие геополитические центры активно продвигают реализацию своих проектов развития отношений со странами ЦА.

В свою очередь страны ЦА вынуждены лавировать между этими интеграционными проектами, отдавая предпочтение тому или иному вектору, руководствуясь собственными экономическими выгодами и национальными интересами.

То есть деятельность внешних акторов в ЦА неоднозначна. С одной стороны, стимулирует определенные процессы экономического развития, с другой – провоцирует региональную разобщенность.

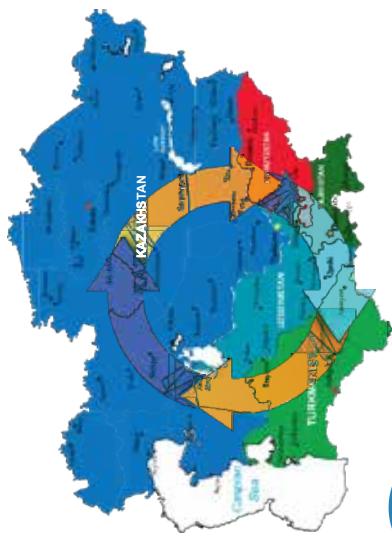
Во-вторых, несмотря на посредничество внешних сил, для стран ЦА важно сохранить субъектность и стремиться к созданию единой внутренней стратегии по устранению проблем и противоречий, основанной на взаимной выгоде и партите. В противном случае у стран региона есть риск оставаться объектами нарастающих геополитических противостояний в долгосрочной перспективе.

Более того, важно понимать, что внешние акторы могут лишь быть модераторами проблемных вопросов лишь на определенном этапе. Итоговые решения будут зависеть только от самих стран региона.

В-третьих, анализ взглядов экспертов стран ЦА относительно влияния внешних факторов выкристаллизовывает главный вывод – в целом geopolитические центры не заинтересованы в единой Центральной Азии.

Таким образом, очевидно, что у экспертов стран Центральной Азии есть общее понимание и практически консолидированная позиция по поводу перспектив развития сотрудничества. Однако дальнейшая выработка общей стратегии регионального сотрудничества между странами Центральной Азии требует от представителей экспертного сообщества обстоятельного анализа острых проблем развития и определения контуров будущего, в том числе в зависимости от изменения внешних факторов.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ КОНСТРУКТИВНОМУ И СИСТЕМНОМУ ВЗАЙМОДЕЙСТВИЮ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Экономическая и технологическая отсталость и острый дефицит финансовых ресурсов
↓
разнонаправленная геополитическая ориентация стран региона, приоритет внегеографического формата экономического сотрудничества для всех без исключения стран ЦА

различие политico-экономических моделей и стратегий

различающийся уровень развития экономических отношений и общественно-политических институтов

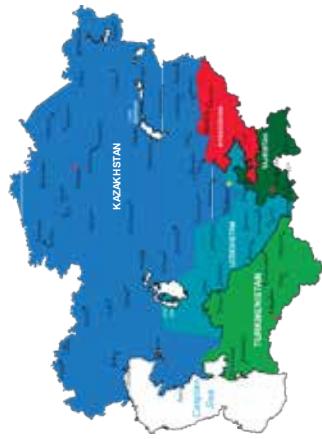

превалирование узкого государственных интересов в межгосударственных отношениях, разное видение целей и задач интеграции руководством стран Центральной Азии

равностное отношение к интеграционным инициативам, недекларируемое сотрудничество между странами за лидерство в регионе

Перманентные проблемы, усложняющие развитие интеграционных процессов в Центральной Азии

нерешенность приграничных вопросов, в особенности в Ферганской долине, проблемы анклавов

устойчивые риски возникновения и эскалации межэтнических конфликтов

вопросы энергетики и разные позиции государств на использование ресурсов трансграничных рек

Наиболее влиятельные внешние субъекты

Россия

Военно-политическое
влияние (ОДКБ)

Экономическая
интеграция (ЕАЭС)

Поддержка Кыргызстана и
Таджикистана в водно-
энергетическом противостоянии

Китай:

Политика
«многомиллиардных инвестиций»

США:

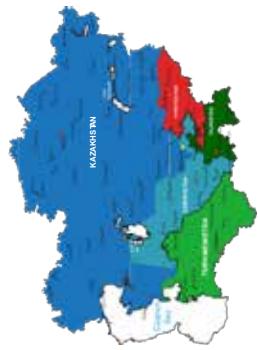
Завершение «афганской
проблемы» – сужение
экономического
сотрудничества

Реализация
«доктрины
мягкой силы»

Углубление военно-
стратегических отношений
с Узбекистаном

Перспективы сотрудничества в ЦА:

Видение экспертов роли и политики своих государств

Туркменистан

- транспортные инициативы и наращивание на этой основе торгово-экономического сотрудничества
- основополагающая роль в создании транспортных коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг»: газопроводы и железнодорожные магистрали

Узбекистан

- двустороннее взаимодействие с Казахстаном и Туркменистаном и конфронтация с Таджикистаном и Киргизией (водно-энергетическая проблема)
- укрепление исключительно собственной безопасности
- второстепенный характер развития сотрудничества со странами ЦА

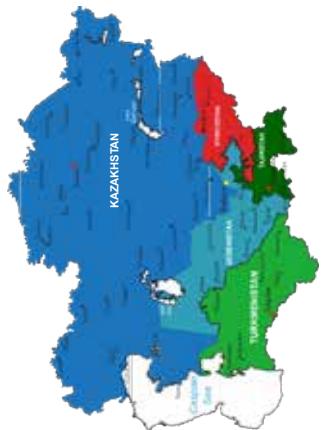
Киргызстан

- репутация государства с внутрpolitической нестабильностью и слабостью экономики как фактор осложнения роли Киргизстана в региональном сотрудничестве
- основополагающая роль в формировании нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества, во внедрении международных стандартов пересечения границы и в создании регионального логистического оператора

Перспективы сотрудничества в ЦА:

Видение экспертов роли и политики своих государств

Таджикистан

- региональное сотрудничество отвечает реальным национальным интересам Таджикистана
- роль в гидроэнергетическом и транспортно-транзитном потенциале, и в его использовании в интересах региона
- сохранение региональной безопасности: Таджикистан – щит ЦА на афганской границе

Казахстан

- главный инициатор интеграционных инициатив
- сторонник диалога и поиска компромисса с учетом всех заинтересованных сторон
- роль в поиске новых совместных инвестиционных проектов, в посредничестве на переговорах между странами ЦА по вопросам спорных территорий и водной проблеме, в напряжении
- совместного сотрудничества в вопросах безопасности в регионе

Предпосылки сотрудничества между государствами ЦА

экономическая взаимозависимость, развитие региональной транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры

необходимость наращивания торгового оборота между странами ЦА

наличие общей истории, ценностей, культуры, огромного количества родственных и деловых связей между гражданами

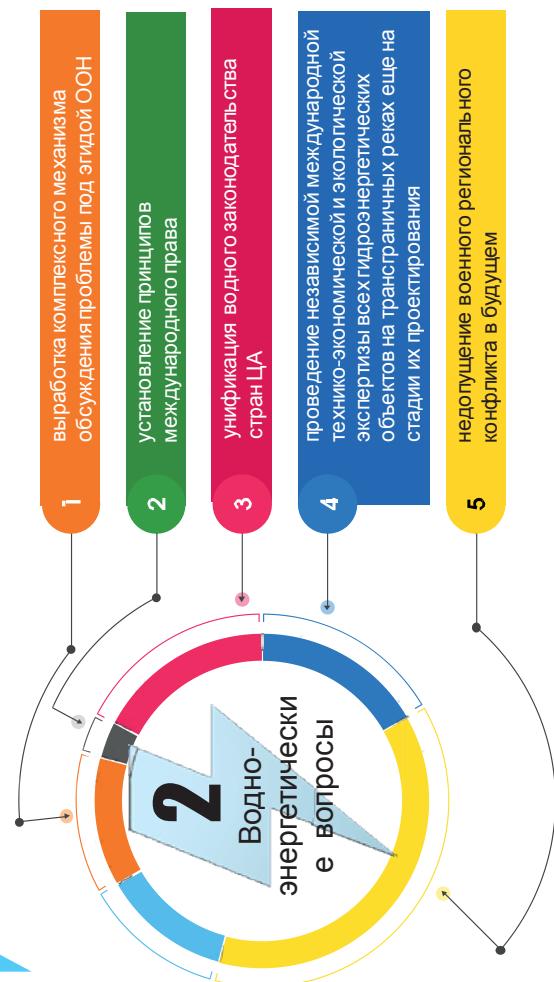

необходимость предотвращения угроз/проблем общерегиональных

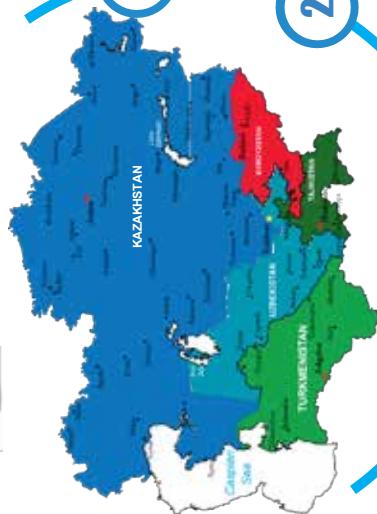
**ЕДИНЫЙ ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ СТРАН ЦА НА РЕШЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА**

1 Доминирование консолидированного мнения по поводу первоочередности решения странами ЦА водно-энергетических и территориальных проблем

ЕДИНЫЙ ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ СТРАН ЦА НА РЕШЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

**3 Территориальные споры и пограничные
конфликты**

установление пограничного
режима как между странами
ЕС

продвижение в вопросе
делимитации и демаркации
границ

проведение всестороннего исследования в
целях выявления мнения населения и лиц,
принимающих решения, соответствующих
территорий на предмет альтернативных путей
решения вопроса анклавов в ЦА

необходимость расширения
деятельности РЦПДЦА для
профилактики и предотвращения
конфликтных вопросов и стабилизации
отношений между странами ЦА

ЕДИНЫЙ ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ СТРАН ЦА НА РЕШЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И РАСШИРЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

4

Качественная перезагрузка отношений между
ключевыми акторами – Казахстаном и
Узбекистаном

5

Ключевой фактор на пути к реальному
сотрудничеству – политическая воля лидеров стран
ЦА

6

Ключевые линии расширения сотрудничества стран
ЦА – торгово-экономическая кооперация через
развитие транспортно-транзитного потенциала и
укрепление безопасности в регионе

Единый взгляд экспертов стран ЦА на решение региональных проблем и расширение сотрудничества

7. Борьба с терроризмом и экстремизмом как на глобальном уровне под эгидой ООН, так и на региональном (ОДКБ, ШОС).

8. Выработка общей стратегии по профилактике и противодействию религиозному экстремизму и терроризму между странами ЦА на высшем уровне

9.

- Формирование общей научно-аналитической и исследовательской повестки научно-экспертного сопровождения вопросов развития регионального сотрудничества, создание постоянно действующей единой институциональной платформы

Политика внешних субъектов в Центральной Азии: состояние и перспективы

Россия

Текущая ситуация

Определенное снижение внимания РФ к региону и сокращение рычагов воздействия на процессы в ЦА

Перспективы

Усилия будут направлены на сохранение и наращивание экономического присутствия в регионе через взаимодействие в рамках ЕАЭС, ШОС, ключевых двусторонних соглашений, сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. В военно-политической плоскости очевидно стремление повысить статус и функциональность ОДКБ

Китай

Текущая ситуация

Китайские инвестиции в регион имеют устойчивую тенденцию к росту.
Инициирован ряд важных инфраструктурных проектов в регионе
(Экономический пояс Шелкового пути)

Перспективы

Увеличение китайских инвестиций в регион, усиление позиций в ключевых инфраструктурных проектах, интенсификация контактов по вопросам терроризма, экстремизма

Политика внешних субъектов в Центральной Азии: состояние и перспективы

США

Текущая ситуация

Внимание США к региону ослабло вследствие ухода из Афганистана

Перспективы

Сохранение присутствия в регионе на текущем уровне и по необходимости
наращивание, учитывая глобальный характер американской политики

ЕС

Текущая ситуация

Значительные инвестиции в регионе, заинтересованность и определенные
успехи в диверсификации энергопоставок и борьбе с наркотрафиком
и терроризмом. Разработана новая стратегия сотрудничества ЕС со
странами ЦА, которую на сегодняшний день подписал лишь Казахстан в июне 2015 г.

Перспективы

Комплексные проблемы ЕС не способствуют активизации ЕС в регионе
и значительному усилению их позиций в будущем

Политика внешних субъектов в Центральной Азии: состояние и перспективы

Текущая ситуация

Тесные контакты с Таджикистаном, определенные связи с Туркменистаном и Казахстаном в рамках каспийского формата, а также двусторонние соглашения, регламентирующие отношения Ирана с каждой из республик ЦА

Иран

Перспективы

Появление более акцентированной и системной политики Ирана в регионе и усиление его влияния в ЦА

Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов

Япония

Текущая ситуация

Особая заинтересованность в импорте редкоземельных металлов, урана для стратегических отраслей японской экономики, а также значительные инвестиции

Перспективы

Японское присутствие в регионе наверняка не уменьшится, а при благоприятной региональной конъюнктуре и укреплении японской экономики скорее увеличится

Политика внешних субъектов в Центральной Азии: состояние и перспективы

Текущая ситуация

Дружеские продуктивные связи со всеми странами региона в экономической, политической и культурно-гуманитарной плоскостях

Перспективы

Совокупность интересов в регионе не предполагает снижения активности этой страны в ЦА

Турция

Текущая ситуация

Значительные инвестиции в страны ЦА, рост деловой активности, культурно-гуманитарные контакты между регионами

Перспективы

Все большее вовлечение стран ЦА в орбиту интересов аравийских монархий

Аравийские монархии

Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов

Сайфулло САФАРОВ

Кандидат философских наук, Профессор

Первый заместитель директора

центра стратегических исследований

при Президенте Республики Таджикистан

Анализируя ход нашей двухдневной дискуссии, и сопоставляя её с теми дискуссиями, в которых я участвовал за последние три недели в Москве, Томске, Душанбе и в Бишкеке пришел к выводу, что только оценками и сбором информации, нельзя решать задачи, поставленные перед нами историей.

Для того чтобы предупредить конфликты в государствах ЦА и решить их в других подобных государствах, находящихся в трансформационном периоде, необходимо определить цели, к которым мы движемся.

Первым делом надо правильно диагностировать процессы:

1. Ждать развал США или России, это абсолютно бессмысленная идея. Обе страны располагают возможностями находить пути укрепления своей государственной мощи и решить спорные вопросы в рамках диалога и сотрудничества. Однополярный мир возвращается уже не к двухполлярному, а к многополярному. Усиление позиций Китая и Индии в мировой экономики и укрепление позиции России в международной системе безопасности сами по себе являются факторами изменения современных международных отношений. Мы исходим именно из того что, наш мир развивается в направлении многополярности и поэтому многовекторная политика центрально-азиатских государств является единственным правильным путем, соответствующим их национальным интересам.

Исходя из этого, мы видим, что в условиях трансформации геополитических, геостратегических и геоэкономических процессов происходит ряд негативных тенденций, которые становятся причинами как внутренних, так и международных и межгосударственных конфликтов.

Эти процессы кратко можно назвать - деморализацией, деактивацией и десоциализацией.

Названные понятия отражают те процессы, которые происходят в условиях разрушения традиционных ценностей и возникновения новых, пока неосознанных и неосвоенных гражданами наших государств.

В таком сложном социально-политическом, экономическом, геополитическом процессе необходимо иметь свои цели и соответственно свои планы или, как сейчас их называют, «дорожную карту» решения этих проблем. Именно с таких позиций Таджикистан разрабатывает свои Концепции, Стратегии национального развития 2030 и 2050- годов, где обосновываются стратегические цели и механизмы достижения новых стратегических целей, и перехода к другому качественному этапу развития уже поставленных перед республикой Президентом, лидером нации задач стратегического плана.

Но надо заметить, что на путях реализации наших стратегических задач появляются новые сложнейшие препятствия-конфликтогенерирующие факторы. Эти конфликты надо предупреждать. Но вопрос состоит в том, как их осознать и как их предупреждать?

На наш взгляд, **первым** делом, для подхода к предупреждению конфликтов или их решения, надо их деполитизировать. Процесс думаю, всем ясный и не подлежит комментариям. Например, политизация ислама для всех стран региона порождала и будет порождать массу проблем для всех стран региона усиливая влияние внешних факторов связанных с геополитикой ислама, особенно салафитского толка. Таким же образом водные, пограничные, межнациональные, алфавитные и десятки проблем могут стать фактором порождающим новые типы конфликтов.

Второе, нужно говорить так много не о радикализации общества и укреплять радикалов, а наоборот все усилия и вопросы следует направить на то, как дерадикализировать общество, государства и людей. Сейчас везде говорят о радикализации общества и религии. Вместо того, чтобы уменьшить влияние этого процесса все нажимают еще сильнее на педаль радикализма. Это укрепляет позицию радикализма, так как радикализм

порождает другого типа радикализм. Если мы не сумеем дерадикализировать общественное сознание, тогда обвинять религии или руководителей государств само по себе никакого позитивного результата не даст.

Третьим направлением превентивной работы в направлении снижения активности конфликтогенных факторов в ближайшее будущее, является демилитаризация всех международных, межгосударственных, внутриполитических процессов в Центральноазиатском регионе.

Переходить на мягкую силу и в крайних случаях сочетать мягкую силу с жесткой силой, переходить на умную силу или, как философы выражают рационализировать процесс, уменьшить его эмоциональность, вывести его из конфликтной зоны на зоны диалога, обсуждения и рассуждения.

Наблюдая за конфликтами между государствами, динамику их изменений можно прийти к той мысли, что если бы не было у этих людей мифологизированного сознания по отношению к друг другу, давно уменьшились бы конфликты на нашей планете. Поэтому надо еще и де-мифологизировать общественное сознание.

В новых условиях, конечно, несмотря на свою определенную хаотичность и слабость управления, одним из важнейших качеств государств Центральной Азии остается их демократичность, многопартийность, политический плюрализм и толерантность.

Другим качеством, который способствует сплоченности, бесконфликтности и стабильности, является их светский характер, что не позволяет различным религиозным течениям конфликтовать между собой.

Третье качество наших государств, которое способствует предотвращению различных социальных конфликтов, является социальный характер национальных государств в Центральной Азии. Эти качества государств снижают поляризацию общества и снижают конфликтогенность в обществе.

И то, что соединяет все государства региона, это тенденция развития политических систем, принцип верховенства закона, светский характер режима, демократичность, социальность определяющая их предсказуемость в соответствии с международными стандартами.

Поэтому, если в стратегическом плане, государства Центральной Азии могут сохранить эти современные качества, не дадут возможности развитию разрушительным тенденциям внутри своих стран, как Ливия, Египет и Сирия, то в этом случае, безопасность, стабильность и развитие в них будут обеспечены. Но надо отметить, что потенциал влияния Афганистана, как конфликтобразующий фактор в регионе еще очень высокий и требует очень много ресурсов и внимания. Страны региона никак не могут оставить свои южные границы без внимания и поэтому им необходимо развивать добрососедские отношения, как между собой, так и с великими державами.

Необходимо отметить, что именно в демократичности, светскости, социальности, многополярности находится ключ их стабильности и развития. В этих качествах национальных государств Центральной Азии заложена гарантия их устойчивого развития, противодействия современным вызовам и угрозам, снижения влияния внешних факторов на их безопасность. И то, что соединяет все государства региона это тенденция развития политических систем, определяет их предсказуемость в соответствии с международными стандартами, конечно, является принцип верховенства закона. Поэтому если в стратегическом плане, государства Центральной Азии смогут сохранить эти свои современные качества, это уменьшает риск развития внутри этих стран разрушительных тенденций, как в Ливии, Египте и Сирии.

Ослабление этих принципов приводит к негативным явлениям как деактивации населения, десоциализации граждан, что, в конечном счете, приводит к их вытеснению из зоны традиционного, устойчивого существования и весь накопленный интеллектуальный потенциал работает против них.

Для того, чтобы превентивно решить конфликты в ЦА заранее надо иметь свой план действий, направленный на активизацию самого населения, институтов гражданского общества.

Для того, чтобы иметь план нужно определить цели, которые могут в регионе обеспечить безопасность, стабильность и развитие.

Эти универсальные цели на наш взгляд могут быть следующими: деполитизировать, 168 дерадикализировать и де-идеологизировать весь процесс развития общества. Эти цели можно поставить, как для Афганистана, так и Сирии. Но надо попробовать их в ЦА, где страны более или менее спокойно, стабильно и динамично развиваются.

В противном случае происходит деморализация, дестабилизация, деглобализация, деактивизация населения, де-социализация личности, что способствует выходу этих стран из зоны традиционного влияния позитивных внешних факторов и усиление влияния негативных внешних факторов, как исламизация и радикализация, которые нежелательны.

Политика США в Центральной Азии: обзор

Марта Брил ОЛКОТТ

Лектор - Профессор государственного университета Мичигана

Эмерит - Профессор Колгейтского Университета

У правительства США развитие событий в центральноазиатском регионе по-прежнему вызывает большой интерес из-за близости этих стран к Афганистану, а также из-за экономических интересов США, особенно в секторе энергетики. Несмотря на это, события в Центральной Азии редко становятся причиной серьезной обеспокоенности президента, вице-президента или государственного секретаря США.

Одним из примечательных исключений стала поездка государственного секретаря Джона Керри в пять стран Центральной Азии 31 октября – 3 ноября 2015 года, включавшая участие в состоявшейся в Самарканде, Узбекистан, встрече на высшем уровне по формуле «5+1» Министров иностранных дел стран Центральной Азии. Это мероприятие было проведено в продолжение встречи этих должностных лиц во время заседаний Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в сентябре и должно было послужить сигналом центральноазиатским лидерам о том, что их страны не исключены из круга проблем, вызывающих обеспокоенность у США, несмотря на то, что в центре внимания Вашингтона находятся положение в Сирии и на Ближнем Востоке и переговоры по поводу ядерного потенциала Ирана.

Однако этот шаг, а также политику США в этом регионе в более общем плане трудно рассматривать как сколько-нибудь действенный противовес российскому или китайскому влиянию в регионе. Это также справедливо даже в том случае, когда усилия США и Европейского союза рассматриваются в тандеме, поскольку, хотя политика США и ЕС формируется раздельно, она в большинстве случаев направлена на поддержку одних и тех же стратегических целей. Тем не менее, несмотря на тот факт, что зоны влияния у США и ЕС в регионе меньше, чем у России или Китая, лидеры всех пяти центральноазиатских стран стремятся поддерживать хорошие отношения со

своими американскими и европейскими коллегами именно из-за уравновешивающего эффекта и возможного влияния на их более настойчивых и зачастую вездесущих международных партнеров.

Хотя европейские лидеры не так часто посещают регион, как их китайские или российские коллеги, они чаще бывают в странах Центральной Азии, чем их коллеги из США, и в большей степени готовы принимать у себя, по меньшей мере, некоторых из руководителей этих стран. Например, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев во время своей поездки в ноябре 2015 года в Соединенное Королевство и Францию был принят королевой Елизаветой II, что свидетельствует о важном значении, придаваемом Соединенным Королевством своим экономическим интересам в Казахстане.

В то же время Керри стал первым государственным секретарем США, посетившим все пять центральноазиатских стран в ходе одной поездки. Как Эл Гор, так и Дик Чейни, ездили в Казахстан, будучи в должности вице-президента, а программа визита Гора включала короткое пребывание в Кыргызстане. Ни один президент США не бывал ни в одной из этих пяти стран, и ни один центральноазиатский лидер не удостаивался правительенного обеда в Белом доме. Однако те президенты, которые посещали Соединенные Штаты, в большинстве случаев имели возможность встретиться с президентом США или приветствовать его либо на сессии Генеральной Ассамблеи, либо в другой обстановке.

Одна из основных проблем, стоящих перед должностными лицами США, стремящимися к установлению более тесных связей с центральноазиатскими государствами, связана с репутацией их правительства с точки зрения соблюдения прав человека. Все они регулярно подвергаются критике со стороны таких групп, как «Хьюманрайтс вотч», «Фридом хаус» и «Международная амнистия», за ограничения свободы вероисповедания, средства массовой информации и собраний, а также за организацию выборов в законодательные и судебные органы власти и за работу этих органов. Все эти группы пользуются значительной поддержкой в Конгрессе США, сохраняют тесные связи с государственным департаментом (через Бюро по вопросам демократии, прав человека и трудовых отношений и через Комиссию США по международной свободе вероисповедания), что ведет к ограничению свободы действий Министерства обороны США, ЮСАИД и 171 государственного департамента в отношении этих стран (за исключением случаев, когда президент принимает решение о президентских изъятиях).

Как бы в порядке демонстрации характера проблемы секретарь Керри подвергся критике в газете «Нью-Йорк таймс», когда он проявил осторожность и выбрал более умеренный тон в отношении прав человека в публичной обстановке, упомянув «человеческое измерение» в своем замечании по поводу встречи на высшем уровне, где он сказал:

«Мы будем говорить об экономическом росте и возможности взаимодействия, окружающей среде, региональной безопасности и стабильности и человеческом измерении. В этот конкретный момент в истории вопросы экономики и безопасности неразрывно связаны между собой. Они усиливают друг друга».

Стратегический подход США с их вниманием к «человеческому измерению» резко контрастирует с подходом как России, так и Китая. В случае Китая недвусмысленное заявление о невмешательстве во внутренние дела других стран содержится в его программе «Один пояс, один путь», которая предусматривает инвестирование примерно 40 млрд. долл. США в инфраструктурные проекты в центральноазиатском регионе через его инвестиционный фонд «Шелковый путь»¹. Если этот проект будет полностью профинансирован, он затмит собой как масштабы помощи США и ЕС в регионе, так и инвестиции России в рамках Евразийского экономического сообщества, которое финансируется Москвой и в которое входят как Кыргызстан, так и Казахстан. Хотя Россия крайне критически относится к подходу США, основанному на «человеческом измерении», Москва не использует все имеющиеся у нее рычаги (включая энергетическую политику, русскоязычные средства массовой информации и присутствие большого числа трудовых мигрантов из Центральной Азии), чтобы попытаться повлиять на экономическую политику стран региона и их политику в области безопасности.

Даже в условиях политического давления разного рода, которое пыталось оказывать высшее руководство США, центральноазиатские лидеры по-прежнему стремятся заручиться помощью США в области безопасности и технической помощью, экономическими и инфраструктурными инвестициями компаний США и таких международных финансовых учреждений, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Европейский банк реконструкции и развития, в которых США и страны ЕС играют ведущую или доминирующую роль.

1 “John Kerry is Cautious on Human Rights During the Uzbek Visit” The New York Times, November 1, 2015, http://www.nytimes.com/2015/11/02/world/asia/john-kerry-is-cautious-on-human-rights-during-uzbekistan-visit.html?_r=0.

По этой причине министры иностранных дел, собравшиеся в Самарканде, были готовы подписать совместное заявление о партнерстве и сотрудничестве, в котором предусматривалось обязательство:

«Защищать права человека, развивать демократические институты и практику и укреплять гражданское общество на основе уважения признанных норм и принципов международного права, включая Устав Организации Объединенных Наций, Всеобщую декларацию прав человека, Декларацию о принципах международного права и хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»².

В большинстве положений документа предусматривается сотрудничество в областях, в которых страны Центральной Азии стремятся к тесному взаимодействию с США, включая сотрудничество в противодействии трансграничным угрозам, из которых самой важной для них является терроризм, а также региональную торговлю, транспорт и связь, энергетические связи и усилия с целью снизить риски изменения климата. И конечно, в документе содержится ссылка на необходимость обеспечивать и укреплять независимость и безопасность Афганистана.

Одновременно со встречей на высшем уровне государственный департамент США выпустил новый циркуляр с обобщением целей и приоритетов помощи США странам Центральной Азии³, в котором подробно представлены проекты (как в рамках двусторонней помощи США, так и за счет пожертвований США в рамках многосторонней помощи), разрабатываемые для достижения этих целей.

При всем этом основным направлением двусторонней помощи США в регионе Центральной Азии по-прежнему являются военная помощь и помощь в области безопасности, проекты, призванные укреплять потенциал центральноазиатских государств по защите от возможных вторжений террористических (или других оппозиционных) групп в регион из Афганистана. Хотя из-за положений о секретности,

2 Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and the United States of America, Samarkand Uzbekistan, November 1, 2015, <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm> 173
1/1.

3 New U.S. Assistance Programs in Central Asia: A Fact Sheet, November 1, 2015, <http://www.state.gov/r/pa/prs-ps/2015/11/249051.htm>.

относящихся к определенным разделам бюджета США, трудно получить точные оценки, эта помощь оценивается примерно в 250 млн. долл. США в 2016 финансовом году⁴.

Как представляется, при выделении средств на 2017 финансовый год, несомненно, будут также предусмотрены средства на проекты борьбы с насилиственным экстремизмом, связанные с предотвращением вербовки молодежи из Центральной Азии «Исламским государством» и противодействием любым рискам, которые могут быть при этом порождены внутри этих стран.

Несмотря на это, возобновленный интерес к Центральной Азии со стороны США, который, по-видимому, отражает визит Джона Керри в регион, будет, несомненно, ослаблен реальностями бюджетного процесса США в Вашингтоне. Это особенно справедливо в нынешнем году, когда проводятся выборы президента США, и это совпадает с таким составом Конгресса США, при котором в бюджетном процессе могут доминировать финансовые консерваторы. Хотя вся уходящая администрация Обамы и все претенденты, стремящиеся занять его пост, несомненно, будут добиваться большей и лучшей защиты интересов безопасности США от внешних угроз, весьма маловероятно, что у любого из них риски в области безопасности в центральноазиатских государствах окажутся в верхней части списков позиций, по которым предусматривается крупное увеличение финансирования по программам. Кроме того, в нынешней сложной глобальной финансовой обстановке страны Центральной Азии могут обнаружить, что намного более крупными суммами средств, обещанными Россией и Китаем, также воспользоваться труднее, чем было обещано ранее.

4 "U.S. Security Assistance to Central Asia, "Security Assistance Organization, July 22, 2015, http://securityassistance.org/fact_sheet/us-security-assistance-central-asia.

Перспектива ИГИЛ в Афганистане и возможные последствия для Центральной Азии

Абдул Ахад МОХАММАДИ
Ведущий научный сотрудник
Начальник отдела по изучению проблем мира
Афганского института стратегических исследований

Общий обзор

Появившись в новостных сообщениях всего лишь пару лет назад, «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) весьма заметно укрепило свои позиции в Сирии и Ираке и на сегодняшний день воспринимается как самая мощная в мире террористическая организация. Эта организация, созданная около трех лет назад, за прошедшее время оказала влияние на многочисленные мусульманские диаспоры по всему миру. Слабые или практически несостоятельные государства, такие как Афганистан, считаются наиболее подверженными воздействию расширяющихся стратегических приемов ИГИЛ. В начале 2015 года «Исламское государство» объявило о создании своего нового регионального подразделения в Афганистане, назвав его базой «Хорасан». С тех пор как ИГИЛ объявило о своем присутствии в Афганистане, к нему присоединился целый ряд действующих террористических групп, главным образом в юго-восточных провинциях Афганистана. Эти группы сумели в скором времени привлечь последователей из местных общин в некоторых отдаленных районах страны. Открытие местной радиостанции в провинции Нангархар, похищение пассажиров на трассе Кабул–Кандагар и поднятие флага ИГИЛ студентами в ходе уличных протестов служат явными признаками начинавшегося присутствия ИГИЛ в Афганистане. В своих заявлениях последнего времени аффилированные с ИГИЛ группы в Афганистане дали ясно понять, что являются самостоятельными структурами и никак не связаны с террористическими организациями, такими как «Талибан» или «Сеть Хаккани». Правда, по сообщениям в СМИ, между вновь образованными группами ИГИЛ и существующими сторонниками

движения «Талибан» происходили столкновения, свидетельствующие о наличии между этими двумя группировками разногласий и отсутствии взаимопонимания. Однако и ИГИЛ и «Талибан» разделяют общие идеологические основы толкования религии, равно как и политические цели, и в силу этого противоречия между ними, видимо, не слишком глубоки. В случае если обе стороны подвергнутся политическому и военному давлению, существует вероятность их взаимодействия в качестве единой организации. В результате возрастающее влияние действующих террористических группировок, включая ИГИЛ и «Талибан», вызывает тревогу, как в правительстве Афганистана, так и в регионе. Вследствие гражданских войн последних десятилетий в Афганистане страна стала весьма подвержена появлению радикальных религиозных движений и групп. Яркий пример такой подверженности – возникновение движения «Талибан» в 1990-х годах. Если ИГИЛ сумеет занять достаточно прочные позиции в Афганистане, цель расширения «Исламского государства» получит мощный импульс. Благодаря географическому расположению Афганистана в центре региона ИГИЛ получит надежную базу для угроз государствам как Южной, так и Центральной Азии. Таким образом, если не будут приняты эффективные меры, аффилированные с ИГИЛ группы в Афганистане способны создать серьезные проблемы и для Афганистана и для соседнего региона. Эта угроза может усугубиться, если различные террористические группы попытаются создать коалицию с другими действующими повстанческими группами, такими как «Талибан» и «Хизб-е-Ислами Афганистан». Масштабы проблемы требуют принятия серьезных совместных региональных мер эффективного противостояния угрозам со стороны ИГИЛ и других террористических группировок, действующих в Афганистане и Центральной Азии.

Связь между аффилированными с ИГИЛ группами в Афганистане и ИГИЛ на Ближнем Востоке

Большинство аффилированных с ИГИЛ групп в Афганистане заявляют, что действуют под командованием своего центра в Сирии и Ираке. Однако степень общего согласия относительно природы связей между ними невысока. Одно из наиболее распространенных мнений в Афганистане состоит в том, что существующие террористические группы лишь изменили название, а на самом деле они являются подразделениями движения «Талибан», заявившими о своей непричастности к нему в связи с недавним организационным кризисом в «Талибане», в частности после официального сообщения о смерти лидера

талибов муллы Мухаммада Омара. Эти группы воспользовались возможностью для проведения своих операций под более популярным названием – ИГИЛ. По общему мнению, распространенному в настоящее время в Афганистане, некоторые недовольные члены движения «Талибан» и других действующих террористических групп присоединяются к ИГИЛ, стремясь в скором времени добиться популярности. Например, считается, что похищение и убийство гражданских лиц, принадлежащих к этнической группе хазарейцев, организовали недовольные члены движения «Талибан», которые теперь работают на ИГИЛ в Афганистане.

Однако со временем мнение меняется. Стоит задуматься о том, имеют ли в Афганистане группы, под названием ИГИЛ, воюющие против афганского правительства, какие-либо связи с главным центром ИГИЛ в Ираке и Сирии. Некоторые сторонники этого мнения сводят такую связь к исключительно идеологическому аспекту, приводя два основных довода: 1) в настоящее время ИГИЛ не способно создать для своих аффилированных групп организованную систему командования в мировом масштабе, в том числе в Афганистане; 2) ИГИЛ не следует той же стратегии, которую применяют обычные террористические организации, такие как «Аль-Каида», главная цель которых – создание пирамидальной структуры власти в различных частях света. Напротив, ИГИЛ сосредоточивает усилия на распространении своей идеологии по всему миру с помощью современных средств коммуникации, таких как социальные сети, и на поиске единомышленников среди отдельных людей или групп в разных странах мира. Это подтверждает характер деятельности, осуществляющейся аффилированными с ИГИЛ группами в Афганистане, когда они следуют своим ролевым моделям на Ближнем Востоке.

Сила и влияние ИГИЛ в Афганистане

По последним сообщениям сотрудников афганских и международных спецслужб, в Афганистане ИГИЛ насчитывает около 3 тыс. членов. До настоящего времени у групп ИГИЛ в Афганистане не было таких ярких достижений, как у талибов. Поэтому трудно определить степень их влияния. Кроме того, нечетко выраженные различия между аффилированными с ИГИЛ группами в Афганистане и движением «Талибан» создают еще одну проблему в отношении более точной оценки их влияния. Вначале возникновение ИГИЛ в Афганистане приглушалось рядом высокопоставленных лиц в правительстве Афганистана. Однако по мере активизации действий ИГИЛ в последние месяцы

некоторые из ключевых должностных лиц в афганском правительстве признали наличие исходящих от ИГИЛ угроз. Тем не менее, афганское правительство уделяет основное внимание только идеологической смычке между этими группами, но не финансовым, техническим или логистическим связям между ними. Стоит отметить, что независимо от характера связей афилированные с ИГИЛ группы в Афганистане сумели благополучно сохранить свои базы в провинциях Забуль, Нангархар и некоторых других районах на юго-востоке Афганистана. Есть также фактические свидетельства того, что в провинциях, находящихся под влиянием ИГИЛ, присутствуют иностранные боевики, главным образом из государств Центральной Азии. Учитывая ситуацию в целом, целесообразно принять меры против этих групп, пока не станет слишком поздно.

Факторы, содействующие расширению ИГИЛ в Афганистане и в регионе

В течение последнего десятилетия международное сообщество предоставило Афганистану редчайшую возможность для решения ряда стоящих перед страной проблем. Однако текущая ситуация в Афганистане свидетельствует, что большинство возможностей, созданных международным сообществом, были растрочены впустую. Отсутствие безопасности, нищета, беспорядки, появление радикальных идеологий и движений и т. д. – вот некоторые из серьезных проблем Афганистана. Помимо этих проблем, присутствуют другие деструктивные факторы, которые готовят почву для экстремистских и террористических группировок, в том числе вновь созданных групп, афилированных с ИГИЛ, для укрепления их баз в стране и использования этих баз в дальнейшем для достижения целей регионального масштаба. Возникновение радикальных идеологий среди населения Афганистана – одно из многочисленных проявлений таких факторов. Явления такого рода обеспечивают ИГИЛ в Афганистане платформу для укрепления своих позиций в этой стране. За последние два года Афганский институт стратегических исследований (АИСИ) осуществил серию проектов по исследованию тенденций радикальной религиозной идеологии в различных слоях населения Афганистана. Эти исследования показали, что среди афганского народа существует определенный уровень радикальной и экстремистской идеологии. Наличие у людей такого радикализированного сознания облегчает для ИГИЛ вербовку новых членов из местного населения и углубление своего влияния среди местных сообществ в Афганистане. Кроме этого, в последние годы был создан ряд радикальных организаций

религиозного толка, которые распространяют свои радикальные идеи среди молодежи Афганистана. Показательными примерами таких организаций могут служить «Хизб ут-Тахрир» и «Джамиат-е-Ислами», имеющие тысячи последователей в Афганистане. Помимо радикализации, прочнее закрепиться в стране группам ИГИЛ помогает межплеменная борьба за власть.

На протяжении всей истории Афганистана племенная и этническая принадлежность выступала в качестве решающего фактора в политике страны и природе конфликтов в Афганистане. Ярким свидетельством этого служит манипулирование идентичностью талибами для прихода к власти в Афганистане в 1990-х годах. Суть межплеменного и межэтнического соперничества не ограничивается крупными этническими группами Афганистана, ее можно обнаружить и среди относительно мелких этнических групп. Чтобы добиться влияния на другие племена, племенные вожди предпринимают все, что им доступно в этом качестве. Для проигравших в этом соревновании весьма вероятно обращение за помощью или объединение с различными незаконными организациями, в том числе экстремистскими группировками. Яркий пример в этом отношении – лидер военизированной исламской организации в Афганистане «Хизб-е-Ислами» Гульбеддин Хекматиар. Поскольку сенситивная реакция на этнические конфликты более проявленна в южных районах Афганистана, возможно, успех ИГИЛ на юге страны объясняется также и этим.

Материальные стимулы, обеспечиваемые ИГИЛ для своей организационной деятельности, в частности для вербовки новых членов, по-видимому, служат другим элементом, помогающим ИГИЛ в создании своей базы в Афганистане. Повышенный уровень нищеты и безработицы – две крайне серьезные социальные проблемы для афганского народа, в особенности для молодежи. Судя по сообщениям последнего времени, минимальная ежемесячная заработка для вновь вступивших членов ИГИЛ составляет около 500 долл. США, по сравнению с большим числом афганских государственных служащих, которые получают примерно 200 долл. США в месяц. Поскольку в Афганистане увеличивается численность безработной молодежи, ИГИЛ имеет возможность привлекать в свои ряды больше молодых людей, выплачивая им почти вдвое больше, чем они могли бы заработать на младших должностях в правительстве. Другим фактором, содействующим повышению влияния ИГИЛ в Афганистане, является слабость государственных институтов в стране.

Правительству Афганистана снова и снова не удается защитить свою землю, как от иностранной, так и от внутренней угрозы. Согласно последним отчетам Специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана (SIGAR), афганское правительство контролирует почти 70 процентов территории Афганистана, а остальные 30 процентов находятся под контролем талибов и других мятежных групп, включая ИГИЛ. В то же время международная организация «Трансперенси Интернешнл» (ТИ) в своем последнем глобальном докладе о коррупции включила Афганистан в число трех самых коррумпированных стран мира. Более того, политический кризис в период последних президентских выборов и последующие проблемы, связанные с вопросами безопасности, – все это явные проявления, наглядно свидетельствующие о слабости структуры управления в Афганистане. Группировки, подобные ИГИЛ, прекрасно осведомлены о таких слабостях в системе государственного управления и эффективно используют их в своих целях. Например, ИГИЛ создало свою первую местную радиостанцию «Радио Халифат» в районе Ачин провинции Нангархар. Хотя недавно радиостанция была разрушена ударом американского беспилотника, тем не менее, ее существование служит явным признаком укрепления базы ИГИЛ на афганской земле и представляет еще одно проявление неэффективности политики правительства, находящегося у власти в Афганистане. Еще одна проблема власти в Афганистане – ее неспособность полностью контролировать религиозные учреждения в стране. В Афганистане действуют тысячи незарегистрированных религиозных школ, некоторые из них обладают потенциалом для распространения радикальных идей, но у правительства нет контроля над их программами, учебными планами и источниками финансирования. Это означает, что ИГИЛ может использовать эти религиозные учреждения и для своей политической пропаганды и для вербовки новых членов. В середине 2015 года сотни студентов в университете Джелалабада подняли флаг ИГИЛ в знак поддержки создания исламского халифата. Если ИГИЛ имеет влияние на студентов, находящихся под контролем правительства, тогда для них ничего не стоит использовать в своих целях религиозные учреждения, которые государством не контролируются. Еще одна забота афганского правительства связана с совершившими побег заключенными и другими преступниками. За последние два–три года из основных тюрем в Газни и Кандагаре удалось бежать сотням заключенных.

180 Информация об ИГИЛ в Ираке и Сирии свидетельствует, что боевики прекрасно умеют привлекать заключенных, сумевших совершить побег. Большинство этих заключенных были талибами и, следовательно, они, скорее всего, снова примкнут к движению

«Талибан». Но из-за недавних разногласий по вопросам руководства в «Талибане» некоторые из бывших заключенных, возможно, захотят вступить в ИГИЛ. Таким образом, для правительства Афганистана важно ужесточить контроль над тюрьмами на остальной территории страны, иначе с ними в ближайшем будущем может произойти то же самое. Другой причиной серьезной обеспокоенности афганского правительства является отсутствие технической и логистической поддержки операций Афганских национальных сил безопасности (АНСБ), которую прежде предоставляли НАТО и миссия Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане. Радикализм менталитета АНСБ также создает возможность для проникновения ИГИЛ в ряды АНСБ, что не раз было сделано представителями движения «Талибан», например, осуществляя «атаки на нейтралов», когда афганские солдаты нападают на своих иностранных соратников.

Обвинения в национальной и региональной поддержке ИГИЛ в Афганистане и ее последствиях для стран региона

Утверждение, что ныне существующие экстремистские и террористические организации в Афганистане – это явление «завезенное» извне, пользуется гипертрофированным признанием. А также мало кто сомневается в том, что эти группы не планируют в своей деятельности ограничиваться территорией Афганистана. Напротив, они с нетерпением ожидают удачного момента для пересечения афганской границы и распространения своей деятельности, куда бы то ни было, где на нее есть спрос. Исторический контекст образования экстремистских группировок указывает на политическое злоупотребление ими со стороны различных региональных и международных сил. В сегодняшней нестабильной ситуации среди различных региональных и мировых политических сил идея использования этих группировок региональными силами для сокрушения своих соперников имеет больше резонов, чем было в прошлом. При таких обстоятельствах почти все соседние с Афганистаном страны уязвимы в отношении формирования движения экстремистских и террористических групп. В частности, страны, где радикальная религиозная идеология находится в стадии расцвета, в большей степени подвержены этой угрозе. В этом смысле некоторым государствам Центральной Азии следует обеспокоиться больше других. По информационным сообщениям недавнего прошлого, многочисленные радикализированные лица из стран Центральной Азии присоединились к группам, аффилированным с ИГИЛ, движению «Талибан» и организации «Аль-Каида» в Афганистане. Последний пример – их участие в похищении пассажиров

в афганской провинции Забуль. Представители местной власти, а также лидеры местных общин в районе, где произошло похищение, сообщали, что среди похитителей, принадлежащих к ИГИЛ, были граждане Узбекистана. В сообщениях также указывается, что сотни молодых людей из Центральной Азии присоединились к движению «Талибан» в Северном Афганистане. Присоединения этих молодых людей из Центральной Азии к террористическим группировкам свидетельствует об опасности как для стран их происхождения, так и для всего региона. Прежде всего, эта тенденция подтверждает возможность их радикализации сначала у себя на родине. Иными словами, у них на родине существуют институты или факторы, превращающие этих молодых людей в экстремистов. Вторая опасность заключается в их планах на будущее. Эти группы на данный момент нарушили границу и присоединились к своим идеяным братьям, чтобы бороться за свои радикальные убеждения в Афганистане или где-либо еще; однако они не планируют в конечном итоге навсегда оставаться за пределами своих стран. Напротив, они, вероятно, думают вернуться на родину, когда представится такая возможность, и бороться за то, что они считают истиной, в своих странах. Один из обычных путей в таком случае – перемещение из центральных и южных районов Афганистана ближе к приграничным районам своих стран. Чтобы подготовить почву для возвращения, они нуждаются в помощи местных сообществ по обоим берегам Амударьи и Пянджа, отделяющих Афганистан от Центральной Азии. Одним из основных способов убеждения приграничных сообществ является материальное стимулирование. По данным доклада СИПРИ 2015 года об исследовании ситуации в области безопасности людей в пограничных населенных пунктах Афганистана и стран Центральной Азии, эти сообщества тяжело страдают от скучного потенциала средств к существованию, высокого уровня безработицы и нищеты. В исследовании утверждается, что при отсутствии эффективных мер эти проблемы чреваты серьезной угрозой для приграничных районов. Используя в своих интересах такие неурядицы в приграничных районах, организованные преступные группировки (например, мафиозные группы) и экстремистские группы посредством предоставления материальных и социальных стимулов имеют возможность превратить приграничные районы в «безопасную зону» для осуществления своих амбициозных планов, в том числе распространения своей деятельности на территории Центральной Азии. Слабость государственных структур в Афганистане, которая ведет к созданию сотен незарегистрированных религиозных учреждений, действующих в приграничных районах, еще больше усугубляет положение. Религиозными учреждениями при

отсутствии контроля над их деятельностью без труда пользуются ИГИЛ и другие экстремистские организации. Вследствие этого, обретя прочные позиции в приграничных районах наряду с поддержкой из-за рубежа, эти группы начинают обдумывать пути расширения своего влияния на территорию Центральной Азии. Уже сегодня некоторые афганские политологи и государственные чиновники выражают недовольство по поводу крупномасштабных и систематических перемещений боевых групп и грузов из Южного Афганистана в северные провинции страны. Хотя это не подтвержденные пока слухи, постепенное увеличение численности боевых групп, включая талибов, на севере Афганистана повышает вероятность того, что слухи окажутся правдой. В случае если эти разговоры имеют под собой почву, государствам Центральной Азии следует серьезно обеспокоиться и незамедлительно обдумать превентивные меры, пока не станет слишком поздно.

Заключительные замечания

Появление в последнее время в Афганистане так называемых аффилированных с ИГИЛ групп стало причиной серьезной обеспокоенности не только для Афганистана, но и для всего региона. Идейная близость между этими группами и талибами усиливает возможность объединения экстремистских групп и формирования более прочной коалиции. Такие объединенные силы обладают достаточным потенциалом для подрыва безопасности не только Афганистана, но и соседних с ним стран. Несмотря на широко распространенное представление, что будущее аффилированных с ИГИЛ групп в Афганистане зависит от судьбы ИГИЛ на Ближнем Востоке, только их идейная связь с ИГИЛ обеспечивает им относительную независимость от курса ИГИЛ в мировом масштабе. Иными словами, поражение ИГИЛ на Ближнем Востоке не особенно скажется на вновь возникших группах при ИГИЛ, и они смогут продолжать свою деятельность самостоятельно. Таким образом, для эффективной борьбы против этих групп необходимы тщательно спланированные национальные и региональные стратегия и тактика. На национальном уровне, главным образом со стороны Афганистана, нужна краткосрочная и долгосрочная превентивная стратегия. В качестве краткосрочного решения правительству Афганистана следует провести всеобъемлющую операцию по обеспечению безопасности с целью пресечения распространения этих групп в разные районы страны. Однако для долгосрочной и непрерывной борьбы чрезвычайно необходима борьба правительства Афганистана с социальными и экономическими порядками, способствующими укоренению ИГИЛ в

афганском обществе. С этой целью ему следует продумать, каким образом обеспечить действенный контроль над религиозными учреждениями, особенно в приграничных районах. Во-вторых, правительство Афганистана должно найти пути решения проблем безопасности человека, чтобы защитить приграничные районы от ущерба, причиняемого террористическими группировками, такими как ИГИЛ. В силу финансовой и технической слабости афганского правительства для осуществления этих мер, оно остро нуждается в помощи со стороны государств Центральной Азии для достижения успеха.

Заключительный отчет

Лилиан ДАРИИ

Эксперт

Генеральный директор

департамента многостороннего сотрудничества

Министерства иностранных дел и Европейской интеграции

Республики Молдова

Семинар «Влияние внешних факторов на безопасность и развитие в Центральной Азии» был организован в г. Бишкеке, Кыргызстан, Региональным Центром Организации Объединенных Наций по Превентивной Дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА). В мероприятии приняли участие представители институтов стратегических исследований, академических кругов и государственных органов из пяти стран Центральной Азии, Азербайджана, Китая, Ирана, Российской Федерации и Соединенных Штатов, а также международных и региональных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В ходе семинара основное внимание было уделено последним событиям в сфере глобальной безопасности и их последствиям для Центральной Азии и соседних стран. Семинар состоял из пяти сессий, выводы и рекомендации которых, представленные ниже, основаны на докладах соответствующих докладчиков: г-жи Бахыт Абдильдиной, г-жи Моники Каландии и г-на Нодира Худайберганова.

Сессия 1: Расширение деятельности «Исламского государства» (ИГИЛ) и других экстремистских организаций как угроза стабильности в Центральной Азии

В ходе первой сессии участники обсудили взаимосвязь между безопасностью и geopolитическими событиями на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Одним

из основных событий в этой связи стал подъем «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

Участники отметили, что подъем ИГИЛ в середине 2014 года стал неожиданностью для международного сообщества. Успехам этой группировки на начальном этапе способствовало участие высокомотивированных и даже фанатичных иностранных боевиков из Европы и Азии, а также тактический альянс между иракскими повстанцами и бывшими представителями режима Саддама Хусейна. Хотя известно, что граждане Центральной Азии принимали участие в боевых действиях в Сирии и Ираке, оценки их точного количества варьируются в широких пределах—от низкого уровня, составляющего 300 человек, до максимального, составляющего 3000–5000 человек (включая российских граждан). Вне зависимости от их точного количества эти боевики вызывают особую обеспокоенность с учетом их опыта и хорошей подготовки. Даже в небольшом количестве они могут стать дестабилизирующим фактором в своих странах происхождения.

Правительства стран Центральной Азии все чаще выражают обеспокоенность по поводу вербовки террористов. Тем не менее, проводимые в связи с этим расследования и аресты нередко подвергаются критике со стороны международных наблюдателей, которые обеспокоены тем, что такие аресты, возможно, связаны не столько с вербовкой террористов, сколько с обузданием политических оппонентов.

Еще одним обстоятельством, вызывающим обеспокоенность в Центральной Азии, является близость региона к Афганистану. Афганистан, который имеет границы с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, живет в обстановке насилия вот уже более трех десятилетий. Его будущее по-прежнему неопределенно. Правительство Афганистана слабо контролирует страну, возможности вооруженных сил и сил безопасности Афганистана сомнительны, и талибы уже смогли взять под свой контроль значительную часть территории. Эта неопределенность создала условия для ИГИЛ, и уже появились сообщения о том, что сторонники ИГИЛ (в том числе некоторые бывшие командиры талибов) начали активно вербовать людей в Афганистане от имени, так называемого халифата.

Упоминался также целый ряд других внешних факторов, влияющих на безопасность в регионе, в том числе давние геополитические интересы мировых держав в Центральной

Азии. Кроме того, было отмечено ухудшение ситуации в плане безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе соседнего Китая. В 2014 году в результате кровавых терактов в Синьцзяне были убиты 37 человек. Кроме того, афганские талибы пытаются с боем захватить контрольно-пропускные пункты и территории на границе с Туркменистаном и Таджикистаном на пути из Герата в Кандагар, что является предполагаемым маршрутом прохождения газопровода ТАПИ через Афганистан. ИГИЛ также расширил свое присутствие в приграничных районах Афганистана и Туркменистана.

С момента обретения независимости страны Центральной Азии испытывают обеспокоенность по поводу боевых действий исламистов в целом, а подъем ИГИЛ вызывает у них особую тревогу. В ответ на эту обеспокоенность власти принимают все более жесткие меры в целях подавления воинствующего ислама. Однако именно эти меры способны вызвать обратную реакцию в виде повышения привлекательности воинствующего ислама в глазах молодых мусульман в качестве средства демонстрации оппозиции правительству. Аналогичным образом, в странах с огромными запасами нефти и/или газа (таких, как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан) то обстоятельство, что значительная часть населения живет в бедности, может привести к возникновению ощущения маргинализации, которое способно заставить людей искать утешения в религии и в крайних случаях радикализироваться.

Что касается причин, по которым граждане Центральной Азии вступают в ряды ИГИЛ, то исследователи выяснили, что бедность не является их основным мотивом и многие из них, если не большинство, не слишком хорошо осведомлены об исламе. Общим фактором является проблема социальной справедливости: многие стремятся присоединиться к ИГИЛ для того, чтобы помочь своим братьям-мусульманам, бороться с despотическим режимом, защищать слабых. Другие решают вступить в ряды ИГИЛ вследствие авантюризма, романтизма, любви (особенно женщины), желания стать героем либо потому, что считают, что халифат обеспечит мусульманам хорошую жизнь, и хотят внести свой вклад в его развитие.

Хотя социальные сети по-прежнему являются одним из ключевых инструментов вербовки в ряды ИГИЛ, они не считаются самым важным инструментом в Центральной Азии по той простой причине, что число людей, имеющих доступ к интернету, невелико. Более важную роль играют местные институты, такие как мечети и места религиозного обучения. Влиятельные религиозные лидеры могут способствовать

радикализации отдельных лиц либо посредством своего собственного учения, либо путем распространения экстремистских учений других.

Еще одним фактором, влияющим на вербовку граждан Центральной Азии, является большое количество людей, мигрирующих в Россию в поисках работы.

Сессия 2: Влияние событий на Украине на регион Центральной Азии

В ходе второй сессии участники обсудили кризис на Украине и вокруг нее и его влияние на Центральную Азию.

Аннексия Крыма Российской Федерацией и попытка отделения двух восточных областей Украины создали проблемы для внешней политики пяти стран Центральной Азии и выяснили одновременно общность этих странах с Россией и осторожность в отношении нее. Дilemma для стран Центральной Азии заключается в том, чтобы достичь надлежащей сбалансированности в своей реакции на события, стремясь одновременно сохранить дружественные отношения с Россией, и с Украиной. Осторожный подход стран Центральной Азии был очевиден. Казахстан, Киргизстан и Узбекистан на раннем этапе выражали поддержку территориальной целостности Украины, в то время как позднее Астана и Бишкек выражали «понимание» действий России. Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан призвали все стороны воздержаться от применения силы.

Эта осторожность была отчетливо продемонстрирована в контексте голосования по резолюции 68/262 Генеральной Ассамблеи о территориальной целостности Украины. Казахстан и Узбекистан воздержались, в то время как Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан вообще избежали участия в голосовании, даже не явившись на него.

Хотя Центральной Азии в значительной степени удавалось избегать последствий прежних споров между Востоком и Западом на Украине, в Молдове, Грузии и других местах, самый последний конфликт на Украине ощущается остро. Основное различие между прошлой и нынешней ситуацией заключается в западных санкциях против России в сочетании с низкой ценой на нефть и повышением уровня экономической интеграции с Россией.

Спор между Россией и Западом по-разному влияет на каждую из пяти стран в зависимости от отношений соответствующей страны с Россией, а также масштабов ее экономических

связей с Россией и российскими интеграционными структурами. Экономика Казахстана и Кыргызстана тесно связана с экономикой России благодаря их членству в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), и поэтому они испытывают на себе последствия западных санкций. Таджикистан, Кыргызстан и в некоторой степени Узбекистан сильно зависят от денежных переводов, отправляемых трудовыми мигрантами, большинство из которых работает в России, а в связи с падением стоимости рубля объем денежных переводов, соответственно, также сократился. Тем не менее, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан продолжают тесно сотрудничать с Россией в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, и даже Узбекистан и Туркменистан, которые обычно ревностно охраняют свой суверенитет, как сообщается, в последнее время обращались к России за дополнительной помощью в различных областях. В то же время, все пять стран Центральной Азии по-прежнему стремятся поддерживать «многовекторную» внешнюю политику и развиваются свои взаимоотношения с Соединенными Штатами, Европейским союзом, Китаем и другими странами, с тем, чтобы не попасть в полную зависимость от России.

Сессия 3: Стратегии ключевых государств-партнеров в Центральной Азии

Выступления и обсуждения в рамках третьей сессии были посвящены изменению роли стран – ключевых партнеров, таких как Соединенные Штаты, Россия, Китай и Турция, в Центральной Азии и способам преобразования интересов этих стран в возможности в целях повышения стабильности и укрепления экономического развития.

Одной из главных особенностей политической обстановки в Центральной Азии является сложное переплетение геополитических интересов, интересов в сфере безопасности, а также экономических и прочих интересов внешних сил, и эта ситуация зачастую возвращает нас к «большой игре» XIX века. Эти тенденции осложняются собственной «многовекторной» внешней политикой стран Центральной Азии, которые стремятся получить от внешних сил максимальную выгоду при минимальных рисках.

Основной интерес **Соединенных Штатов** в Центральной Азии связан с так называемой войной с террором. Страны Центральной Азии рассматриваются в качестве ключевых союзников в этих усилиях, в частности в той мере, в какой их географическое положение оказалось полезным для проведения операций в Афганистане. Кроме того, США уделяют

особое внимание гарантированию независимости пяти стран Центральной Азии, а также обеспечению стабильности и предотвращению радикализации. США также хотят сохранить доступ к энергетическим ресурсам региона. Наконец, США поддерживают процесс демократизации в Центральной Азии.

Преобладающий интерес **Российской Федерации** в Центральной Азии заключается в поддержании стабильности, в том числе путем ликвидации терроризма, что, в частности, обусловлено близостью страны к региону и протяженностью границы с Казахстаном. Кроме того, Россия также придает большое значение сохранению своего влияния в регионе, в частности в отношении регионального энергетического рынка.

Хотя **Китай** также стремится поддерживать региональную безопасность, его основной интерес в регионе связан со стремлением сохранить свою собственную территориальную целостность, так как китайское правительство не хочет допустить усиления взаимного влияния между странами Центральной Азии и своим собственным Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Кроме того, Китай стремится увеличить свое политическое и экономическое влияние в регионе, возможно, в попытке постепенно занять место Российской Федерации как основного коммерческого партнера в Центральной Азии.

И, наконец, **Турция** играет чрезвычайно важную роль в Центральной Азии, в частности благодаря своим культурным и языковым связям с регионом. Несмотря на то, что внешняя политика страны в отношении Центральной Азии не всегда носит последовательный характер, она в целом включает следующие основные компоненты: i) развитие сотрудничества в области энергетики, экономики, торговли, культуры, общества и политики; ii) поддержка местных усилий в области миростроительства и деятельности по предотвращению конфликтов; iii) поддержка местных усилий в сфере национального и государственного строительства; и iv) поощрение и поддержка более тесного внутри-регионального сотрудничества.

Таким образом, страны Центральной Азии оказались на пересечении интересов крупных geopolитических игроков. Задача стран Центральной Азии заключается в том, чтобы обратить соперничество между этими крупными игроками в возможности в плане развития региона в целом, в стимулы для содействия экономическому развитию и торговле, в механизмы для решения проблем в сфере безопасности.

Сессия 4: Роль региональных организаций в контексте влияния внешних факторов на регион Центральной Азии

В ходе четвертой сессии участники сосредоточили свое внимание на роли международных региональных организаций в Центральной Азии и в масштабах более широкого региона. Внимание было уделено не только тем региональным организациям, которые включают в качестве членов одну или несколько стран Центральной Азии, но и тем, в число членов которых страны этого региона не входят.

Среди государств Центральной Азии Туркменистан с момента обретения независимости проводит политику нейтралитета и ограничивает свое участие в различных многосторонних платформах взаимодействия. Со своей стороны Узбекистан проводит более контрастную политику, поддерживая регионализм в тех случаях, когда считает, что занимает позицию лидера, и односторонний подход в тех случаях, когда полагает, что его суверенные права не соблюдаются. Ташкент не проявляет особого интереса к принципу многосторонних отношений, предпочитая вместо этого поддерживать двусторонние связи. Казахстан нацелен на то, чтобы быть, прежде всего, защитником регионализма и в меньшей степени многосторонности. С другой стороны, Кыргызстан с самого начала следует принципу многосторонних отношений, свидетельством чего является его присоединение к Всемирной торговой организации в 1998 году. Таджикистан применяет и сочетает различные стратегии в зависимости от затрагиваемых областей и существующих субъектов.

Европейский союз (ЕС) принял Стратегию для Центральной Азии в 2007 году. В 2015 году этот документ был пересмотрен в четвертый раз. В результате проведенной оценки был сделан вывод о том, что Стратегия остается в силе и что в Центральной Азии Европейский союз будет следовать своим стратегическим целям, сформулированным в Стратегии для Центральной Азии, при должном учете изменяющихся условий и с опорой на достижения последних восьми лет. С момента принятия этой Стратегии ЕС с успехом создал ряд институциональных механизмов для укрепления отношений и сотрудничества с правительствами стран Центральной Азии, включая расширение присутствия на местах. Несмотря на это, деятельность ЕС в Центральной Азии оказывает лишь ограниченное воздействие или не оказывает воздействия вообще. Регион стал более нестабильным; прогнозы относительно поставок газа из региона в Европу до сих пор не реализовались;

торговля осуществляется в минимальном объеме, за исключением связей между ЕС и Казахстаном. Если некоторые глобальные и региональные субъекты формулируют широкие политические концепции в отношении Центральной Азии («Новый Шелковый путь» у Соединенных Штатов Америки (США), «Экономический пояс Шелкового пути» у Китая), ЕС ориентируется на Стратегию 2007 года, намеченные приоритеты которой находятся в диапазоне от содействия демократии до развития образования, и от вопросов безопасности до энергетики и торговых интересов. Стратегия ЕС для Центральной Азии – это нечто большее, чем просто формулировка политики, включающая лишь несколько целей, но меньшее, чем всеобъемлющая и подробная стратегия, которая в идеальном случае сопровождается планом действий и поддающимися количественному измерению контрольными показателями. Европейский союз, несмотря на Стратегию и обязательство по выделению региону более одного миллиарда евро, по-видимому, находится зачастую в бессильном положении для того, чтобы влиять на события в регионе. В этом смысле приоритетом для ЕС могло бы стать сосредоточение на нескольких областях, в которых он может оказать существенное влияние, таких как двусторонние партнерства и укрепление связей с гражданским обществом; усиление защиты прав человека; ограниченные по масштабу проекты сотрудничества в сфере безопасности и в области предотвращения конфликтов; и проведение более простой и более эффективной политики в области развития, уделяя особое внимание образованию.

НАТО продолжает углублять сотрудничество со странами-партнерами в Центральной Азии – Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Частью политики НАТО является охват стратегически важных регионов, безопасность и стабильность которых тесно связана с более широкой евро-атлантической безопасностью. Каждая из пяти стран способна оказать положительное влияние на будущее развитие Афганистана, в котором Североатлантический альянс продолжает вести активную деятельность. В новой Стратегической концепции НАТО, принятой на Лиссабонском саммите в ноябре 2010 года, говорится, что содействие евро-атлантической безопасности наилучшим образом обеспечивается за счет широкой сети партнерских отношений со странами и организациями по всему земному шару. Партнерские структуры и программы сотрудничества НАТО предлагают многосторонние рамки для ведения диалога по вопросам безопасности и возможности для практического двустороннего сотрудничества со странами – членами НАТО и другими странами-партнерами в самых разных областях. Это способствует транспарентности, укреплению доверия и помогает

решать общие проблемы безопасности. Все пять стран Центральной Азии уже на самом раннем этапе стали участниками Совета североатлантического сотрудничества. Затем в 1997 году на смену этому органу пришел Совет евро-атлантического партнерства. Четыре из пяти стран не замедлили воспользоваться возможностями, предоставляемыми «Партнерством ради мира», присоединившись к этой важной программе практического двустороннего сотрудничества, вскоре после начала ее реализации в 1994 году (Таджикистан присоединился позднее, в 2002 году). На Стамбульском саммите 2004 года лидеры стран НАТО приняли решение включить партнерство со странами Центральной Азии в число приоритетов Альянса. Отношения каждой из стран Центральной Азии с НАТО развиваются по-разному, поскольку отдельные партнеры могут свободно выбирать, каким образом и в каких областях они хотят сотрудничать с НАТО. Помимо сотрудничества с Альянсом, некоторые из центральноазиатских партнеров также участвуют в других региональных организациях безопасности. НАТО не видит противоречия между их сотрудничеством с Альянсом и их желанием построить прочные отношения с другими организациями.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является единственной общеевропейской организацией безопасности, которая предоставила членство пяти новым независимым государствам Центральной Азии после распада Советского Союза. ОБСЕ охватила возрождающуюся геополитическую зону, образующую мост не только между Европой и Дальним Востоком, но и между Ближним Востоком и Индийским субконтинентом. Принятие стран этого региона привело к возникновению значительных новых трудностей, которые создали проблемы для ОБСЕ. Эти пять государств характеризуются специфическими культурными и географическими особенностями, которым во времена Российской империи и Советского Союза на протяжении более чем ста лет не придавалось должного значения и которые исчезли из западного поля зрения. Интеграция с ОБСЕ заставила заново рассмотреть цели теперь уже не только евро-атлантической, но и евразийской организации в отношении политических образований, имеющих специфические проблемы. Кроме того, ОБСЕ сразу пришлось столкнуться с конфликтом в Таджикистане. Этническая напряженность, национализм, отсутствие демократического опыта, повсеместная коррупция и отсутствие гражданского общества, экономический коллапс, растущее социальное неравенство, а также рост религиозного радикализма, развитие организованной преступности и экологические катастрофы – все эти факторы создают подлинную угрозу реализации в регионе наиболее неблагоприятных

сценариев. Таким образом, роль ОБСЕ в качестве стабилизирующего фактора для стран, переживающих процессы национального и государственного строительства, имеет в этой области особое значение. На протяжении многих лет ОБСЕ имела пять представительств на местах во всех пяти странах Центральной Азии. Она также разработала индивидуальный подход к деятельности каждой из своих миссий на местах. В течение многих лет ОБСЕ пыталась придать региональную перспективу своей роли в Центральной Азии. В какой-то степени это воплотилось в создании и функционировании двух региональных флагманских проектов – Академии ОБСЕ в Бишкеке и Пограничного колледжа ОБСЕ в Душанбе. Эти два учреждения также стали эффективным связующим звеном между государствами Центрально-Азиатского региона и их государствами-партнерами в Европе. Тем не менее по-прежнему сохраняется необходимость расширения роли ОБСЕ в качестве координатора регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой региональный союз взаимной обороны, который включает шесть государств-членов: Россию, Беларусь, Армению, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Цель ОДКБ, которая была первоначально создана в 1992 году под эгидой Содружества Независимых Государств и Договора о коллективной безопасности (ДКБ), заключается в содействии миру, укреплении международной и региональной безопасности и стабильности, обеспечении коллективной защиты независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. ОДКБ, во главе которого стоит Российская Федерация, имеет Совет коллективной безопасности, Совет министров обороны, Совет министров иностранных дел, Секретариат и небольшие силы быстрого развертывания в составе 4000 военнослужащих. С момента создания Организации формирование альянса в рамках ОДКБ происходило очень медленно, зачастую наталкиваясь на препятствия вследствие расхождения национальных интересов государств-членов. Хотя ни одно из формирований Организации Договора о коллективной безопасности не развернуто на постоянной основе, каждое государство-член выделило в рамках своих вооруженных сил конкретные подразделения, готовые к развертыванию. Силы ОДКБ в основном дислоцируются на базах Центральной Азии, но подчиняются командной структуре, находящейся в Москве. Есть два вида основных боевых сил, сформированных в рамках ОДКБ: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР-ЦАР) и Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР). Из трех государств Центральной Азии, которые имеют общие границы с Афганистаном, только Таджикистан

является членом ОДКБ. Узбекистан вышел из группы в 2012 году. Россия поддерживает три военных объекта в Таджикистане – около Куляба, Курган-Тюбе и Душанбе; все они входят в состав 201-й мотострелковой дивизии.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в последние годы ориентируется на экономическое сотрудничество в качестве основной цели. На последнем саммите, состоявшемся в Уфе, Россия, в июле 2015 года, государства-члены приняли Стратегию развития ШОС, которая включает в качестве приоритетной задачи на ближайшие десять лет укрепление сотрудничества в области финансов, инвестиций и торговли. Пекин подталкивает Организацию к тому, чтобы сосредоточиться на экономическом сотрудничестве, выдвигая предложения о создании фонда развития и зоны свободной торговли. В прошлом многие из этих инициатив были встречены со скептицизмом. Однако государства-члены из Центральной Азии, которые нуждаются в инвестициях в инфраструктуру и энергетику, откликались на эти инициативы, несмотря на чувствительность России к расширению влияния Китая в бывших советских сателлитах. Несколько государств – членов ШОС – а именно Казахстан, Россия и Туркменистан – обладают одними из крупнейших в мире запасов нефти и природного газа, что стимулирует интерес к расширенному сотрудничеству между членами в энергетической сфере. Китай рассчитывает задействовать энергетические ресурсы для удовлетворения своего растущего спроса, и, в то время как Казахстан и Россия являются доминирующими экспортёрами энергоносителей, Узбекистану все в большей степени нужны его энергетические ресурсы для внутреннего развития и потребления, а экономика Киргизстана и Таджикистана остается слабой. Члены предпочитают сохранять национальный контроль над механизмами и соглашениями, касающимися их производства, поставок и потребления. Тем не менее региональное сотрудничество в области энергетики осуществляется за пределами ШОС.

Совет сотрудничества тюркоязычных государств был создан в 2009 году в качестве международной межправительственной организации с основной целью содействия всестороннему сотрудничеству тюркоязычных государств. Его четырьмя государствами – учредителями и членами являются Азербайджан, Казахстан, Киргизстан и Турция. Согласно двум основным документам Тюркского совета – Нахичеванскому соглашению от 3 октября 2009 года и Стамбульской декларации от 16 сентября 2010 года – государства – члены Совета следуют целям и принципам Устава Организации Объединенных

Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права. Установившиеся нормы, касающиеся поддержания мира, безопасности и развития добрососедских отношений, составляют основу укрепляемого сотрудничества. Совет сотрудничества тюркоязычных государств опирается на особую солидарность, обусловленную единством общей истории, культуры, идентичности и языка тюркоязычных народов. Основными задачами Совета сотрудничества тюркоязычных государств является содействие всестороннему сотрудничеству между тюркоязычными государствами и его углубление, сохранение исторических уз дружбы и братства между ними, защита культурных богатств тюркоязычных народов и их сближение, а также внесение совместного вклада в дело обеспечения мира и стабильности в Евразии.

Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) представляет собой партнерство 10 стран (Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), совместная деятельность которых, осуществляемая при поддержке шести многосторонних институтов, направлена на содействие развитию посредством сотрудничества в целях ускорения роста и сокращения бедности. Долгосрочная концепция Программы – «Хорошие соседи, хорошие партнеры, хорошие перспективы». В условиях стремительной экономической экспансии Китайской Народной Республики и Японии на востоке, Российской Федерации на севере, и Индии и Пакистана на юге у стран ЦАРЭС имеется беспрецедентная возможность превратиться в центр торговли и коммерции, достичь более высокого уровня экономического роста и сократить масштабы бедности. ЦАРЭС помогает Центральной Азии и ее соседям реализовать свой значительный потенциал путем содействия региональному сотрудничеству в четырех приоритетных областях: транспорт, содействие торговле, а также энергетика и торговая политика.

Страны Центральной Азии, а также Китай, Иран, Пакистан и кавказские республики – Грузия и Азербайджан – участвуют в процессе организации и согласования транспортных артерий и коммуникаций, соединяющих Европу и Азию, Запад и Восток. Европейский союз оказал серьезную поддержку широко известному транспортному коридору Европа–Кавказ–Азия (ТРАСЕКА) в целях восстановления морских, автомобильных и железнодорожных путей сообщения. С точки зрения регионов Европы, Южной Азии и Северо-Восточной Азии Центральная Азия является важнейшей зоной межрегиональных

контактов, которые способны порождать либо разногласия и конфликты, как в период холодной войны и во время горячего конфликта в Афганистане, либо новые связи, которые создадут возможность для более позитивных отношений.

Сессия 5: Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов

В ходе сессии участники обсудили нынешнее состояние межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе и возможные пути реализации существующего потенциала сотрудничества в практических взаимовыгодных проектах.

Было высказано единодушное мнение о том, что странам Центрально-Азиатского региона необходимо сотрудничать в целях обеспечения своей безопасности и устойчивого развития и что увеличение объемов торговли и взаимных инвестиций обеспечит существенные экономические выгоды. Было выражено понимание того, что странам региона следует прилагать больше усилий к тому, чтобы рынок Центральной Азии стал цельным и жизнеспособным экономическим образованием. Заинтересованность в диверсификации обрабатывающей промышленности и повышении привлекательности делового и инвестиционного климата способствует возрождению интереса к региональному сотрудничеству. Было бы наивно надеяться на быстрое улучшение нынешнего состояния дел, поскольку странам потребуется время для того, чтобы оценить издержки и выгоды, связанные с региональным экономическим сотрудничеством. Однако желание все большей части населения пользоваться тем, что они рассматривают в качестве преимуществ интеграции в целях развития, станет важнейшим движущим фактором региональной интеграции: уже происходящие на местах изменения, в конечном счете, окажут влияние на процесс принятия политических решений. В этом смысле регионализм в Центральной Азии, вероятно, развивается в направлении снизу вверх, а не наоборот. Только инициативы частного сектора и понимание конкурентных факторов и синergии ресурсов, технологий, а также факторов производства могут позволить региону достичь желаемого уровня модернизации, к которому страны стремятся в конечном итоге, и побороть бедность и другие социальные проблемы, такие как безработица, миграция за пределы страны и потенциальное развитие радикализма.

Следует подчеркнуть, что формальные инструменты для расширения сотрудничества между странами региона были созданы в период после обретения независимости. Казахстан и Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан, Кыргызстан и Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, а также Туркменистан и Узбекистан подписали «договоры о вечной дружбе». Однако, учитывая порой весьма непростые отношения между отдельными странами Центральной Азии – участниками этих пяти договоров, возникает вопрос о цели таких документов. Кроме того, государства Центральной Азии взаимодействуют в рамках различных региональных механизмов, которые были созданы не только в целях официального признания необходимости сотрудничества, но и в целях решения конкретных региональных проблем. Можно было бы упомянуть Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Центральной Азии и Организацию «Центральноазиатское сотрудничество», однако с тем замечанием, что эти механизмы не обеспечивают реальных возможностей взаимодействия и продолжают оставаться чистой формальностью, не давая реальных результатов. Главная мысль, которая была четко подчеркнута, заключалась в том, что ни одна страна региона не может достичь прогресса в создании экономики, основанной на принципах устойчивого развития, и решить проблемы безопасности, не участвуя в эффективном региональном сотрудничестве.

Было подчеркнуто, что, очевидно, необходимо проявить большую политическую волю, для того чтобы сосредоточить усилия в области сотрудничества на устраниении по-прежнему сохраняющихся различий в подходах к решению проблем в таких областях, как безопасность границ, взаимосвязь между водными ресурсами и энергетикой, миграция, торговля. Следует осознать, что безопасность и экономическое развитие нельзя укреплять за счет соседей. Особое внимание следует обратить на опыт, накопленный в других географических областях. Например, устойчивым оказался механизм интеграции ЕС. Этот опыт может быть воспроизведен, по меньшей мере, в некоторых областях сотрудничества между государствами региона. Устранение торговых барьеров, упрощение процедур пересечения границ могут обеспечить существенные выгоды и способствовать развитию различных областей в странах Центральной Азии.

198 Например, ситуация в Афганистане представляет собой как проблему, так и возможности для расширения сотрудничества между государствами Центральной Азии. Различные инициативы в разных областях обеспечивают возможности для оказания помощи

соседнему Афганистану и расширения внутригосударственного сотрудничества в Центрально-Азиатском регионе. Международные субъекты инвестируют значительные средства, с тем, чтобы присоединить Центральную Азию к афганским инициативам. Для содействия прогрессу и развитию в регионе никакой альтернативы сотрудничеству не существует. Центральная Азия является отдельной частью мирового сообщества, и это то место, в котором все глобальные субъекты – двусторонние и многосторонние – могли бы продемонстрировать благотворность развития регионального сотрудничества в целях устойчивого развития стран региона.

Приложение 1: Программа семинара

День первый

14.00 – 14.20	Открытие <i>Вступительное слово г-на Александра Аванесова, Постоянного координатора ООН/Постоянного представителя ПРООН в Кыргызской Республике</i> <i>Вступительное слово Миры Карыбаевой, Заведующей отделом этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом Аппарата Президента Кыргызской Республики</i> <i>Вступительное слово посла Сергея Капиноса организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центра в Бишкеке</i> <i>Вступительное слово г-на Арманда Пуполса, Советника по политическим вопросам РЦПДЦА</i>
14.20 – 16.00	Сессия 1: Расширение деятельности «Исламского государства» (ИГИЛ) и других экстремистских организаций как угроза стабильности в Центральной Азии <i>Модератор:</i> г-н Александр Аванесов, Постоянный координатор ООН/Постоянный представитель ПРООН в Кыргызской Республике <i>Выступающие:</i> г-н Нурлан Айтмурзаев, Ректор дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики г-н Кайхан Барзегар, Директор института стратегических исследований для Ближнего Востока в Тегеране г-н Фархад Мамедов, Директор центра стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики

Докладчик: г-жа Моника Каландия, Младший советник по политическим вопросам департамента по политическим вопросам Секретариата ООН

16.00 – 16.20 Перерыв на кофе

16.20 – 17.30 **Сессия 1: Расширение деятельности «Исламского государства» (ИГИЛ) и других экстремистских организаций как угроза стабильности в Центральной Азии (продолжение)**

Модератор: г-н Нурлан Айтмурзаев, Ректор дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики

Выступающие: г-жа Шарбану Таджбахиш, Профессор Парижского института политических наук

г-н Гусейн Гусейнов, Заместитель начальника департамента по анализу и стратегическим исследованиям Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики

г-н Вячеслав Мусихин, Советник секретариата организации договора о коллективной безопасности

Докладчик: г-н Нодир Худайберганов, Национальный программный сотрудник/ Представитель РЦПДЦА в Узбекистане

День второй

09.00 – 10.30 **Сессия 2: Влияние событий в Украине на регион Центральной Азии**

Модератор: г-жа Жанаргуль Кусмангалиева, Директор института Евразийской интеграции

Выступающие: г-н Мухит-Ардагер Сыдыкназаров, Директор института современных исследований ЕНУ им. Л. Гумилева, Казахстан

Докладчик: г-жа Бахыт Абдильдина, Национальный программный сотрудник/ Представитель РЦПДЦА в Казахстане

10.30 – 10.50 Перерыв на кофе

10.50 – 13.00	Сессия 3: Стратегии ключевых государств-партнеров в Центральной Азии
Модератор:	г-н Сайфулло Сафаров, Первый заместитель директора центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан
Выступающие:	<p>г-н Артем Данков, Доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета</p> <p>г-жа Хань Лу, Научный сотрудник Китайского института международных наук</p> <p>г-н Джеймс Крейтон, Заслуженный член Американского института «Восток-Запад»</p>
Докладчик:	г-н Нодир Худайберганов, Национальный программный сотрудник/ Представитель РЦПДЦА в Узбекистане
13.00 – 14.00	Обед
14.00 – 15.30	Сессия 4: Роль региональных организаций в контексте влияния внешних факторов на регион Центральной Азии
Модератор:	г-н Лилиан Дарии, Эксперт, Генеральный директор по многостороннему сотрудничеству Министерства иностранных дел Молдовы
Выступающие:	<p>г-н Али Ресул Усул, Председатель центра стратегических исследований Министерства иностранных дел Турции</p> <p>г-н Аскар Еркинов, Эксперт Исполнительного комитета региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества</p> <p>г-н Алмаз Имангазиев, Заместитель директора департамента интеграционных объединений Министерства иностранных дел Кыргызской Республики</p>

г-н Артем Азнаурян, Политический советник организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Центра в Бишкеке

г-н Вячеслав Мусихин, Советник секретариата организации договора о коллективной безопасности

Докладчик: г-жа Бахыт Абдильдина, Национальный программный сотрудник/
Представитель РЦПДЦА в Казахстане

15.30 – 15.50 Перерыв на кофе

15.50 – 17.10 **Сессия 5: Перспективы развития сотрудничества между государствами Центральной Азии в контексте роста влияния внешних факторов**

Модератор: г-жа Шарбану Таджбахш, Профессор Парижского института политических наук

Выступающие: г-жа Жанаргуль Кусмангалиева, Директор института Евразийской интеграции

г-н Сайфулло Сафаров, Первый заместитель директора центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан

Докладчик: г-жа Моника Каландия, Младший советник по политическим вопросам департамента по политическим вопросам Секретариата ООН

17.10 – 17.30 **Подведение итогов**

Для заметок

О РЦПДЦА

Региональный Центр Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) является специальной политической миссией ООН, созданной по инициативе правительства пяти государств Центральной Азии в 2007 году, со штаб-квартирой в г. Ашхабаде, Туркменистан. РЦПДЦА оказывает содействие центральноазиатским государствам в целях выявления и устранения, существующих и потенциальных угроз миру и безопасности в регионе, таких как международный терроризм, экстремизм, контрабанда наркотиков, организованная преступность и ухудшение состояния окружающей среды.

Мандат РЦПДЦА конкретизируется в Программах действий, принимаемых на три года после консультаций с правительствами государств Центральной Азии. Действующая Программа действий на период 2015–2017 годов сосредоточена на четырех ключевых приоритетных направлениях, а именно:

- 1) транснациональные угрозы и вызовы;
- 2) управление общими природными ресурсами;
- 3) внутренние факторы, оказывающие влияние на региональную стабильность;
- 4) создание национального/регионального потенциала для предотвращения конфликтов.

Центр играет ключевую роль в превентивной дипломатии в Центральной Азии, а также в разработке инициатив, направленных на достижение решений региональных проблем мира и безопасности.

Региональный Центр Организации Объединенных Наций по Превентивной Дипломатии для Центральной Азии

Проспект Арчабиль, 43, 744036, Ашхабад, Туркменистан

Тел: + 993 12 48 16 12/13/14 • Факс: + 993 12 48 16 07

Электронный адрес: unrcca-dpa@un.org

Посетите наш сайт: www.unrcca.unmissions.org